

**ФЕНИМОР КУПЕР
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РОМАНОВ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н.МОГУЧЕГО
ТОМ 1Х
“ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА”
Москва—Ленинград
ЛОЦМАН
ОСАДА БОСТОНА
J.FENIMOR COOPER
THE PILOTE
THE SIEGE OF BOSTON**

**Переплет и обложка по рис.худ.А.Могилевского
Отпечатано в типографии Госиздата
“Красный Пролетарий”, Москва,
Пименовская улица, дом 16,
в.кол.7.000 экз., 17 1\4 л.
Главлит № 99.272.
МСМХХУШ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

В борьбе американских колоний Англии за независимость, борьбе, приведшей к созданию Северо-Американских Соединенных Штатов, не следует видеть широкое республиканско-демократическое движение против монархического деспотизма метрополии. В основном, революция была орудием борьбы американской буржуазии против связывавшего ее экономическое развитие имперского законодательства, заботившегося о выгоде буржуазии метрополии.

Еще в 1699 году английский парламент, стремясь уничтожить конкуренцию колоний, воспретил вывоз из них шерстяных материй, а несколько позже, и изделий из металла. Последним в длинном ряду ограничительных законов было запрещено в 1770 г. ввоза в Америку вновь приобретенных машин и чертежей их.

Между тем, американские колонисты через Бостон, Нью-Йорк и другие порты вели обширную торговлю с Кантоном, Индией и Южно-Американскими странами. Удовлетворяя возрастающий внутренний спрос, они в силу экономического развития не могли ограничиться посредническими операциями, и нуждались для внешней торговли в создании и распространении ряда новых производств. Таким образом создавались положительные условия для формирования национального сознания и росло недовольство против заморских хозяев. После 1763 года, когда колонисты помогли англичанам овладеть французской Канадой, события пошли чрезвычайно быстро. Устранив общую опасность в лице французских войск, англичане и американцы оказались лицом к лицу с рядом больших противоречий интересов. Американцы хотели широко участвовать в мировой торговле. Законодательные акты в отношении ряда товаров ограничивали и ввоз и вывоз английским рынкам. Молодая американская буржуазия нуждалась в сокращении накладных расходов. Англичане обкладывали товары большими пошлинами. Кроме пошлин, американские колонии Англии были обложены рядом непомерных налогов, ибо английское правительство изыскивало всевозможные способы, чтобы ликвидировать свои потери семилетней войне.

Первым результатом этого конфликта было собрание делегатов колоний в октябре 1765 г., в Нью-Йорке. Здесь была принята "декларация прав колонистов и причин их недовольствий", основное положение которой требовало введения такого порядка взимания налогов, при котором бы испрашивалось согласие народных представителей. По существу, в этом заключалось уже требование автономии. Но английское правительство и парламент продолжали свою политику зажима. Бумага, вино, кожа и чай были вновь обложены налогами, наряду с другими товарами.

Были приняты суровые меры против контрабандистов: учреждены особые суды без присяжных, и. т. д.

Бойкот английских товаров, последовавший за этими актами, несколько испугал английских хищников и оттянул открытую борьбу до 1773 г. В этом году английское правительство даровало Ост-Индской компании беспошлинное монопольное право ввоза чая в Америку. Интересам американских коммерсантов, и всей экономической жизни американских портов этот акт наносил существенный удар. Взрыв возмущения начался в Бостоне. Здесь большая толпа пробралась на один из кораблей Ост-Индской компании и потопила весь груз чая.

Власти передали управление Бостоном и всей области Массачузета военному командованию. Все колонии ответили на это насилие конгрессом в Филадельфии, объявившим полное прекращение всяких сношений с Англией. Одновременно началась вооруженная борьба за Бостон. В следующем (1775) году вновь собравшийся конгресс принял на себя обязанность центрального правительства и назначил Вашингтона командующим вооруженными силами. Тяжелое международное положение (борьба против Франции, Испании и Голландии) вынудило Англию после восьми лет войны с переменным счастьем отказаться от подавления мятежа „негров" и признать новое государство (1783). Это государство, повторяем, ни в каком случае не было с самого начала демократией. Его вождь Вашингтон называл народ „подлым животным". Его конституция была слепком с английской конституции времени XVI—XVII в.в., т.-е. времени до английской революции.

События, описанные в „Л о ц м а н е " и „О с а д е Б о с т о н а ", рисуют два любопытных эпизода из этой борьбы. В „Л о ц м а н е " Фенимор Купер явственно намекает на историческое лицо, отважного борца за американскую свободу, Поля Джонса, который, однако, бесславно кончил свои дни на службе в русском царском флоте. Во втором романе изображены все моменты действительно происходившей осады Бостона...

Фенимор Купер не подымается над уровнем мировоззрения рядового американского буржуа. Читатель не должен рассчитывать, что он найдет в романах вскрытие событий человеком, стоявшим над этой борьбой. Эту работу придется читателю сделать самостоятельно, критически оценивая каждого героя. А портреты их, как всегда у Купера, сделаны исключительно ярко и живо. Это люди, среди которых немногие, вроде Гриффиса и Барнстэбля (в „Л о ц м а н е "), являются профессиональными воинами. Те отряды, которые заперли выходы из Бостона и заставили покинуть город многочисленную армию англичан, состояли из мирных поселенцев, с гораздо большим искусством владевших заступом и плугом, чем мушкетом и орудийным фитилем. Их превосходство состояло не в вооружении, и даже не в количественном перевесе, хотя освободительная война поставила под ружье все

ФЕНИМОР КУПЕР

беспособное местное население, а в иллюзии тех принципов, на защиту которых они выступили. Идея национальной независимости и по наше время не утратила своего революционного значения для колониальных и полуколониальных народов, которые непрерывно сотрясают вулканическими взрывами всю систему современного империализма. Национальная независимость является одной из необходимейших предпосылок для беспрепятственного общественного и экономического развития страны. Рост производительных сил Северной Америки неизбежно должен был вступить в столкновение с интересами метрополии. Этот конфликт был разрешен оружием, и победило то оружие, которое прокладывало путь к будущему, а не пыталось повернуть историю вспять...

ПРЕДИСЛОВИЕ	1
ЛОЦМАН	5
ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	6
ГЛАВА III	9
ГЛАВА IV	10
ГЛАВА V	13
ГЛАВА VI	16
ГЛАВА VII	18
ГЛАВА VIII	21
ГЛАВА IX	23
ГЛАВА X	25
ГЛАВА XI	27
ГЛАВА XII	29
ГЛАВА XIII	31
ГЛАВА XIV	34
ГЛАВА XV	35
ГЛАВА XVI	38
ГЛАВА XVII	40
ГЛАВА XVIII	42
ГЛАВА XIX	44
ГЛАВА XX	47
ГЛАВА XXI	49
ГЛАВА XXII	50
ГЛАВА XXIII	53
ГЛАВА XXIV	55
ГЛАВА XXV	58
ГЛАВА XXVI	60

ФЕНИМОР КУПЕР

ГЛАВА XXVII.....	63
ГЛАВА XXVIII	65
ГЛАВА XXIX	67
ГЛАВА XXX.....	69
ГЛАВА XXXI	70
ГЛАВА XXXII.....	72
ГЛАВА XXXIII	73
ГЛАВА XXXIV.....	77
ГЛАВА XXXV	80

ЛОЦМАН ЛОЦМАН

ГЛАВА I

Однажды, вскоре после того, как революция вызвала столкновение Франции, Испании и Голландской республики, в одном из мест на северо-восточном берегу Англии столпилась в открытом поле группа чернорабочих. Толки о том, что Англия не только находится в раздоре с какими-то своими владениями по ту сторону океана, но даже воюет с соседними народами, встревожила и этих мирных, далеких от происходивших событий людей.

— Эти „негры“,—заметил поденщик-ирландец,—не могли бы наделать хлопот старой Англии,—я не говорю уже об Ирландии,—если бы им не помогли французы и испанцы. Из-за них теперь и выпить не смей: того и гляди, зазевашься и угодишь в солдаты.

— Иди ты с твоей Ирландией!—возразил шотландский погонщик, подмигивая остальным слушателям.—Вот у нас так действительно умеют набирать войско: только засвистит флейта, и рекруты сами идут „по доброй охоте“. Видал я. Но что это за рыба? Что это им пришла охота нестись на гибель к этим скалам?

Все посмотрели в ту сторону, куда указывал погонщик своим шестом. Там небольшой корабль огибал мыс, составлявший одну из сторон маленькой бухты, противоположную тому берегу, где стояли работники. Только самые небольшие суда, да и то лишь изредка, осмеливались подходить близко к этому берегу, изобиловавшему подводными скалами и песчаными отмелями.

Должно быть, отчаянные моряки, пренебрегшие на этот раз всякой осторожностью, находились на продолговатой черной шкуне, кузов которой казался до странности малым по сравнению с стоявшими на нем мачтами, постепенно заострявшимися, так что верхушки их были не шире узкого вымпела, который слабо колыхался под ленивым дыханием берегового ветерка.

Короткий северный день приближался к концу. Солнце бросало свои косые прощальные лучи на поверхность моря, и полосы его бледного света ложились на унылые волны. Непрерывный слышался шум прибоя, но обычно бурный ветер Немецкого моря сменился затишьем. Легкая зыбь, бороздившая спокойную водную поверхность, вызывалась лишь слабым береговым ветром.

Было все же что-то угрожающее в море, глухо рокотавшем, точно вулкан накануне извержения. Корабль, на котором были распущены только грот¹ да легкий кливер² протянутый к самому концу бушприта,³ к изумлению зрителей, грациозно и легко скользил по воде.

— Ну и смельчаки!—воскликнул шотландец.—Провести судно по таким местам и не потопить его!

Маленькая шкуна продолжала итти среди скал и отмелей, искусно лавируя. Когда судно углубилось в бухту настолько, что подвигаться дальше было бы крайне рискованно, его паруса словно сами собой собрались в складку, и шкуна стала на якорь.

Зрители начали оживленно рассуждать о намерениях ненадежного посетителя. Одни утверждали, что это судно контрабандистов, другие—что это военное судно.

— Эге! Да их двое!—воскликнул ирландец.

— Двое!—подтвердил погонщик.—Не к добру это! Два корабля, а ни на одном нет команды. Погляди, какой большой! Уж не за новобранцами ли он приехал? Удери-ка я лучше в город, а то как-раз забреют.

Эта догадка встревожила всех, так как в то время ходили слухи о насильственной вербовке матросов. Рабочие быстро собрали свои инструменты, и берег опустел.

Корабль, вызвавший такую тревогу, отличался внушительными размерами и вырисовывался в вечернем тумане над морем, словно отдаленная гора, высящаяся над пучиной. Парусов на нем было мало, и хотя он не решился подойти к берегу так же близко, как шкуна, однако, по всему видно было, что оба судна появились в этих местах с одной и той же целью.

Пройдя мимо входа в бухту, фрегат попытался лечь в дрейф, как-раз против стоянки своего спутника. Но ветерок, и без того почти не шевеливший его паруса, делался все слабее, а быстрое течение относило корабль к скалам, тянувшимся далеко к взморью, черные верхушки которых выглядывали из воды. На фрегате отдали якорь, и над его кормой был поднят флаг: красный крест на белом поле.

— Английский флаг!—подметил с далекого холма уходивший благоразумный шотландец.

Когда с обоих кораблей спустили по шлюпке, он зашагал еще быстрее и больше уже не решался оглядываться.

Катер фрегата, занятый значительным отрядом матросов, плавно подвигался к верховью бухты. Когда он

¹ Грот — большой прямой парус на нижней рее грот-мачты.

² Кливер — треугольный парус перед фок-мачтой.

³ Бушприт — выдающаяся вперед часть носа судна

ФЕНИМОР КУПЕР

приблизился к шкуне, то от нее отделился легкий вельбот⁴ и как стрела полетел наперерез к большой шлюпке. Обе лодки сблизились, и гребцы остановились.

— Не сошел ли с ума наш старик!—крикнул с вельбота молодой офицер.—Или он думает, что у „Ариеля“ железное дно, и что мы не можем потонуть?

— Он вполне уверен в вашей осторожности, капитан Барнстэбль,— возразил с легкой улыбкой молодой человек, сидевший в небрежной позе на корме катера.—Вот почему он не боится за судьбу вашего корабля и вашей команды.

— Так-то оно так,—ответил Барнстэбль, вставая с места, чтобы полюбоваться своей шкуной.—Но все-таки это опасная задача—стоять тут на рейде, имея только один якорь, да еще в такой вечер. Каковы распоряжения?

— Я буду ждать вас. Вы возьмете с собой мистера Мерри и постарайтесь пристать к берегу.

— К берегу! Эту отвесную скалистую стену вы называете берегом, мистер Гриффис? Тот улыбнулся.

— Не будем спорить о терминах, но приступим к делу. Мы заметили сигнал с берега и знаем, что лоцман, которого мы так долго ожидали, готов присоединиться к нам.

— Как я узнаю его?

— Мерри передаст вам пароль и скажет, в каком месте вы встретите этого человека. В случае затруднений выставьте в ряд лопасти трех весел, и я приду на помощь. Три стоймя поставленных весла и pistolетный выстрел приведут в действие мои мушкеты, а если я повторю сигнал, то с фрегата выстрелит пушка.

— Спасибо, спасибо. Я, вероятно, и один справлюсь со всеми врагами, какие только могут встретиться нам на этом берегу. Но старик прямо-таки спятил с ума. Я готов...

— Повинуйтесь его распоряжениям!—произнес Гриффис повелительно, но лицо его сохраняло дружеское выражение.—Высаживайтесь на берег, и там вы должны встретиться с человеком небольшого роста в драповой матросской куртке. Если он ответит на ваш пароль, вы отвезете его ко мне на катер.

Молодые люди приветливо раскланялись друг с другом, и когда юноша, которого звали Мерри, пересел на вельбот, Барнстэбль дал знак гребцам. Легкий вельбот отважно устремился к скалам и после некоторых поисков вдруг круто повернулся и, прыгая на волнах, подошел к месту, где можно было безопасно высадиться на берег.

Катер медленно следовал тем же путем, держась на некотором расстоянии, и когда находившиеся на нем увидели, что вельбот причалил к скале, матросы катера бросили якорь и приготовили ружья. Видно было, что все получили заранее подробные указания, так что командовавший лодкой офицер лишь изредка отдавал свои отрывистые распоряжения.

Как только был брошен якорь, Гриффис растянулся на обитой подушками скамье катера, надвинул шляпу себе на глаза и задумался. Иногда, привстав, он всматривался в берег, отыскивая своих товарищей, потом переводил глаза на взморье, и рассеянно-беспечное выражение его лица сменялось выражением озабоченности опытного не по летам моряка.

Закаленные непогодой и бурей, матросы сидели молча и неподвижно, следя глазами за каждой новой тучей и тревожно переглядываясь всякий раз, когда тяжелая и крутая волна сильнее прежнего подбрасывала их лодку.

ГЛАВА II

Командовавший шкуной молодой лейтенант, которого товарищи обыкновенно шуточно называли „капитаном“, вышел на скалистый берег. Мичман Мерри следовал за ним.

— Неизвестно еще, какая встреча нас ожидает наверху,—сказал Барнстэбль, осматривая крутую скалу.

— Не забывайте, сэр, что нам стоит только дать сигнал, и с фрегата начнется пальба.

— На нашу же голову! Нет, я охотно доверился бы Тому Коффину с его гарпуном⁵ чем наилучшему прицелу трехпалубного фрегата. Ну-ка, встряхнись, Коффин⁶, и попытайся стать на твердую почву.

Матрос, носивший такое мрачное прозвище, медленно поднялся с места и постепенно вытянулся во весь свой огромный рост. В нем было шесть футов и столько же дюймов росту, хотя обыкновенно он держался согнувшись—привычка, усвоенная от частого пребывания в слишком тесных для него помещениях корабля. Огромные жилистые руки его свидетельствовали о гигантской силе; невысокая, темная войлочная шляпа оттеняла природную суровость лица, обрамленного черными бакенбардами с пробивавшеюся кое-где сединою.

Коффин выпрыгнул на берег и остановился, опираясь о древко гарпуна, острие которого он воткнул в землю.

Начался подъем. Барнстэбль при всей своей смелости и ловкости должен был бы отказаться от попытки взобраться наверх, если бы ему не помогал иногда силач боцман. Почти у самой вершины скалы был уступ, на котором моряки остановились, чтобы отдохнуть и обменяться мнениями.

⁴ Вельбот – узкая длинная шлюпка

⁵ Гарпун- железный стержень с заостренным копьевидным концом в виде двойного крючка на деревянной ручке, употребляемый при ловле китов.

⁶ Коффин- гроб.

ЛОЦМАН

— Нелегко будет отступать, если мы встретимся с неприятелем,— пробормотал Барнстэбль.— Где мы должны искать этого лоцмана, Мерри? Уверены ли вы, что он не предатель?

— На этом клочке бумаги написан вопрос, которым вы должны окликнуть его,— ответил юноша, передавая лейтенанту записку.— Он видел нашу лодку и, вероятно, ждет нас где-нибудь поблизости. Если бы он был предателем, то едва ли капитан Мэнсон относился бы к нему с таким доверием.

— А я так же мало доверяю незнакомому человеку, как и незнакомому берегу. Что скажешь на это, Коффин?

— Дайте мне только открытое море да хорошие паруса,— ответил старый моряк,— и никаких лоцманов мне не надо. Я родился на шкуне, а в суше не вижу никакого толку,— разве еще островок какой-нибудь, где можно достать овощей да заготовить впрок рыбный улов. Терпеть не могу берега!

— Правильно, Том! Однако, нам надо двигаться дальше: солнце садится, а остаться тут на якоре на всю ночь нельзя.

Несколькими отчаянными прыжками Барнстэбль взобрался на вершину утеса, а боцман, посадив юного мичмана, в ту же минуту оказался рядом с ним. Перед их глазами раскинулась равнина, вспаханная под поля и размежеванная живыми изгородями и заборами. На расстоянии мили от них стоял какой-то развалившийся домишко. Другого жилья вблизи не было

— Я не вижу ни опасности, ни того, кого ищем,— сказал Барнстэбль, осматриваясь.— Что скажешь, длинный Том? Видишь ли ты кого-нибудь?

— Лоцмана не вижу, сэр,— отозвался матрос.— Но нет худа без добра: вон там припасена туша свежего мяса— всей нашей команде хватило бы на двойную порцию.

Мичман со смехом указал на предмет, привлечший внимание боцмана; это был жирный вол, равнодушно жевавший свою жвачку у одного из плетней.

— Только прикажите, и я всажу в него эту штуку,— продолжал Том, беря наперевес свой гарпун.— Не промахнусь! Мне ли, старому китолову, бояться промаха?

— Оставь, мы сейчас выехали не на китоловный промысел,— проговорил Барнстэбль.— Тише! Кто-то идет сюда. Приготовьте оружие, Мерри!

— Ну, этот молодчик не опасен— едва ли он осмелится напасть на нас.

— Вы правы,— сказал лейтенант, отнимая руку от пистолета, за рукоятку которого он схватился было.— Идет он осторожно, боязливо. Он невысок ростом... Пожалуй, это он и есть. Пойдите здесь, а я пойду и окликну его.

Барнстэбль быстро приблизился к ограде, за которой скрывался незнакомец.

— Послушайте, сэр,— окликнул его лейтенант,— скажите нам, что за вода в этой бухте⁷?

Незнакомец вздрогнул и, отвернув лицо, ответил едва внятно:

— Мне думается, что это— вода Немецкого моря.

— Вот как? Повидимому, вы долго изучали географию. Быть может, вы сумеете также сказать мне, сколько времени мы проведем вместе, если я, желая насладиться вашим остроумием, возьму вас в плен?

Подросток ничего не ответил на эту угрозу, но стоял, попрежнему отвернувшись и закрывая лицо руками. Думая, что его угроза произвела желаемое действие, лейтенант собирался уже продолжать свой допрос, но бросившееся в глаза волнение юного незнакомца заставило его взглянуться внимательнее, и, к своему изумлению, лейтенант увидел, что подросток дрожит не от страха, а от едва сдерживаемого смеха.

— Чорт возьми, ваша веселость совершенно не уместна, молодой человек! Мало того, что нам пришлось бросить якорь среди подводных скал, когда того и гляди налетит буря,— какой-то мальчишка вздумал еще смеяться над нашей неудачей! Погодите же, я познакомлюсь с вами поближе, и послушаем, какую песню вы запоете на нашем корабле!

С этими словами командир шкуны с далеко не миролюбивыми намерениями приблизился к незнакомцу, но тот вдруг отпрянул назад и испуганно воскликнул:

— Барнстэбль, дорогой Барнстэбль! Опомнитесь!

Моряк отшатнулся и, протирая глаза, вскричал:

— Что я слышу! Кого я вижу! Неужели это— Катерина Плоуден?

Но сомнений не было. Девушка опустила на дерновую скамью и расхохоталась. Моряк в одно мгновение забыл и о своих обязанностях, и о лоцмане, и об „Ариеле" и, усевшись рядом с девушкой, добродушно ждал, когда она перестанет смеяться. Наконец девушка овладела собой.

— Простите,— сказала она,— я должна объяснить вам причину моего неожиданного появления, да, пожалуй, и этого странного маскарада.

— Я догадываюсь!— вскричал он.— Вы узнали, что мы крейсеруем у берегов, и поспешили исполнить обещание, которое дали мне еще в Америке. Корабельный священник...

— Может сколько угодно читать свои проповеди, но мне до него нет дела, пока я не исполню того, что

⁷ Выражение, на языке моряков, равносильное вопросу: .какова глубина воды в этой бухте ?

ФЕНИМОР КУПЕР

затеяла. Неужели, по-вашему, я должна забыть о счастье других?

— О ком вы говорите?

— О моей бедной кузине. Услыхав, что у берегов показались два каких-то корабля, по описаниям напоминающих фрегат „Ариель“, я решила повидаться с вами. Целую неделю я за вами следила, вот в этом наряде, но только сегодня удалось нам встретиться. Никто не подозревает, что я собираюсь уехать с вами. Если бы Гриффис и вы знали о нашем положении, то, вероятно, вы оба приложили бы все ваши старания, чтобы вырвать нас из заточения. Вот вам письмо, которое, надеюсь, даст вам указание, как надо действовать.

— Вы лично будете руководить нами!—перебил ее Барнстэбль.— Будьте нашим лоцманом.

— Значит, их у нас будет два?—раздался чей-то хриплый голос. Девушка вскрикнула от испуга. Барнстэбль, узнавший по голосу своего боцмана, выглянувшего из-за ограды, спросил моряка, что ему нужно.

— Вы скрылись из виду, сэр, и, боясь, что вы сядете на мель, мистер Мерри послал меня на дозор.

— Отправляйся на прежнее место и попроси мистера Мерри ждать моих распоряжений.

Том Коффин указал рукой на море и сказал с обычным своим спокойствием:

— Капитан Барнстэбль, я вам первый показал, как завязывать концы рифов и как делать узел в удавку. Всему этому легко научиться. Но чтобы узнать погоду, надо отдать всю жизнь. Видите вы те полосы на небе? Для всякого, кто умеет читать по облакам, они так же понятны, как команда: укоротить паруса. Послушайте, как стонет море!

— Верно, Том,—ответил офицер, подходя к краю утеса и взглядом моряка окидывая мрачные волны.—Надо спешить. Но этот лоцман...

— Уж не он ли это?—проговорил матрос, указывая на молчаливо стоявшего невдалеке человека,—Хорошо еще, если он знает свое дело хорошо, а то нам и не выбраться из этого рейда.

— Конечно, это он и есть!—вскричал Барнстэбль и, сказав несколько слов девушке, оставил ее у изгороди, а сам направился к незнакомцу.

— Какая вода в этой бухте?

— Достаточно глубокая, чтобы благополучно вывести доверившийся ей корабль,—ответил тот сразу.

Повидимому, он ждал этого вопроса.— Вы тот человек, которого я ищу. Готовы ли вы к отъезду?

— Готов и жду с нетерпением. Надо торопиться. Сто червонцев отдал бы я, лишь бы только задержать закат солнца или хотя бы удлинить эти сумерки.

— Неужели опасность так велика? В таком случае, этот матрос проводит вас к лодке. Я через минуту присоединюсь к вам.

— Время теперь дороже всего,—возразил лоцман,—задерживать отплытие—значит, принимать на себя тяжелую ответственность.

— Сэр, я привык давать отчет только тому, кто имеет право судить о моих действиях,—запальчиво возразил Барнстэбль и направился к тому месту, где он оставил девушку, а лоцман вслед за мичманом и старым матросом угрюмо пошел к лодке.

Катерина Плууден с беспокойством ждала лейтенанта. Он, чувствуя, что действительно каждое мгновение дорого, поспешно взял под руку и повел вперед мнимого мальчика.

— Разве необходимо ехать сейчас же?—спросила девушка, отстраняясь.

— Вы слышали мрачные предсказания боцмана относительно погоды, и я могу подтвердить вам, что опасения его не напрасны. Оставаться дольше в бухте нельзя.

— Тогда желаю выбраться благополучно,—сказала Катерина, встревоженная мыслью об опасностях, грозящих ее жениху.—Письмо у вас: воспользуйтесь указаниями и освободите нас. Мы охотно покоримся таким завоевателям, как Гриффис и вы.

— Что вы говорите! Неужели вы упустите такой случай? Мой корабль приютит вас до тех пор, пока мы ни освободим вашу кузину. А после...

— Но как и где вы устроите меня?

— На „Ариеле“. Вы будете командиром шкуны, а я буду только числиться в этом звании.

— Спасибо, спасибо, Барнстэбль, но едва ли я способна к исполнению такой должности,—возразила она, смеясь.—Вы ошибаетесь во мне. Если я решилась найти вас сейчас, то это было...

— Доказательством доверия ко мне!—вскричал он.

— То это было сделано для того, чтобы вы видели, достойна ли я быть впоследствии вашей подругой и женой.

Барнстэбль не успел еще возразить, как девушка уже исчезла за по воротом ограды. Опомнившись, он бросился вслед за нею, но ее стройная фигура промелькнула лишь один раз вдали и затерялась в вечерней тьме.

Вспышка света прорезала сумрак, и гром пушечного выстрела, нарушив покой береговых скал, глухо повторился на далеких холмах.

Молодой моряк проклинал свою неудачу и, ворча на „старого сумасброда“, повиновался сигналу. Залп из трех мушкетов, под самым утесом, заставил его ускорить шаги, а когда он спускался по опасному откосу скал, то в давно заученном сочетании огней фрегата прочитал: „приказ всем лодкам вернуться на места“.

ЛОЦМАН

ГЛАВА Ш

У подножия береговых утесов было уже настолько темно, что никто не мог бы прочесть досады, отразившейся на лице Барнстэбля, когда он прыгнул в лодку и уселся рядом с лоцманом; он приказал отчаливать, не теряя ни секунды. Несмотря на сильный и грозный прибой, начавший бурлить вдоль скал, гребцы сумели быстро направить лодку в более открытое место, где опасность разбиться о камни была не так велика. Барнстэбль, повидимому, не обращал внимания на буруны и угрюмо сидел, наблюдая за катившимися мимо них гребнями волн.

— Эге, Гриффис соскучился ждать нас,—пробормотал он, осматривая бухту, когда вельбот выехал на более открытое место.—Нам теперь придется грести до самого фрегата; ему и горя мало, что мы должны как можно скорее вывести шкуну из этой проклятой бухты.

— Посмотрите, капитан,—заметил сосредоточенный боцман,—какая-то лодка стоит против нашего форштевня⁸. Прикажете подойти к ней или посторониться?

— Это катер!—вскричал лейтенант.—Нед все-таки не покинул меня. Вскоре катер и вельбот стояли снова бок-о-бок. Гриффис уже стряхнул с себя свою ленивую беспечность. Он начал упрекать возвращавшихся с берега.

— Зачем вы потратили столько драгоценного времени, когда каждая минута готовит нам новые опасности? Я повиновался было сигналу, но, услышав ваши весла, вернулся, чтобы принять лоцмана. Нашли вы его?

— Вот он. И если он не посадит нас сегодня на мель, то действительно с честью может носить звание лоцмана. Однако, узнав, кого еще я встретил на этих скалах, вы не осудите меня за потерю времени. Мерри расскажет вам, что он видел.

— Я видел линейный корабль, гнавшийся за легкой шкуной, прикрывавшейся чужим флагом, и я подозреваю, что моя кузина...

— Молчите, несносный болтун! Всеу свое время!—прикрикнул на мичмана командир „Ариеля”.—Успеете еще высказать все ваши нелепые догадки.

Мерри легко перешел с вельбота на катер вслед за лоцманом, и лодки уже начали отдаляться друг от друга, как вдруг лоцман воскликнул, в первый раз возвысив голос:

— Стойте! Капитан Барнстэбль, снимайтесь с якоря и как можно скорее направьте шкуну ко взморью. Держитесь в стороне от северного мыса и идите мимо фрегата на таком расстоянии, чтобы он не мог вас окликнуть.

— Хорошо сказано, мистер лоцман! Но как я могу сняться с якоря, не имея приказаний от капитана Мэнсона? К тому же войти в бухту было легче, чем выйти из нее: в моем распоряжении были тогда и ваши письменные указания, и дневной свет. Если я останусь на месте и пойду ко дну, то это не будет нарушением дисциплины, если же я, послушав вас, пробью дно у шкуны, то в эту пробоину хлынет не только вода, но и военный бунт...

— Ну, и оставайтесь на месте,—пробормотал лоцман.—С упрямцем труднее бороться, чем с бурей.

— Нет, нет, сэр!—перебил Гриффис.—Вы несправедливы к Барнстэблю, хотя, конечно, он иногда чересчур далеко заходит в своем формализме.

Снимайтесь с якоря сейчас же, мистер Барнстэбль, и как можно скорее уходите из бухты!

— С величайшим удовольствием! Налегай на весла, ребята! Я не допущу, чтобы „Ариель” лег костями на этом каменистом ложе.

Матросы ответили на этот призыв радостными криками, и быстрый вельбот исчез в густой тени утесов. Гребцы катера тоже усердно работали веслами и через несколько минут причалили к фрегату. Во время переезда лоцман расспрашивал Гриффиса об офицерах фрегата. Лейтенант, перечислив их, добавил:

— Все это хорошие и надежные люди. И хотя ваше участие в этом деле опасно для вас, как для англичанина, однако, никто не выдаст вас. Нам нужна ваша помощь, мы вам доверяем, и вы тоже можете нам ответить тем же.

Лоцман пожал плечами.

— Не все ли равно, где человек родился?—проговорил он,—Важно только, чтобы он смело и честно исполнял долг.

Сумерки сменились уже ночной тьмой, которая, к счастью, скрыла презрительно-ироническую усмешку, пробежавшую по лицу молодого моряка.

— О, да, совершенно верно,—сказал он,—каждый должен честно исполнять свой долг! Однако, хорошо ли вы знаете здешний фарватер? И знаете ли, как глубоко мы сидим в воде?

— Как всякий фрегат. Я постараюсь, чтобы глубина была не меньше тридцати футов.

— Это чудный корабль!—продолжал Гриффис.—Он повинуетя малейшим движениям руля. Но нужно, чтобы при лавировании впереди него был простор, потому что наш фрегат летит чуть ли не быстрее ветра.

— При узком фарватере это достоинство может оказаться недостатком,—сказал лоцман, внимательно улавливавший каждую подробность в описании корабля, безопасность которого зависела теперь от его опытности.—Нам придется идти с крайней осторожностью,—продолжал он, как бы говоря сам с собой.—

⁸ Ф о р ш т е в е н ь — носовая часть корабля, служащая скрепой для бортов

ФЕНИМОР КУПЕР

Случалось мне здесь бывать и в более темные ночи, но ни разу я не водил кораблей, которые требуют больше пятнадцати-двадцати футов глубины.

— Но тогда вы не сможете провести здесь наш корабль!—вскричал Гриффис.—Послушайте, лоцман, вы не осмелитесь сделать нас игрушкой вашего невежества! Не забывайте, что вы в наших руках!

— Молодой человек, вы не знаете, кому вы грозите и чем,—сурово, но попрежнему невозмутимо отвечал лоцман.—Вы здесь—лицо подчиненное, а я нет. Однако, довольно. Вот и корабль. Взойдемте же мирно на его палубу.

Фрегат качался на идущих с открытого моря все более и более крутых волнах. Но береговой ветер был слишком слаб, чтобы наполнить верхние паруса, без пользы висевшие на реях. Вода глухо ударялась о массивные бока фрегата. При появлении Гриффиса боцман выстроил часть команды шеренгой по обе стороны входного порта: это был почетный караул для встречи старшего лейтенанта и его спутника.

Свет десятка фонарей в различных частях палубы позволял не только различать фигуры отдельных людей команды, но и читать любопытство и тревогу на многих лицах. Неподвижные позы матросов, смутно видневшихся вдоль рей⁹ и на марсах¹⁰, ясно говорили о том напряженном ожидании, с которым все они ждали возвращения лодки.

На шканцах¹¹ стояли только офицеры, разместившиеся в порядке старшинства. Впереди было несколько молодых людей, товарищей Гриффиса. На другой стороне палубы стояли мичманы, сверстники Мерри. Вокруг шпиля¹² собралось человек пять,—из них один имел красные военные обшлага, другой, судовой священник, был одет в черное. За ним, ближе к двери каюты, стоял высокий пожилой моряк—командир фрегата.

Гриффис, наскоро обменявшись приветствиями с младшими офицерами, подошел вместе с лоцманом к ожидавшему их старому капитану. Лейтенант снял шляпу и с почтительным поклоном произнес:

— Честь имею явиться, сэр! Некоторые непредвиденные затруднения задержали нас.

— Но вы не привезли лоцмана,—ответил капитан,—а в таком случае все наши труды пропали даром.

— Вот он,—сказал Гриффис, отступая в сторону и указывая на стоявшего позади него человека, лицо которого было скрыто нависшими полями широкой, выцветшей от непогоды шляпы.

— Этот?—вскричал капитан.—Тут произошла какая-то ошибка. Это не тот человек, которого я ждал, и которого никто не может заменить.

— Не знаю, кого вы ждали, капитан Мэнсон,—сказал тихо и спокойно незнакомец.—Но если вы помните тот день, когда впервые развернулось знамя свободы, то вы помните также, чьей рукой оно было поднято.

— Принесите огня!—воскликнул поспешно капитан. Свет фонаря упал на лицо лоцмана, и Мэнсон вздрогнул, встретив спокойный взгляд его синих глаз. Старый моряк снял шляпу и воскликнул:

— Это он! Но он так сильно изменился...

— ...что стал неузнаваем для врагов,—быстро перебил лоцман и, отведя капитана в сторону, добавил:—Как не должны узнать его и друзья, пока не наступило время.

Гриффис присоединился к товарищам, которые осаждали его расспросами, и никто не слышал этого разговора капитана и лоцмана. Мэнсон понял свою ошибку и успокоился насчет подлинности лоцмана. Они продолжали ходить по шканцам, сосредоточенно беседуя о чем-то.

Гриффис очень скоро рассказал все свои новости, и всеобщее внимание было снова привлечено к этому таинственному человеку, который должен был спасти корабль от ежеминутно возрастающей опасности.

ГЛАВА IV

Над кораблем нависли темные тучи, и лишь у горизонта мерцали кое-где бледные звезды. Легкое дуновение воздуха проносилось еще иногда над заливом, но это было лишь последнее дыхание берегового ветра.

Монотонно шумел береговой прибой, и с этим унылым рокотом сливался по временам глухой рев волн, ударявшихся о выступы утесов.

Старшие офицеры обсуждали создавшееся положение. Они, как и матросы, то-и-дело посматривали в сторону капитана и лоцмана, которые, стоя поодаль, продолжали свое таинственное совещание. Один из мичманов, не поборовший своего любопытства, подошел было к ним поближе, но вызвал такой строгий окрик командира, что поспешил скрыться в толпе своих товарищей.

Было ясно, что капитан не потерпит нового вмешательства, и старшие офицеры не решались прервать его беседу с лоцманом, хотя все находили, что беседа эта затянулась чересчур долго.

— Не время разговаривать о румбах и дистанциях,—сказал один офицер,—когда мы должны были бы

⁹ Рейя—дерево, подвешенное к мачтам за его середину.

¹⁰ М а р с — полукруглая площадка при соединении мачты со стеньгой (продолжение мачты).

¹¹ Ш к а н ц ы — наиболее почетное место на палубе военного судна.

¹² Ш п и л ь — механизм для вытягивания якорной цепи из воды.

ЛОЦМАН

свистать всех наверх и попытаться отвести фрегат, пока море не разбушевалось.

— В верхних слоях еще веет береговой ветерок, и наши марсели¹³ да начавшийся отлив, пожалуй, помогли бы нам убраться от берега,—согласился Гриффис.

— Окликните людей, стоящих на марсах; Гриффис, есть ли наверху ветер? По крайней мере, это послужит напоминанием нашему капитану и этому неповоротливому лоцману.

Гриффис, рассмеявшись, последовал этому совету и получил с верхушки мачты донесение, что по временам со стороны берега проносится ветерок, но марсели висят неподвижно. Эти слова на минуту отвлекли внимание капитана Мэнсона и его собеседника, но они тотчас возобновили свой разговор, как ни в чем не бывало.

— Уши нашего лоцмана оказались нечувствительными к тонкому намеку, Гриффис! Не лучше ли дернуть его за нос?—предложил офицер военного отряда.

— Ну, он, кажется, не из таких,—возразил старший лейтенант.— Едва ли он позволит над собой подобные шутки.

Дружный смех, которым были встречены эти слова, неожиданно привел к давно желанной цели; капитан, прекратив таинственную беседу с лоцманом, подошел к офицерам и спокойно сказал:

— Приготовьте якорь, мистер Гриффис, и распустите паруса; нам пора уходить из бухты.

Лейтенант начал поспешно отдавать распоряжения. Раздался свисток боцмана и его команда: „все наверх!“ Матросы выскочили из-за пушек, из трапов, из всех закоулков, и в одно мгновение палуба фрегата ожи-вилась. Голос лейтенанта смешивался с пронзительными возгласами мичманов и с хриплым голосом боцмана. Но мало-помалу суматоха улеглась, и на корабле наступило прежнее безмолвие.

— Все готово, сэр,—сказал Гриффис, держа в одной руке рупор, а другою ухватившись за ванты¹⁴.

— Вертеть кабестан¹⁵,—спокойно проговорил капитан.

— Верти кабестан!—крикнул Гриффис.

И под веселые звуки флейты матросы начали бодро и мерно ходить вокруг шпиля, приводя его в движение. Через несколько минут фрегат подтянулся к своему якорю, и матросы получили приказание остановиться.

— Что дальше, сэр?—спросил лейтенант.—Поднимать ли якорь? В воздухе, кажется, ни ветерка, а течение слабое, и нас, того и гляди, может прибить к берегу.

В этом замечании было много правды.

— Я возлагаю все надежды на лоцмана,—сказал капитан.—Что вы скажете, мистер Грей?

Человек, впервые названный этим именем, стоял, облокотившись о борт. Услышав вопрос, лоцман обернулся, и свет палубного фонаря упал на его лицо. Оно было совершенно спокойное. Трудно было поверить, что судну угрожала опасность.

— Этот крутой прибой чрезвычайно опасен для нас,—сказал он.— Но если мы простоим на якоре до тех пор, пока не налетит собирающийся на востоке крепкий ветер, то мы погибли. Никакие канаты не выдержат, мы сорвемся и ударимся о скалы. Поэтому нам надо как можно скорее пройти к открытому морю.

— Это мы все и без вас знаем,—заметил Гриффис.—Эге! Шкуна идет! Действительно, был явственно слышен плеск от длинных весел, при помощи которых „Ариель“ медленно подвигался вперед. Шкуна, постепенно вырисовываясь во мраке, прошла под кормой фрегата, и раздался веселый голос Барнстэбля:

— Надеюсь, капитан Мэнсон, вы не будете стоять здесь до утра?

— Мне эта стоянка так же не по нутру, как и вам,—спокойно, но с оттенком тревоги ответил старый моряк.—Мы не решаемся поднять якорь: боимся, что прибьет к берегу. Есть ли ветер?

— Какой там ветер! Если вы решили ждать, пока не подует с берега, то вам придется стоять целый месяц. Свою скорлупу я, кажется, уже вывел из этих каменных гряд, но как это удалось мне в темноте, я и сам не знаю.

— Получите дальнейшие указания от лоцмана,—сказал капитан,— и в точности повинуйтесь им.

После этих слов наступила мертвая тишина: все напряженно слушали, боясь пропустить хоть что-нибудь из речи человека, от которого теперь зависело общее спасение. Прошло несколько мгновений, прежде чем раздался тихий, как и раньше, но отчетливый голос лоцмана:

— Против надвигающегося волнения ваши весла скоро окажутся бессильны, но вам помогут верхние паруса. Старайтесь держать курс на норд ост-ост, поравнявшись с тем северным мысом, ложитесь в дрейф и дайте нам знать пушечным выстрелом. Но я опасаюсь, что вы будете отнесены назад, прежде чем дойдете до этого пункта; в таком случае, доверьтесь левому галсу, а к югу не поворачивайте.

— Однако, и тот и другой галс приведет меня к одной и той же цели,—возразил Барнстэбль.—Не все ли равно?

— Нет. Если вы хоть на один румб уклонитесь вправо от курса норд-ост-ост, то вы сейчас же наткнетесь на камни и мели. Повторяю, остерегайтесь правого галса. Руководитесь быстротой глаза и собственной вашей

¹³ Марсели— верхние паруса.

¹⁴ Ванты — система снастей.

¹⁵ Кабестан — ворот для поднятия якоря.

ФЕНИМОР КУПЕР

находчивостью. Где вам не поможет зрение, там вас будут предупреждать об опасности буруны. Лавируйте своевременно, и когда будете держаться левого галса, тщательно промеряйте глубину.

— Так, так,—пробормотал Барнстэбль.—Это вроде игры в жмурки— своеобразная навигация, чорт возьми! И хоть бы было из-за чего...

— Полно, полно, мистер Барнстэбль,—прервал его капитан.—Поручение, возложенное на нас конгрессом, должно быть выполнено, хотя бы нам пришлось поплатиться жизнью.

— Я не дорожу жизнью, капитан, а только удивляюсь, как это можно назначать кораблю такую стоянку. Однако, пора приниматься за дело. Но если так трудно выбраться неглубоко сидящему судну, то что будет с фрегатом? Может, мне пойти вперед и прошупать вам фарватер?

— Спасибо,—сказал лоцман,—но мы не можем воспользоваться вашим великодушием. Я хорошо изучил дно у этих берегов и должен положиться на свою память. Распускайте паруса, и если у вас все пойдет на лад, то и мы снимемся с якоря.

„Ариель“ быстро развернул свои крылья, и хотя ветер казался почти неощутимым, маленькая шкуна была так легка, что через несколько минут ее низкий кузов стал уже едва заметным на фоне светлой полосы горизонта.

Гриффис, безмолвно стоявший на пушке, спрыгнул на палубу.

— „Ариель“ скользит, как корабль, только-что спущенный на воду!— воскликнул он.—Прикажете поднять якорь и последовать за ним?

— У нас нет иного выбора. Вы согласны, мистер Грэй?

— Да, мы должны сниматься с якоря теперь же,—сказал лоцман.— Мне осталось жить недолго, но я не пожалел бы отдать пять лет моей жизни только за то, чтобы корабль наш стоял на одну милю ближе к открытому морю.

Последнее замечание было услышано только командиром, который опять отошел с лоцманом в сторону и возобновил с ним разговор с глазу на глаз.

Гриффис, не теряя ни мгновения, приказал поднять якорь и распустить паруса. Люди облепили ванты и копошились на реях, с разных мест такелажа и рангоута раздавались крики, докладывавшие, что готов тот или другой парус. Слабый свет неба был заслонен соскользнувшей, по команде, от верхних рей парусиной; на палубе усилился сумрак, но фонари как будто загорелись ярче, и тем заметнее была унылая и зловещая тьма, окружавшая фрегат.

Возглас „якорь встал!“ и ускоренное вращение шпиля показали, что теперь осталось только справиться с тяжестью самого якоря. Вся команда была занята работой; скрипенье натягиваемых канатов, дребезжанье блоков смешивались с хриплыми криками боцмана и его помощников.

Легкое полотно верхних парусов вздулось по направлению к морю, и корабль начал заметно подвигаться.

— Идем! Идем!—радостно воскликнул Гриффис.—Наверху есть еще ветерок.

— Но это лишь его предсмертное дуновение,—неожиданно раздался рядом с ним спокойный голос лоцмана.—Не забывайте, молодой человек, сколько жизней зависит сегодня от вашего старания и от моего знакомства с берегом.

— На меня можете положиться,—тем же тоном ответил лейтенант.—Надеюсь, что и вы, каковы бы ни были ваши чувства, оправдаете возложенные на вас ожидания.

Радость моряков была непродолжительна: фрегат, протавившись с четверть мили, остановился, верхние паруса повисли, береговой ветерок окончательно замер. Штурман донес, что корабль перестал слушаться руля. Гриффис тотчас же сообщил об этом капитану и спросил, не отдать ли снова якорь.

— Обратитесь к мистеру Грею,—сказал ему капитан.—Он лоцман, и благополучие корабля зависит от него...

— И лоцман может потопить судно! Хорошо ли вы знаете этого человека, капитан Мэнсон?

— Я знаю его отлично. Он опытен и достоин доверия. Вот все, что я могу вам о нем сказать, большего не спрашивайте. Что это? Как будто перемена ветра?

— Мало радости! Если подует с северо-востока, то наше положение будет безнадежно!

Тяжелая качка корабля на короткое время заставляла паруса вздуться, и самый опытный матрос не сумел бы сказать, есть ли хоть какой-нибудь ветер и с какой именно стороны. Между тем нос корабля начал уклоняться от взморья, и, несмотря на темноту, вскоре стало очевидно, что фрегат дрейфует прямо к берегу.

В течение нескольких минут тягостной неизвестности в настроении Гриффиса произошла внезапная перемена: воодушевленное рвение сменилось апатией, которая была нередка свойственна ему даже в самые критические и опасные моменты. Он стоял, облокотившись на шпиль и заслоняя рукой глаза от света фонаря, висевшего вблизи. В это время его другая рука ощутила чье-то легкое пожатие, и он вышел из своей задумчивости. Ласково взглянув в сторону, он сказал:

— Скучная музыка, Мерри!

— Да, такая скучная, что и танцевать не хочется. Хотя под эти звуки едва ли уснешь.

— Какие звуки? Я ничего не слышу, кроме полосканья парусов.

— А этот шум ничего разве не говорит уху моряка?

ЛОЦМАН

— Шум прибора? Что же в нем особенного?

— Ничего. Я только хотел спросить вас, скоро ли мы приткнемся к берегу?

— Надеюсь, что этого не случится,— сказал Гриффис, встрепенувшись.— Как ты держишь руль? Не видишь разве, что мы стали боком ко взморью!

Штурман повторил, что корабль не повинуется рулю и, повидимому, „пятится назад“.

— Укоротите нижние паруса, мистер Гриффис,— сказал капитан,— и испытайте, каков ветер.

Загремели канаты, бегающие по блокам, и огромные полотнища, растянутые на нижних реях, были взяты на гитовы¹⁶. Все находившиеся на палубе затаили дыхание. Лейтенант выхватил свечу из фонаря и, вскочив на пушку, поднял ее высоко над головой. Маленькое пламя сначала колыхалось из стороны в сторону, потом успокоилось, выпрямившись в одну линию с мачтами. Еще через мгновение огонь отклонился в сторону берега, встрепенулся и погас.

— Не теряйте ни секунды, мистер Гриффис!— воскликнул лоцман.— Уберите все паруса, кроме трех марселей, и возьмите на них по два рифа¹⁷.

Лейтенант на мгновение остолбенел, пораженный неожиданными звонкими и отчетливыми словами незнакомца, но, взглянув на море, соскочил на палубу и поспешил выполнить распоряжения.

ГЛАВА V

Светлая полоса на горизонте заслонилась белесоватой тучей, быстро надвигавшейся с моря; в то же время отдаленный, но отчетливый шум говорил о близости бури. Гриффис, отдавая в рупор свои приказания или окриком поощряя работающих людей, то-и-дело поглядывал в сторону надвигавшегося шторма.

Вся команда лихорадочно суетилась. Кто был на реях, кто завязывал рифовые сезни. И только один лоцман казался безучастным. Устремив глаза на несущееся облако и скрестив руки на груди, он спокойно стоял в ожидании.

Площадь парусов была уже уменьшена, когда до фрегата донесся звук бьющейся парусины, звук, от которого всегда замирает сердце настоящего моряка. Эта штука боролась с налетевшим шквалом.

— Если бы им удалось уйти подальше от берега!— воскликнул Гриффис. Стремительный шум ветра раздался уже совсем вблизи, и через несколько мгновений корабль тяжело накренился на один бок и опять грузно выпрямился, как бы приветствуя противника, с которым ему предстояло сразиться. Почти тотчас же фрегат начал мощно рассекать волны и, повинаясь теперь рулю, стал держаться надлежащего курса, насколько позволяло направление.

Суетня на реях понемногу улеглась. Матросы один за другим спустились на палубу и с тревогой вглядывались в окружающую мглу, боясь высказать вслух свои опасения. Все они знали, что худшее еще впереди, что это пока лишь предвестник надвигающейся бури. Сила ветра поминутно возрастала, но это происходило так постепенно, что не раз моряки готовы были вздохнуть с облегчением и отбросить свои мрачные предчувствия.

— Свежий ветер,— сказал Гриффис,— однако, не такой уж сильный. Указывайте нам глубину, лоцман, и фрегат пойдет так же легко, как увеселительная яхта.

— Сможет ли он лавировать под этими парусами?— тихо спросил незнакомец.

— Он исполнит все, что можно требовать от дерева и железа. Но какой корабль сможет при таком волнении лавировать под одними только марселями, взятыми на два рифа? Дайте нам нижние паруса, и тогда фрегат будет поворотлив, как танцмейстер.

-- Сначала надо узнать, какова сила ветра,— возразил лоцман, отходя к наветренному борту.

Все фонари на фрегате после поднятия якоря были потушены, и когда после первого порыва бури воздух прояснился, вокруг разлился сумрачный свет, сливавшийся с отблеском пены, которая по всем направлениям бурлила на гребнях волн. Берег, видневшийся вдаль, походил на низкую черную тучу.

Матросы свернули и положили на место последний канат, и в течение нескольких минут мертвая тишина господствовала на многолюдной палубе. Все чувствовали, что корабль быстро несется к тому месту залива, где находились в изобилии подводные камни и мели, и только флотская дисциплина заставляла офицеров и матросов не высказывать своей тревоги. Наконец, раздался голос командира, обращенный к лоцману:

— Не надо ли измерить глубину, мистер Грэй?

Но тот ничего не ответил, как-будто и не слышал вопроса. Опираясь на борт, он стоял, казалось, далеко унесенный своими мыслями от близкой опасности. Гриффис находился среди офицеров, обступивших лоцмана и ждавших, что тот скажет.

— Капитан Мэнсон желает знать, не считаете ли вы нужным бросить лот?— с некоторым нетерпением спросил лейтенант, выступая вперед. Снова не получив ответа, Гриффис без всяких церемоний положил руку на

¹⁶ Г и т о в ы — снасть, которой подтягиваются паруса.

¹⁷ В з я т ь р и ф ы — уменьшить площадь парусов.

ФЕНИМОР КУПЕР

плечо лоцмана, но почувствовал некоторое замешательство, когда тот конвульсивно вздрогнул.

— Отойдите, господа,—приказал лейтенант столпившимся кругом морякам,—ступайте все по местам и будьте готовы к лавировке. Теперь не время размышлять, мистер Грэй,—продолжал он, когда они остались одни.— Скажите, не пора ли повернуть? О чем вы замечались?

Лоцман крепко сжал протянутую руку лейтенанта и ответил:

— Я вижу сон наяву. Вы молоды, мистер Гриффис, да и я еще не старик, но проживите еще хоть пятьдесят лет, вы все-таки не увидите и не испытаете того, что мне пришлось пережить за мои тридцать три года!

Удивленный неожиданным признанием, молодой моряк не знал, что отвечать. Но он сейчас же вернулся к вопросу, который казался ему важнее всех остальных.

— Я надеюсь, что значительная часть вашей опытности приобретена вами именно у этих берегов. Корабль идет быстро, а днем мы приметили столько опасных мест, что в темноте нам и подавно становится жутко.

Лоцман медленно направился к капитану фрегата, сказав лейтенанту грустным голосом:

— Да, почти вся моя молодость протекла у этих опасных берегов. Где для вас ночной мрак, там я вижу так же хорошо, как при полуденном солнце. Но лавируйте, сэр, лавируйте: мне необходимо посмотреть, хорошо ли корабль слушается руля, прежде чем мы дойдем до того места, где он во что бы то ни стало должен повиноваться, иначе мы погибнем.

Гриффис с удивлением посмотрел ему вслед; потом, встрепенувшись, он командовал всем людям приготовиться к пробному маневру. Молодой офицер не напрасно расхваливал лоцману свой корабль. Стоило повернуть штурвал¹⁸ в наветренную сторону, и огромный фрегат тотчас поворачивался против ветра и несся по волнам, высоко подбрасывая пену. Повинуясь новому положению руля, он ложился на другой галс и летел прочь от опасных мелей, к которым он только-что приближался с такой жуткой быстротой. Тяжелые реи повертывались, как крылья флюгера; а через несколько мгновений корабль опять величественно шел, оставляя за собой скалы и отмели одного берега бухты, но приближаясь к другим.

Море становилось все беспокойнее, ветер усиливался. Он уже не свистел среди снастей фрегата, а сердито рычал. Ленты белой пены свивались на огромных волнах, и воздух насыщался мерцающим светом, исходившим от поверхности моря. С каждым мгновением корабль все больше и больше поддавался напору бури, и через каких-нибудь полчаса после поднятия якоря он быстро несся при страшной силе ветра.

Но его движениями управляли неутомимые и опытные моряки, продолжавшие держаться нужного курса. Гриффис, следуя по указаниям таинственного лоцмана, продолжал отдавать приказания, необходимые для удержания фрегата в том узком фарватере, за пределами которого поджидала гибель.

До сих пор лоцман, повидимому, не чувствовал затруднений, и он давал свои указания тем тихим, спокойным голосом, который составлял такой странный контраст с ответственностью его положения. Но когда берег стал скрываться из виду, и вокруг корабля нельзя было уже ничего различить, кроме пенистых волн, лоцман как-будто стряхнул с себя свою апатию и сразу оживился.

Распорядившись, чтобы поставили опытного матроса для бросания лота лоцман попросил кого-нибудь из офицеров следить за точностью измерений. Сам капитан вызвался исполнять эту обязанность. Вся команда чувствовала, что приближаются решающие мгновения.

— Пятьдесят футов!—раздается возглас человека, бросавшего лот.

— Хорошо,—сказал лоцман.—Промерь снова!

— Сорок футов!—выкрикнул тот через несколько секунд.

— Мы сядем на мель!—воскликнул Гриффис.—Скорей укажите нам глубокое место!

— Будьте наготове,—сказал холодно лоцман.

После третьего возгласа: „тридцать“ лоцман быстро указал, как надо лавировать. Корабль медленно выпрямился, и паруса начали неистово трепаться. Вдруг сбоку раздался голос боцмана:

— Буруны! Буруны прямо перед носом! И тотчас же последовал новый возглас:

— Буруны сбоку под ветром!

— Отдать второй якорь!—крикнул Гриффис в свой рупор.

— Ничего не трогать!—прогремел голос лоцмана. Гриффис, взбешенный этим нарушением дисциплины, повернулся к незнакомцу;

— Как вы смеете отменять мои приказания? Еще одно слово...

— Замолчите, мистер Гриффис,—прервал его капитан.—Отдайте рупор мистеру Грэю: только он может спасти нас.

Гриффис швырнул рупор на палубу и, отходя в сторону, пробормотал с горечью:

— В таком случае, все погибло!

Но никто не обратил внимания на его слова. Фрегат быстро относил ветром, и так как матросы были сбиты с толку противоречивостью полученных приказаний, то корабль понемногу сбивался с курса. Через несколько

¹⁸ Штурвал — рулевое колесо.

ЛОЦМАН

секунд все его паруса легли на стеньгу.

Не успели матросы понять свое положение, как лоцман приставил рупор к губам и начал отдавать распоряжения. Каждая его команда поражала отчетливостью и точностью. Он выказывал себя знатоком своего дела. Вскоре фрегат стал поворачиваться, двигаясь задним ходом.

Гриффис, как хороший моряк, сразу увидел, что лоцман воспользовался единственным средством, могущим спасти корабль. Забыв о своей обиде, Гриффис бросился к матросам и личным примером немало помог успеху маневра. Корабль медленно ложился на другой галс, и его реи— когда ветер стал дуть сбоку—нагнулись почти до самой воды. Волны неистово хлестали в его корму. Прежде чем корабль успел натолкнуться на мели, угрожавшие ему как с наветренной, так и с подветренной стороны, он, повинувшись рулю, быстро и уверенно выбрался из опасных мест.

В течение целого часа моряки продолжали еще свою отчаянную борьбу. Фарватер становился все извилистее, мелкие места встречались на каждом шагу. Глаза лоцмана так и впивались в темноту. Все на корабле чувствовали, что их руководитель превосходно знает дело, и воскресшая уверенность в успехе пробуждала в них удвоенное усердие. Команда над кораблем была безраздельно передана ему. В наиболее тревожные минуты, когда брызги от волн переносились через реи, все, до последнего человека, жадно ловили слова незнакомца, приводившие их к немедленному послушанию.

Корабль только что лег на другой галс после одной из бесчисленных лавировок, как вдруг лоцман обратился в первый раз к капитану, который продолжал следить за бросанием лота.

— Вот где начинается самое трудное, — сказал он. — Если фрегат откажется теперь нам повиноваться, то все наши труды пропадут даром, и мы погибнем.

Старый моряк сошел на палубу и, подзвав первого лейтенанта, попросил незнакомца объяснить свои опасения.

— Видите вы огненную точку на той южной оконечности мыса? Вы можете отличить ее от рядом стоящей звезды, которая по временам как бы погружается в море. Заметьте теперь темную массу холма, немного ближе к северу. Если мы будем держать курс так, чтобы огонь этот не заслонялся холмом, то мы спасены; в противном случае нас разобьет в щепы.

— Давайте лавировать! — воскликнул Гриффис.

Лоцман покачал головой.

— Ни о какой лавировке не может быть и речи. Мы едва сможем пройти среди мелей, не изменяя курса. Если мы обогнем „Коготь Дьявола“, то выйдем за пределы опасности: если же нет, то—мы погибли.

— Нельзя ли выйти тем же путем, каким мы вошли? — сказал лейтенант.

— Да, если бы уровень воды нам позволил это! — спокойно возразил лоцман. — Надо торопиться. Парусов этих недостаточно. Нам нужны кливер и грот.

— Не опасно ли это в такую бурю? — заметил капитан.

— Это необходимо. Смотрите! Огонь уже коснулся края холма. Нас относит морем в подветренную сторону.

— Надо поставить паруса во что бы то ни стало! — вскричал Гриффис, схватывая рупор.

Огромные складки грота соединенными усилиями сотни матросов были вскоре растянуты от верхней реи до нижней, и корабль, содрогнувшись всем корпусом уступил огромной мощи распущенного паруса.

— Фрегат, послушен! — радостно воскликнул лоцман. — Замечаете? Свет отдаляется от пригорка. Мы выберемся отсюда, лишь бы выдержала парусина!

В это мгновенье раздался треск, подобный пушечному выстрелу, и что-то белое, промелькнув перед носом корабля, улетело в подветренную сторону.

— Сорвался кливер, — проговорил командир. — Но грот выдержит.

— Выдержит, — сказал лейтенант. — А вот мачта гнется!

— Тише! — вскричал лоцман. — Сейчас решится наша судьба. Держите руль как можно круче!

Впереди, на некотором расстоянии, все море было покрыто белой пеной, и волны неистово сшибались друг с другом. Темная полоса воды, не больше полукабельтова¹⁹ в ширину, вела в этот хаос и терялась в разбушевавшейся стихии. Лоцман молча подошел к штурвалу и стал собственноручно править рулем.

На фрегате не слышно было ни звука, когда он входил в этот пролив между бурунами. Не раз, когда пена откатывалась в подветренную сторону, моряки готовы были считать, что опасность миновала; но впереди выростал бурун за буруном, и крик радости замирал. Наконец, корабль подошел к такому месту, где он, казалось, устремился прямо в открытую пасть гибели. Вдруг перемена курса заставила нос корабля быстро повернуться в другую сторону, и в то же время раздалась команда лоцмана:

— Ставь грот-реи поперек!

Матросы, как эхо, повторили команду, и тотчас фрегат был поставлен на фордевинд²⁰; глаза едва успевали

¹⁹ Кабельтов - морская мера, равная длине якорного каната — приблизительно 720 футов

²⁰ Фордевинд — положение корабля относительно ветра.

ФЕНИМОР КУПЕР

следить за пролетавшей мимо корабля пеной; через несколько минут судно уже качалось на крутых волнах открытого моря.

Моряки оглянулись по сторонам, как бы очнувшись от страшного сна. Гриффис подошел к человеку, который только что избавил их от верной гибели, и, пожимая ему руку, сказал:

— Вы оказались надежным лоцманом, и во всем мире нет равного вам моряка!

— Я не новичок в морском деле,—ответил тот.—Но и вы, молодой человек, вели себя доблестно, и конгресс...

— Конгресс?..—повторил Гриффис, заметив, что тот запнулся.

— Конгресс может гордиться такими кораблями, как этот,—холодно закончил незнакомец, отходя в сторону.

Опасность миновала; волнение было сильнее, но впереди расстилалось открытое море. Были отданы необходимые распоряжения относительно дальнейшего курса, и к полночи на корабле наступило спокойствие.

Вскоре с „Ариеля“ донесся пушечный выстрел—шкуна вышла в открытое море более легким, но слишком мелким для фрегата путем.

Капитан удалился с таинственным лоцманом в свою каюту. Гриффис также, отдав вахтенному офицеру последние приказания, отправился на свою койку. В течение целого часа мысли лейтенанта были заняты впечатлениями дня. Мало-по-малу удары волн о бока корабля, скрипенье снастей и шум ветра теряли свою отчетливость, и, наконец, молодой лейтенант погрузился в глубокий сон.

ГЛАВА VI

Поздно утром пушечный выстрел разбудил Гриффиса. Выпрыгнув из своей койки и заметив возле себя офицера военного отряда, он осведомился о причине пальбы.

— Надо привлечь как-нибудь внимание „Ариеля“,—ответил офицер.— Вот уже десять минут, как мы выставили сигнал, а они и внимания не обращают: вероятно, спят все крепким сном.

— Скажите лучше: принимают нас за врага. Дик Барнстэбль столько раз сам надувал англичан, что его не очень-то легко подозвать к себе. Но, конечно, им тоже пришлось поработать в прошлую ночь, и они теперь пользуются случаем отдохнуть. Они лежат в дрейфе, я думаю?

— О, да! Дайте только Барнстэблю морской простор, крепкий ветер и укороченные паруса—и он поставит у руля своего Длинного Тома, а сам с остальной командой спустится вниз и будет спать спокойно.

Гриффис, одевшись, прошел через темную кают-компанию и поднялся сначала на главную батарею корабля, а затем на открытую палубу.

Все еще дул крепкий, но постоянный ветер. Море вздымалось маленькими пригорками, увенчанными пеною, которую ветер по временам срывал и перебрасывал клочьями с одной вершины на другую. День был ясный, и солнце, невысоко стоявшее над южным горизонтом, едва-едва пригревало влажный воздух.

На расстоянии одной мили от корабля, в наветренной стороне, виднелся „Ариель“, заблагорассудивший, наконец, повиноваться призывному сигналу. По временам шкуна совсем скрывалась из глаз; потом опять показывались ее мачты, словно высовываясь из воды; и наконец, поднявшись на верхушку волны, появлялся и самый кузов корабля, и казалось— вот-вот он отделится от воды и плавно понесется по воздуху.

Командир фрегата стоял на палубе, спокойно ожидая, когда приблизится шкуна. Рядом с ним находился незнакомец, так искусно управлявший кораблем в минувший вечер. Гриффис воспользовался случаем приглядеться к этому человеку внимательнее, чем он мог это сделать накануне.

Лоцман был ниже среднего роста, но крепко сложен, а в атлетических линиях его тела была мужественная красота. В его лице угадывалась скорее печаль и задумчивость, чем та быстрая решимость, которую он проявлял в минуты опасности. Его глаза были опущены на палубу и лишь иногда окидывали окружающее беспокойным и быстрым взглядом.

Незнакомец носил широкую морскую куртку, сшитую из такого же грубого сукна, что и куртки простых матросов; и все же от зорких глаз молодого лейтенанта не ускользнуло, что эта одежда сидит на нем как-то особенно ловко и отличается гораздо большим изяществом, чем у рядовых представителей его профессии.

Наконец, шкуна приблизилась к корме корабля. Капитан Мэнсон приказал Барнстэблю явиться на палубу фрегата. С „Ариеля“ тотчас же спустили вельбот, который заняли люди, вчера пристававшие к берегу, видневшемуся теперь далеко в подветренной стороне, словно синее облако на самом краю моря.

Барнстэбль был встречен на палубе первым лейтенантом и младшими офицерами, и хотя всем хотелось сердечно позжать руку отважному товарищу, однако, никто не нарушил границ официальных приличий, пока прибывший не переговорил отдельно с капитаном.

Команда вельбота прошла вперед и смешалась с толпой матросов фрегата; только невозмутимый боцман остался в стороне, но окружившая его вскоре молодежь, с Мерри во главе, начала развлекать гостя.

Разговор между Барнстэблем и его начальником продолжался недолго. Молодой моряк, позвав за собою Гриффиса, прошел мимо толпы офицеров, ждавших его возле шпигеля, и направился к кают-компанию. Офицеры, приписав эту неприветливость, не свойственную ему, важным служебным делам, требовавшим частного совещания, не решились последовать вниз за старшим лейтенантом. Барнстэбль, взяв мимоходом лампу со стола,

ЛОЦМАН

вошел со своим другом в его каюту и закрыл за собою дверь.

— Ну и вечер выдался нам! Двадцать раз я приходил к убеждению, что вы все потонули, или, еще хуже, что вас выбросило на берег, где вы попали бы в плен. Зато как я обрадовался, когда в ответ на мою пушку вы показали огни. Однако, Гриффис, мне надо еще кое-о-чем рассказать вам...

— Не о том ли, как вы сладко уснули, когда добрались до глубокой воды? И как ваша команда наперерыв поспешила убраться в свои койки по примеру капитана? Ей-богу, Дик, это становится ни на что не похожим: ваши люди так аккуратно укладываются спать, точно в курятнике, где все обитатели в определенный час взбираются на насест.

— Ну, до этого еще не дошло, Нед,—возразил, смеясь, Барнстэбль.—Я поддерживаю такую же строгую дисциплину, как на флагманском судне.

— Однако, должен же на корабле хоть один человек бодрствовать и следить, куда судно держит курс. Тут вот у нас ходят слухи, что как только подует свежий ветер, вы сажаете у штурвала вашего Длинного Тома, отдаете людям приказ „пошел по койкам!“ и затем мирно почиваете, пока вас не разбудит храпение рулевого.

— Кто распускает такую клевету, мистер Гриффис?—воскликнул Барнстэбль, напрасно стараясь скрыть свое негодование.

— Офицер военного отряда говорил мне что-то в этом роде,—ответил его друг, потеряв вдруг охоту подзадоривать своего товарища и переходя от шутливого тона к равнодушному.—Но я и сам этому не верю; я не сомневаюсь, что вечером вы все бодрствовали, хотя не знаю, что вы делали сегодня утром.

— Сегодня утром! Правда, я кое-что проглядел. Но я в это время изучал сигнальный словарь, который для меня в тысячу раз интереснее всех ваших флагов.

— Что вы говорите! Неужели вы раздобыли ключ к сигналам англичан?

— Нет, нет,—возразил тот.—Вчера вечером я встретил на утесах девушку, которую я недаром любил за ее решимость и отвагу.

— О ком вы говорите?

— О Катерине...

Гриффис невольно вскочил с кресла, услышав это имя, и его лицо то покрывалось смертельной бледностью, то заливалось ярким румянцем. Стараясь побороть волнение, которого он, повидимому, не хотел обнаружить даже перед другом, молодой человек опустился на прежнее место и уныло спросил:

— Она была одна?

— Да, но она оставила мне письмо и вот эту тетрадь, которая мне дороже любой библиотеки в мире.

Гриффис с жадностью стал читать переданное ему другом письмо, которое Барнстэбль получил на берегу от своей невесты.

„Полагая, что мне удастся быть там, где мы сможем встретиться, или откуда мне нетрудно будет переслать вам эту записку, я заранее составила краткое описание притеснений, среди которых придется жить Цецилии Говард и мне. Пишу я вам не для того, конечно, чтобы вызвать вас или Гриффиса на какой-нибудь безрассудный поступок, а для того, чтобы вы могли, обсудив все сообща, придумать что-либо для облегчения нашей участи.

Вы уже успели достаточно узнать нрав полковника Говарда и понимаете, что он никогда не согласится выдать свою племянницу за „бунтовщика“, т.-е. за американца. Со свойственной мне откровенностью (о, вы знаете меня, Барнстэбль!) я после безумной попытки Гриффиса похитить Цецилию, когда мы жили еще в Каролине, призналась ему, что имела слабость дать кое-какие обещания товарищу молодого моряка, сопровождавшему его во время этих предательских рейсов в нашу плантацию. Ого! Полковник пришел в ярость, когда узнал, что девушка, находящаяся под его опекой, собирается отдать тридцать тысяч долларов и себя „изменнику“. Я защищала вас, как могла; говорила, что ваше отечество— Америка, что вы действуете, как честный человек. Ничто не помогло! Он называл вас бунтовщиком и изменником, не сознавая, кажется, особой разницы между этими словами. Однако, власть его и опека кончается через год, и я буду сама себе госпожа,—вот почему я отнеслась к этой сцене сдержанно, решившись ни за что не покинуть Цецилию. Бедняжка! Ее положение еще хуже: она не только под опекой у полковника, но она к тому же его племянница и его единственная наследница. Он, кажется, воображает, что последнее обстоятельство дает ему право тиранить ее при всяком удобном случае.

С Америкой полковник Говард распростился навсегда. Месяца два мы прожили тут в сносных условиях. Но вот пришло известие о прибытии из Франции фрегата и вашей шкуны, и с тех пор за нами так зорко следят, словно мы замыслием новое бегство. Полковник по приезде сюда нанял старинное здание—не то дом, не то аббатство, не то замок, а в общем—тюрьму. В этом „очаровательном“ здании есть множество келий, куда можно без всякого труда запрятать и более строптивых пташек, чем мы. Недели две назад в деревушке, которая стоит на морском берегу по соседству с нами, поднялся переполох из-за двух американских кораблей, шнырявших вдоль берегов. А так как все здесь только и бредят Полем Джонсом, то стали говорить, что это именно он. Но полковник, кажется, догадывается, какого рода эти мореплаватели. Он с того же дня водворил в доме своего рода гарнизон—для того, дескать, „чтобы защищаться от мародеров“.

Теперь, Барнстэбль, я опишу вам нашу тюрьму и гарнизон. Мы живем в верхнем, третьем этаже бокового крыла; если вы настроены романтично, то назовите это башней, в действительности же это не больше, не меньше,

ФЕНИМОР КУПЕР

как крыло главного здания. Улететь бы на этом крыле! Если бы случайно вам пришлось увидеть эту постройку, вы сразу узнали бы наше жилище по трем флюгерам над остроконечной крышей. Против наших окон на расстоянии полумили находятся какие-то развалины, отчасти скрытые лесом. Воспользовавшись разъяснениями, которые вы мне когда-то давали насчет морской сигнализации, я приготовила набор знаков, получаемых сочетанием разноцветных лоскутьев шелку, и собрание соответствующих этим сигналам фраз, которые могут нам понадобиться. Запаситесь флагами, и если представится случай, мы, по крайней мере, побеседуем издали; вы заберетесь на развалившуюся башню, а я буду объясняться из окна. Теперь о гарнизоне. Наш комендант, полковник Говард, не довольствуясь приобретенной им на военной службе свирепостью, держит при себе помощника, Кристовера Диллона. Этот длиннолицый джентльмен, из-за которого Цецилии житья нет, приходится Говарду родственником и мечтает о еще более тесных узах родства. Полковник давно мечтает сделать этого господина мужем Цецилии, и с тех пор, как вы появились у берегов, он перешел от осады к настоящему штурму. Привело это к тому, что сначала Цецилия перестала выходить из своей комнаты, а потом полковник перестал ее выпускать оттуда, и она теперь принуждена жить безвыходно во флигеле. Кроме этих двух главных тюремщиков, у нас есть четыре слуги (два белых и два черных), и по особой просьбе присланы квартировать офицер с двумя десятками солдат на все время, пока берег не будет свободен от „пиратов“. „Пиратов"! Как это вам понравится? А когда их же соотечественники совершают набег на чужую страну, опустошают ее, убивают людей, оскорбляют женщин, то они называются героями! Мудреная вещь—изобретать названия и составлять словари. Стоит мне только вспомнить все жестокости и несправедливости, которые прикрываются здесь громкими фразами,—и я делаюсь сама не своя! Однако, довольно об этом. Будьте же осторожны; берегите свою жизнь, помните о службе, но не забудьте и вашу Катерину Плоуден".

Гриффис, прочитав письмо, задумчиво откинулся на спинку кресла.

— Надо что-нибудь предпринять, не теряя времени,—проговорил он.— Бедная девушка! Воображаю, как она страдает. Послушайте, Ричард: так как никто пока об этом не знает, то и дальнейшие наши шаги должны остаться под секретом. Но что делать?

— Мы должны увезти их обеих, прежде чем нашему старику вздумается покинуть этот берег. Не говорил ли он чего-либо о дальнейших своих намерениях?

— Он молчалив, как могила.

— Это все ваша застенчивость,—сказал Барнстэбль.— Вот погодите, я обрушусь на него со всей своей любознательностью и в какой-нибудь час все от него выведаю.

— Как бы не нашла коса на камень,—засмеялся Гриффис.— Он увертлив, как лиса.

— Во всяком случае, попытаюсь. Вы знаете, что он вызвал меня для участия в офицерском совещании по важному делу?

— Не слышал. В чем именно дело?

— Ну, об этом не угодно ли спросить у лоцмана? Разговаривая со мной, старик то-и-дело поглядывал на него, как-будто спрашивал, куда держать руль.

— Какая-то тайна связывает этого человека с нашим кораблем,—сказал Гриффис.— Однако, я слышу голос капитана Мануэля: нас требуют к нему в каюту. Не забудьте же повидаться со мной еще раз, прежде чем вернетесь на шкуну.

— Непременно, дружище!

Гриффис надел вместо куртки свой парадный мундир, и молодые люди, поднявшись на пушечную палубу, вошли в каюту капитана.

ГЛАВА VII

Командир фрегата встретил своих офицеров любезно и, указав на стулья, стоявшие вокруг привинченного к полу каюты стола, занял свое место. Остальные тотчас же последовали его примеру. При распределении мест строго соблюдался порядок старшинства. По правую руку от капитана сидел Гриффис, с другой стороны—командир шкуны; следующее место принадлежало офицеру военного отряда, и этот порядок продолжался до нижнего конца стола, где сидел коренастый, атлетического сложения мужчина—первый боцман фрегата, по имени Больтроп. Когда все уселись по местам, капитан открыл совещание.

— Полученные мною инструкции,—сказал он,—предписывают нам идти вдоль берега...

Гриффис прервал его, почтительно подняв руку.

— Мы не одни,—произнес он и указал глазами в угол каюты, где стоял лоцман, прислонившийся к пушке и невозмутимо рассматривавший развернутую на полу карту.

Капитан понизил голос и возразил потешно:

— Это мистер Грей. Его помощь необходима в предпринимаемом деле, и поэтому от него нечего скрывать. Итак,—продолжал он,—я получил все нужные указания, давшие нам возможность благополучно войти в бухту, где мы встретили лоцмана, в искусстве которого не приходится сомневаться и которому смело можно довериться в любой опасности.

Тут старый моряк остановился и обвел взглядом своих слушателей, как бы желая узнать, согласны ли они с

ЛОЦМАН

этим мнением. Все ответили ему лишь молчаливыми знаками согласия, и капитан, развернув какую-то бумагу, возобновил свои объяснения.

— Вы все знаете, что злополучный вопрос о репрессиях в последнее время живо обсуждался обоими правительствами—нашим и великобританским. В виду этого и ради некоторых других политических соображений наши уполномоченные в Париже признали желательным захватить в плен несколько видных деятелей враждебной страны, чтобы держать их в качестве заложников и в то же время перенести последствия войны с наших берегов в то государство, которое эту войну вызвало. Теперь представилась возможность привести этот план в исполнение, и я собрал вас, джентльмены, чтоб обсудить наши мероприятия.

Это неожиданное сообщение о цели экспедиции было встречено мертвой тишиной. Подождав с минуту, капитан обратился к боцману:

— Каков ваш совет, мистер Больтроп?

Суровый матрос положил короткую костлявую руку на стол и начал с большим усердием тереть чернильницу. Видя, что волей-неволей, но отвечать необходимо, он глянул сначала направо, потом налево и заговорил хриплым, густым басом:

— Раз приказано, значит, надо исполнить. А как исполнить? Надо либо высадить на берег отряд и схватить этих людей, либо заманить их на корабль ложными сигналами. Насчет высадки на берег, капитан Мэнсон, я скажу вам прямо: если вы желаете врезаться бушпритом хоть в самые окна английского короля,—что ж, я согласен и мне нет дела, разобьем мы у него фарфор или нет. Но высаживаться на эти песчаные берега—нет уж, слуга покорный!

Молодые люди с улыбкой выслушали это решительное заявление старого матроса. Затем капитан невозмутимо осведомился о мнении младшего лейтенанта. Тот высказался в том же духе, что и боцман, хотя не проявил такого отвращения к высадке на берег. Мнения старших офицеров были более определенными. Наконец, очередь дошла до капитана военного отряда.

— Мне кажется, сэр, что успех этой экспедиции всецело зависит от того, как мы поведем дело,—начал он.— Десант должен пристать к берегу под прикрытием артиллерии фрегата, а шкуну следовало бы поставить так, чтобы она, в случае надобности, могла обстреливать с фланга место высадки. Я советовал бы послать вперед набранный из матросов разведочный отряд: главный корпус останется под прикрытием фрегата до тех пор, пока авангард не оттеснит неприятеля внутрь страны. Необходимы фланговые отряды под командой хотя бы старших мичманов, а мистер Гриффис поведет мушкетеров и вооруженный пиками абордажный отряд—это будет резерв. Главный корпус будет находиться под моей командой...

— Bravo, фельдмаршал!—воскликнул Барнстэбль, не умеющий сдерживать свою веселость.—Вы, кажется, думаете, что мы намерены завоевать всю Англию?

— Я привык к насмешкам моряков и не придаю значения словам, которые говорят лишь о полной неосведомленности в военном деле,— с достоинством ответил капитан Мануэль и продолжал:—Так как, капитан Мэнсон, мы можем встретить отпор, то я советовал бы сформировать саперный отряд на случай, если нам придется строить окопы. Нужные для этого орудия найдутся в избытке у местного населения, и мы можем привлечь к этому делу крестьян путем принудительного набора.

Тут Барнстэбль не выдержал и громко расхохотался. Никто не прерывал его, но Гриффис, сам едва сдерживавший улыбку, заметил гневный взгляд, кинутый лоцманом на не в меру веселого моряка. Капитан спокойно спросил у лейтенанта, почему предложение военного офицера кажется ему таким смешным?

— Да ведь это план целой кампании! А между тем задачу эту можно выполнить только с матросской расторопностью, и поручить дело надо морякам!

— Простите, мистер Барнстэбль,—прервал его военный;—но так как это относится к береговой службе, то мне должна быть предоставлена главная роль.

— Да как же вы приступите к делу с людьми, которые не умеют отличить носа лодки от ее кормы? Или вы думаете, что пристать к берегу на катере или баркасе так же легко, как скомандовать „шагом марш“? Нет, капитан Мануэль! Я не сомневался никогда в вашей отваге, но чорт меня возьми, если я...

— Мы ждем, что вы предложите, мистер Барнстэбль,—напомнил ему командир.

— Прошу извинения, сэр! Укажите место, где находятся нужные вам люди, и я поведу шкуну к берегу. Мистер лоцман, вы будете меня сопровождать, потому что в вашей памяти хранится наилучшая из всех карт этих берегов. Выбрав для якорной стоянки удобное место, я спущу на воду вельбот и вместе с Длинным Томом и несколькими матросами отыщу по вашим указаниям нужных вам людей, захвачу их и перевезу на шкуну. Задача нехитрая, только надо, пожалуй, действовать под прикрытием ночи.

— Мистер Гриффис, мы ждем лишь вашего мнения,—сказал капитан,—а затем сообща решим, какого образа действий надлежит держаться.

Старший лейтенант, указав на лоцмана, который попрежнему стоял, опираясь на пушку, начал с вопроса:

— Этот человек будет сопровождать экспедицию?

— Непременно.

— И мы в наших действиях будем руководствоваться его указаниями?

— Именно так.

ФЕНИМОР КУПЕР

— Если он проявит на суше хоть половину тех знаний, какие он обнаружил на море, то я ручаюсь за наш успех,—сказал лейтенант, слегка кланяясь незнакомцу, на что тот холодно наклонил голову.—Я прошу и мистера Барнстэбля, и капитана Мануэля извинить меня, но команда над экспедицией должна принадлежать мне, как старшему офицеру. Нам всем работы будет вдоволь,—поспешил добавить он, многозначительно переглянувшись с нетерпеливым командиром шкуны.—Я не могу вполне согласиться ни с одним из высказанных сейчас мнений. Говорят, что со времени нашего появления у берегов дома некоторых помещиков охраняются небольшими отрядами солдат, вызванными из соседних городов...

— Кто говорит это?—спросил лоцман, неожиданно выступая вперед.

— Я говорю.

— И можете поручиться, что это правда?

— Могу.

— Назовите хоть один дом, находящийся под охраной. Гриффис смотрел на человека, который до такой степени забылся, что вздумал прервать военное совещание. Однако, вспомнив о вчерашних заслугах лоцмана и о доверии капитана к нему, он, наконец, сказал:

— Я знаю, что именно так обстоят дела в доме полковника Говарда, живущего в нескольких милях к северу отсюда.

Незнакомец вздрогнул, услышав это имя, и пристально взглянул на молодого человека, словно желая прочесть его мысли. Но тотчас же на его губах промелькнула улыбка не то презрения, не то насмешки, и он вернулся на свое прежнее место возле пушки, промолвив:

— Возможно, что вы правы, сэр; и если разрешите мне дать совет, то я просил бы капитана Мэнсона обратить особое внимание на ваше заявление.

Гриффис обернулся, не понимая, что хотел этим сказать незнакомец, но тот снова с самым невозмутимым видом склонился над картой.

— Я сказал, что не могу согласиться вполне ни с капитаном Мануэлем, ни с мистером Барнстэблем,— продолжал лейтенант.—Приготовления, которые рекомендует капитан Мануэль, я считаю излишними; равным образом я не решился бы пуститься в эту экспедицию очертя голову, как советует мистер Барнстэбль. Так как нам, быть-может, придется встретить вооруженный отпор, то мы должны взять с собой и солдат. Но успех десанта зависит от быстроты действий, и тут нужны знания моряка. Поэтому я прошу вас, капитан Мэнсон, поручить команду над десантом именно мне.

— Извольте,—ответил тот без малейших колебаний,—я сам собирался предложить вам эту обязанность, и мне приятно видеть, что вы с такой охотой беретесь за это дело.

— Итак, я принимаю на себя ответственность за успех предприятия,— продолжал Гриффис, с трудом скрывая свою радость.—Я прошу, чтобы в мое распоряжение были предоставлены двадцать человек под командою капитана Мануэля, если он ничего не имеет против. (Тот поклонился и торжественно посмотрел на Барнстэбля). Я возьму свой катер, пересяду на шкуну, и когда стихнет ветер, мы подойдем к берегу, а там уже будем руководствоваться обстоятельствами.

Командир шкуны в свою очередь кинул торжествующий взгляд на капитана военного отряда и весело воскликнул:

— Вот это мне по душе, мистер Гриффис! Да, да, без шкуны в этом деле не обойтись. Но двадцать солдат! Матросов можно было бы поместить хоть тридцать, но эти солдаты только на параде знают, куда девать руки и ноги. От одного их мела для чистки пуговиц пройти будет негде!

— Дайте мне гичку, капитан Мэнсон,—воскликнул с негодованием офицер.—Я последую за мистером Гриффисом в лодке, так как не желаю подвергать капитана Барнстэбля неудобствам!

— Нет, нет, Мануэль,—возразил тот, протягивая ему руки.—Вы пойдете со мной и лично убедитесь, действительно ли моя шкуна— сонное царство, как вы говорите.

Все рассмеялись, и капитан Мэнсон, относившийся, по своему врожденному добродушию, весьма терпимо к не всегда уместной веселости своих подчиненных, объявил заседание оконченным и знаком приказал слуге принести грог, обычно подававшийся по окончании всех подобных совещаний. Боцман первым подошел к графину, налил себе стакан и выпил за успех предприятия. Другие офицеры проявили большую умеренность; Гриффис едва притронулся к вину, а лоцман совсем отказался от предложенного стакана. Капитан Мэнсон стоял в стороне, и офицеры, видя, что пора уходить, раскланялись с начальником. Гриффис, уходя последним, почувствовал на своем плече чью-то руку. Он обернулся: перед ним стоял лоцман.

— Мистер Гриффис,—сказал он,—для успеха дела нам надо заручиться взаимным доверием.

— Я ни от кого не скрываюсь,—ответил молодой человек.—Я служу интересам Америки. Теперь я собираюсь высадиться на враждебный берег, где малейшее предательство погубит меня. Кто же этот человек, которому вы так доверяете, капитан Мэнсон? Я задаю вам этот вопрос не от своего лица, но ради тех, кто бесстрашно пойдет за мною всюду, куда бы я их ни повел.

Тень неудовольствия пробежала по лицу незнакомца, а командир фрегата ответил:

— Вы говорите это не без основания, мистер Гриффис, но надо ли вам разъяснять, что я вправе ждать от всех

ЛОЦМАН

безотчетного повиновения? Я командую этим фрегатом...

— Погодите,—прервал его лоцман.—Его сомнения основательны, и я должен их рассеять. Прочтите это, сэр, и скажите, доверяете ли вы мне теперь?

Незнакомец вынул из-за пазухи пергамент с массивной печатью, висевшей на ленте, и развернул его на столе перед молодым человеком.

— Смотрите!—сказал он.

Гриффис прочитал документ и горячо воскликнул:

— Ведите, я пойду за вами!

Незнакомец улыбнулся. Он взял молодого человека под руку и повел его в офицерскую каюту, а капитан, невозмутимый свидетель этой сцены, остался один.

ГЛАВА VIII

Несмотря на приказ хранить под секретом предмет совещания, кое-какие сведения дошли и до матросов. Среди них распространился слух, что предпринимается экспедиция на берег по тайному предписанию конгресса.

Капитан Мануэль устроил смотр своим солдатам и, обратившись к ним с краткой речью, заявил, что ему нужны двадцать добровольцев для участия в опасном деле. Всех солдат было сорок. После краткой паузы весь отряд, как один человек, выступил вперед. Офицер самодовольно оглянулся и пожалел, что Барнстэбля нет вблизи. Затем он приступил к беспристрастному подбору, намечая себе наиболее храбрых молодых.

Среди этих оживленных приготовлений Гриффис поднялся на палубу фрегата. Он начал отдавать необходимые распоряжения матросам, которых предполагал взять с собою, но в это время Барнстэбль снова подозвал его и спустился с ним в офицерскую каюту.

— Надо ждать, пока утихнет ветер,—сказал командир „Ариеля”.— Но эта Кэти положительно для того создана, чтобы быть женой моряка. Посмотрите-ка, Гриффис, какое великолепное собрание сигналов она придумала! Когда мы болтали с ней, сидя на берегу реки в Каролине, я и не подозревал, что из моих рассказов о морском житье-бытье она извлечет так много. Полюбуйтесь, друг мой, и признайтесь, что такая девушка— неоценимый друг моряка!

— Я никогда и не сомневался в достоинствах мисс Плоуден,—ответил Гриффис,—но это поистине превосходит все мои ожидания! Какой удачный подбор фраз! Например: номер 168—Вечная клятва. Номер 169— Буду любить до гроба. Номер 170— Не обманываете ли вы меня? Номер 171...

— Будет вам!—воскликнул Барнстэбль, с досадой вырывая тетрадку из рук смеющегося приятеля.— Не будем терять время на разные пустяки! Скажите лучше, какого мнения вы об этой экспедиции на берег?

— Я думаю, если нам не удастся изловить пленников, зато, по крайней мере, мы освободим наших дам.

— Но этот лоцман! Не забудьте, что он в любую минуту может спровадить нас на виселицу.

— Почему же он не посадил нас на мель, когда это было так легко сделать?—возразил Гриффис.— Нет, он меньше всего похож на изменника. Я отношусь к нему с полным доверием.

— Ну и пусть он сам разыскивает этих великобританских вельмож! — воскликнул Барнстэбль, сжимая в руке заветную тетрадь.— Вот та карта, которая нужна нам! Назовите меня трусом, если эта насмешница опять ускользнет у меня из-под рук, как летучая рыбка, спасающаяся от дельфина. Гриффис, нам необходимо взять с собою попа. Он очень расторопный парень и не хуже епископа сумеет принайтовать²¹ нас друг к дружке.

— Слепая любовь способна довести до нелепостей,—возразил его приятель, покачивая головой и улыбаясь.— Нет, это не годится, Ричард! Наши сердечные дела должны отступить пока на второй план. Да и лоцман не такой человек, которого можно отвлечь от намеченной цели.

— Я и говорю, пусть он сам займется этой целью! Пусть он лавирует себе на здоровье, а я буду держать курс прямо к этим развалинам, откуда будут видны стены аббатства с тремя закопченными флюгерами. Не думайте, что я забываю о своем долге; я помогу вам ловить англичан, а затем—отправлюсь за Катериной Плоуден, и да здравствует любовь!

— Перестаньте, головорез! У стен ведь бывают уши. Эта экспедиция—не детская игра.

Барнстэбль несколько уgomонился. Серьезное настроение старшего товарища отчасти передалось и ему. Но, подумав с минуту, он вдруг вскочил с места и направился к выходу.

²¹ Принайтовать — прикрепить.

— Куда?

— Я придумал, как уладить это дело.

— Скажите сначала мне.

— Сколько этой знати хочет капитан нагрузить на фрегат?

— Лоцман назвал шестерых. Два пэра, два члена палаты общин, один генерал, а шестой—моряк в чине капитана. Они все съедутся на охоту недалеко от берега, и, согласитесь сами, затею эту осуществить вполне возможно.

— Итак, по два на каждого из нас. Отправляйтесь с лоцманом, если уж так хотите. А я со своим боцманом и с командой вельбота пойду к полковнику Говарду, нападку на дом врасплох, освобожу обеих девушек и на обратном пути возьму в плен первых двух встречных лордов.

Гриффис расхохотался.

— Хоть они и называются пэрами, то-есть равными,—ответил он,— однако, не все лорды одинаковы по качеству; к тому же вы напрасно думаете, что они, как бродяги, шатаются по всем пустырям. Нет, те люди, которых мы ищем, должны выдаваться чем-то из среды других. Однако, займемся планом мисс Плоуден — может-быть, что-либо придумаем.

Барнстэбль нехотя покорился трезвым доводам своего друга, и они посвятили после того целый час подысканию способов примирить служебный долг с их личными делами.

С утра продолжался крепкий ветер, но к полудню появились признаки, обещавшие улучшение погоды. В течение этих часов бездействия солдаты, назначенные в экспедицию, суетились с таким озабоченным видом, как будто им и вправду предстояло участвовать в грандиозном походе; матросы же разгуливали по палубе, спокойно засунув руки в карманы и посматривая на горизонт. Наконец, на шканцах появился капитан Мансон в сопровождении лоцмана и старшего лейтенанта. Тот вполголоса сказал что-то мичману, и юноша весело помчался вдоль палубы. Раздался свисток боцмана и его хриплый возглас:

— Спускать на воду „Тигра“!

Забил барабан, солдаты еще раз прошли церемониальным маршем; шесть матросов, которые составляли команду катера, спустили лодку на волновавшуюся поверхность моря. Солдат быстро доставили с фрегата на шкуну, и вскоре было объявлено, что катер ждет офицеров. Лоцман отошел в сторону, беседуя с капитаном, который внимательно выслушивал каждое его слово. Разговор их кончился, и старый моряк, сняв шляпу, с сердечным уважением протянул руку незнакомцу. Они попрощались, и лоцман жестом пригласил ожидавших его офицеров спускаться в лодку.

— Идем,—промолвил Гриффис, отрываясь от своих дум и торопливо кланяясь на прощанье своим товарищам.

Мичман Мерри, не мешкая, перепрыгнул на лестницу и соскользнул в лодку, проворный, как белка. Но офицер военного отряда приостановился и многозначительно посмотрел на лоцмана, который должен был спуститься раньше него. Тот, стоя у борта, пытливо вглядывался в тучи и, повидимому, не замечал нетерпения капитана, наконец, окликнувшего его:

— Мы ждем вас, мистер Грэй!

Лоцман быстро взглянул на говорившего, но не двинулся с места, и лишь повторил рукой движение в сторону лодки. К всеобщему изумлению, Гриффис поклонился и поспешно сошел в лодку, как бы предшествуя адмиралу. Незнакомец больше не медлил.

Лишь только катер прикрепили к боканцам²² шкуны, Барнстэбль объявил, что его судно готово к отплытию.

Лоцман внимательно осмотрел бронзовые пушки шкуны, затем окинул взглядом безукоризненно прибранную палубу, опрятный и прочный такелаж и отважные лица молодой команды шкуны. Было видно, что он остался доволен.

— У вас крепкое судно и хорошая команда, мистер Барнстэбль,— сказал он.—Быть-может, недалек тот час, когда вам придется показать свои силы.

— Чем скорее, тем лучше. С тех пор, как мы вышли из Бреста, я ни разу не прочистил порохом своих пушек, хотя мимо нас и прошло много неприятельских яхт, с которыми мои бульдоги хотели бы перекинуться словечком. Мистер Гриффис подтвердит вам, что мои шесть пушек при случае умеют кричать так же почти громко, как батарея фрегата.

— Я вижу, что вы окрестили свои орудия? Какие внушительные клички!

— Плоды досужей фантазии,—сказал Барнстэбль, с улыбкой взглянув на пушки, на которых красовались надписи: „Истребитель“, „Грозный“ и т. д.

— Но почему вы оставили длинную пушку без названия?—спросил лоцман.

— Взгляните на бока лафета,—ответил капитан шкуны.—Там вы прочтете вполне достойное имя. Видите вы

²² Б о к а н ц ы — выступы на корабельном носу, а также на бортах для поднятия на них разных предметов

ЛОЦМАН

почтенного матроса, который стоит, прислонясь к фок-мачте? Это и есть канонир той пушки, и ни один солдат не сумеет навести свой мушкет более метко, чем наш боцман свою девятифунтовку. Вследствие их близости друг к другу, да и некоторого сходства—оба они долговязы—орудию этому присвоено имя: „Длинный Том”.

Лоцман с улыбкою слушал эти объяснения, но когда он отвернулся, отразившееся на его лице глубокое раздумье ясно показывало, что во время этого разговора он лишь на минуту отвлекся от занимавших его мыслей.

Гриффис обратил внимание своего друга на заметное смягчение ветра, и Барнстэбль занялся приготовлениями и дальнейшему пути. Легкий корабль, повинуясь рулю, быстро понесся вперед. Черный кузов фрегата вскоре скрылся из вида, и задолго до захода солнца его высокие мачты стали уже едва заметны, да и то благодаря только расплывчатому пятну парусов, при помощи которых корабль удерживался на месте.

В противоположной стороне показался холмистый берег, словно всплывавший на поверхность воды; помещицы дома, жилища крестьян и даже смутные линии изгородей стали все отчетливее выделяться перед глазами смелых моряков, пока все это не потонуло в вечерней тени. Впереди остался один смутный контур берега, да унылые волны ударили в корму „Ариеля”.

ГЛАВА IX

Большое неуклюжее здание, где жил полковник Говард, вполне заслуживало определения, которое дала ему Катерина в своем письме. Различные части его пристраивались в различные эпохи, так что не могло быть и речи об архитектурном единстве; однако, внутренние помещения дома не были лишены некоторого комфорта. Лабиринты темных коридоров и галлерей и расположенные в странном порядке комнаты были снабжены хорошей и солидной мебелью.

Не особенно большая комната—столовая аббатства—была ярко освещена полдюжиной свечей и веселым огнем топившегося камина. Дубовая резьба на стенах отливала светлыми пятнами, и огонь игриво преломлялся в графинах с вином, стоявших на тяжелом столе из красного дерева. Темноокрасные занавеси на окнах и огромные дубовые кресла, обитые кожей, дополняли эту картину, и казалось, что комната закупорена от живого мира с его тревогами.

За столом сидели трое. Обед уже кончался, и бутылка с вином неторопливо переходила из рук в руки.

У конца стола сбоку сидел пожилой человек—сам хозяин, полковник Говард. Его бодрая осанка, быстрые движения и твердая рука показывали, что он, несмотря на свои годы, был еще крепок и силен. Вечер жизни, должно-быть, уже посеребрил его негустые волосы, но напудренный парик тщательно скрывал следы произведенного временем опустошения.

Против хозяина сидел желтолицый Кристовер Диллон—тот самый, который, по словам Катерины Плоуден, отравлял жизнь ее кузине.

Между ними помещался мужчина средних лет, суровой наружности, одетый в военную форму; его лицо было так же багрово, как и его мундир. Повидимому, он сосредоточил все свое внимание на вине.

Возле кресла полковника Говарда стоял крестьянин.

— Так ты говоришь, что шотландец видел корабли? Крестьянин ответил утвердительно.

— Хорошо; можешь уходить.

Фермер покинул комнату, а полковник обратился к собеседникам, возобновляя прерванный разговор:

— Если эти безрассудные молодые люди действительно уговорили старого глупца, командующего фрегатом, забраться в здешние мели перед таким ветром, то положение их безнадежно! Итак, они получают по заслугам. Я не удивлюсь, господа, если страна, где я родился, будет поглощена землетрясением или залита потопом. А все-таки помощник капитана был отважный юноша! Я хорошо знал его отца: он, как и мой брат, отец Цецилии, предпочел морскую службу. Его сын унаследовал его смелость. Жаль, если он утонул!

Офицер прихлебывал вино, по временам поднимая стакан и рассматривая его на свет. Потом, когда в стакане ничего не осталось, он невозмутимо поставил его на стол и, потянувшись за бутылкой, рассеянно сказал:

— Совершенно верно, сэр! Хорошие люди редки, и как бы ни была доблестна его смерть, однако, приходится пожалеть о гибели верного слуги короля.

— Верный слуга короля? Доблестная смерть? Нет, капитан Борроклифф, ни один бунтовщик не может быть назван слугой короля.

— Офицер, в мыслях которого царил полный беспорядок, тотчас подыскал новый ответ:

— Я хотел выразить сожаление, что этот молодой человек погиб в сражении, тогда как...

— Да ведь он утонул.

— А! Это другое дело. Я на это не обратил внимания.

— Еще неизвестно, сэр, действительно ли погонщик видел те самые корабли,—произнес гнусавым голосом Диллон.—Едва ли они осмелились бы так близко подойти к берегу, где постоянно крейсерают наши военные корабли.

— Эти люди наши соотечественники, Кристовер!—воскликнул полковник.—Они отважны. Когда я лет двадцать назад служил в армии, мне случалось встречать нынешних врагов; например, при осаде Квебека, в стычке

ФЕНИМОР КУПЕР

при Тикондероге или в том сражении, которое закончилось злополучным поражением генерала Брэддока. И я должен сказать, что колонисты вели себя чрезвычайно мужественно, особенно во время этой злосчастной битвы. Тот самый человек, который стоит теперь во главе мятежников, снискал себе в тот день наше общее уважение. Я никогда не отрицал, что мистер Вашингтон — истинный джентльмен.

— М-да,—сказал офицер, позевывая,—оно и понятно: ведь он, так сказать, вырос в английской армии. Но мне очень досадно, что эти мятежники потонули, полковник! Чего доброго, мое присутствие больше вам не потребуется, и я лишусь вашего гостеприимного крова.

— Я рад, если мне удалось хоть чем-нибудь отблагодарить вас за вашу любезность, — ответил хозяин, кланяясь.

— Самый последний трус стал бы сражаться за страну, где выдерживается такое чудное вино, — ответил офицер, указывая на мадеру, долго созревавшую под лучами королевского солнца. — Кому, как не американцам, истребившим две трети моего отряда, я обязан тем, что, меня назначили для рекрутского набора, а не в действующую армию? Сэр, я провозглашаю тост за их здоровье и готов выпить бокал такого вина за всю их армию, за каждый полк, если хотите — за каждого солдата порознь!

— О, я ни в каком случае не решился бы подвергать вас такому тяжелому испытанию,—возразил хозяин.—Я и так ваш неоплатный должник— вы защищаете мой дом от моих заблудившихся мятежных земляков.

— Бывает служба и более тяжелая, полковник,—ответил офицер.— А у вас в доме—полная чаша. Только на одно могу пожаловаться.

— В чем дело?—спросил несколько изумленный хозяин.

— Вот мы трое сидим здесь с утра до вечера; все мы народ холостой, провизии у нас вволю, вино наилучшее, но все-таки живем отшельниками, а в это время две первые красавицы на всем острове скучают в каких-нибудь ста шагах от нас и лишены возможности слышать выражения нашего восторга. Я не могу не обратиться с упреком к вам, как старому воину, и сошлюсь при этом на нашего общего друга—пусть и он с своей стороны приведет какие-нибудь доводы, почерпнутые из сокровищницы юридической мудрости.

Полковник нахмурился, а желтое лицо угрюмо молчавшего Диллона даже побагровело. Но понемногу складки на лбу ветерана разгладились, а на губах его родственника появилась хитрая усмешка.

— Капитан отчасти, пожалуй, прав,—сказал полковник.—Согласитесь сами, Диллон, что у нас нет основания лишать дам нашего общества, хотя появление этих пиратов и требует некоторых предосторожностей.

Диллон состроил гримасу (это означало саркастическую улыбку) и отвечал:

— Вы, знаете, как трудно победить упрямство капризной женщины. Я почти каждый день посылал весточку к мисс Говард, желая, по долгу родственника, успокоить ее насчет пиратов; и получал от нее лишь сухой и формальный ответ.

— Не удивительно!—воскликнул офицер, бросая на него презрительный взгляд.—От страха румянец пропадет, и женщины предпочитают скрываться, когда у них на щеках цветут лилии вместо роз. Как бы то ни было, я много слышал о красоте обитательниц аббатства, и я очень хотел бы заявить им о своих почтительных чувствах.

— Ваше желание будет исполнено нынче же вечером, капитан Борроклифф!—воскликнул полковник, весело поднимаясь с места.—Мы вам стольким обязаны, что я не расположен долее потворствовать упрямству этих своенравных девчонок, тем более, что я и сам уже чуть ли не две недели не виделся с ними. Кристовер, поручаю капитана вашим заботам, а сам я пойду в монастырь. Мы называем ту часть дома монастырем, капитан, потому что там живут наши затворницы. Простите же, дорогой мой, что я покину вас на минутку.

— Неужели ваши дамы так перепуганы,—спросил капитан, когда хозяин вышел из комнаты,—что заблагорассудили укрыться в безопасное место, хотя еще ничего не известно о высадке на берег неприятеля?

Диллон сухо ответил:

— Имя Поля Джонса²³ в наших местах наводит страх на всех, а не только на обитательниц аббатства.

— Пират прославился после своей отчаянно-дерзкой проделки. Но пусть только он осмелится вторично затеять что-нибудь вроде этой экспедиции,—мои молодчики ему покажут!

— Есть и другие головорезы, кроме него, и мы имеем основания бояться личной мести со стороны одного из этих мятежников.

В эту минуту отворилась дверь, и вошедший вестовой доложил, что часовой задержал проходивших по дороге троих людей, по одежде похожих на моряков.

— Ну и пусть идут своей дорогой!—воскликнул капитан.—Поднести им по чарке и пропустить дальше! Чего это он вздумал задерживать мирных прохожих?

— Простите, ваша честь, но они как-будто высматривали кого-то. Доунингу это показалось подозрительным,

²³ Поль Джонс—знаменитый американский моряк, изображенный также в романе А. Дюма „Капитан Поль“. В 1778 г. близ Киркудбрайта появился американский корабль под его командованием, наводивший страх на все побережье.

ЛОЦМАН

и он, задержав их, привел в караульно.

— Доуниинг дурак, и напрасно он суется не в свои дела. Слышишь, что я тебе приказал: покорми их и, главное, напои хорошенько, чтобы не было никаких жалоб!

— Слушаю, ваша честь, но один из них такой бравый, совсем солдат с виду, может-быть, мы уговорим его поступить к нам. Не продержат ли его до утра? По походке, по выправке видно, что он был раньше на военной службе.

— Что ты говоришь! — воскликнул капитан. — Служил раньше в войсках?

— Ручаюсь, что служил.

— Возможно, что ты прав,—сказал Борроклифф, вставая и подвигаясь зигзагами к двери.—Возьми меня под руку и веди в караульно. Боевой офицер должен всегда совершать обход перед вечерней зарей.

ГЛАВА X

Западное крыло „аббатства“, как все называли этот дом, носило еще кое-какие следы прежнего своего назначения. Наверху были маленькие и многочисленные комнаты, расположенные по обе стороны длинного, темного и низкого коридора; вероятно, это были кельи монахинь, населявших когда-то эту часть здания. Но нижний этаж был перестроен на новый лад, так что явилась полная возможность удовлетворить все требования комфорта.

Гостиная этой части аббатства была довольно обширна и обставлена уютно. В камине приветливо пылали поленья дров. Две восковые свечи в подсвечниках из массивного серебра усиливали и без того веселый свет топившегося очага. Одна из свечей была поставлена на ковер возле девушки, которая, стоя на коленях, проворно перебирала четырехугольные разноцветные лоскуты шелка, составляя из них всевозможные сочетания. Можно было подумать, что она выбирает по своему вкусу материю для своего туалета.

На кушетке, несколько поодаль, полулежала ее подруга, одетая во все белое. Ее волосы, черные и блестящие, как вороново крыло, рассыпались по плечам и шелковыми прядями ниспадали до подушки софы. Невысокий, ослепительно белый лоб был украшен правильными, тонкими бровями, а ее длинные ресницы скрывали опущенные вниз глаза. Повидимому, она была выше среднего роста и отличалась не столько полнотой, сколько хрупкостью сложения, хотя небольшая нога, покоившаяся на шелковой подушке, выдавала округлость очертаний.

— О, теперь я так же опытна, как главный сигнальщик британского флота!—воскликнула сидевшая на полу девушка, с восхищением хлопая в ладоши.

Мисс Говард, едва заметно улыбнувшись, подняла голову и взглянула на свою кузину большими синими глазами, в которых было столько же нежности и чувства, сколько живости и горячности в черных сверкающих глазах ее подруги.

— Успех твоей экскурсии на берег моря, кажется, немного помутил твой рассудок, дорогая,—сказала Цецилия,—и вылечить тебя можно, вероятно, только морской водой.

— Ну, едва ли твой рецепт поможет,—возразила Катерина. —Возьми хоть Барнстэбля: сколько раз во время бури ему пришлось отведать этого лекарства, однако же, он продолжает быть первым кандидатом в сумасшедший дом. Представь себе, он предложил мне холодный душ на своей шкуне.

— Не думаю, чтоб это не было серьезно.

— Каков нахал! Я этого ему никогда не прощу. Зато каково ему было потом, когда начали бурлить волны! Надеюсь, что купанье отрезвило его.

И веселая девушка, тряхнув кудрявой головкой, снова занялась своими шелковыми флагами. Лицо Цецилии омрачилось, и она сказала с оттенком упрека:

— Катерина! Катерина! И ты способна шутить, когда можно опасаться наихудшего? Неужели ты забыла, что говорила нам сегодня утром Алиса Денскомб? А ведь она рассказывала, что какие-то два корабля неосторожно зашли в прибрежные мели, и что едва ли кто-нибудь может спасти их оттуда.

Легкомысленная хохотушка вспомнила вдруг об опасности, грозящей морякам, и ее лицо побледнело, а глаза испуганно остановились на груди ярких лоскутьев. В эту критическую минуту медленно отворилась дверь, и в комнату вошел полковник Говард.

— Прошу вашего извинения, сударыни,—сурово, но вежливо сказал он.—Однако, я думаю, что старику позволительно навещать тех, чьим опекуном он состоит.

Полковник, поклонившись, сел на другой конец той же софы, где лежала мисс Говард, которая поднялась при его входе и продолжала стоять, пока он не опустился на место. Не без самодовольства окинув взглядом комнату, ветеран продолжал:

— В такой обстановке можно, не стыдясь, принимать гостей, и я не понимаю, почему вы так упорно скрываетесь от внешнего мира? Цецилия взглянула на дядю с робким удивлением и ответила:

— Мы очень обязаны вам за вашу заботливость, дядя! Но разве наше затворничество добровольно?

— А то как же! Ведь вы здесь хозяйка. В этом доме нет недостатка ни в чем, необходимом для приема друзей.

ФЕНИМОР КУПЕР

— В таком случае, откройте двери аббатства, и ваша племянница приложит все свои старания, чтобы поддержать ваше достоинство.

— Вот это хорошо сказано!—воскликнул старый воин, незаметно пододвигаясь к своей племяннице.—Я узнаю дочь Гарри Говарда. Бедный Гарри! Если бы он не был моряком, он стоял бы во главе войск и водворял бы порядок в мятежных колониях!

— Нет, нет!—промолвила Катерина тихо и с волнением.—Алиса Денскомб, несомненно, ошиблась. Невозможно допустить, чтобы храбрецы погибли столь жестокой смертью!

— Алиса Денскомб здесь и готова дать ответ, если она впала в ошибку,— спокойно сказал кто-то вполголоса.

Катерина Плоуден поднялась с колен. Мимолетное смущение возвратило ее щекам яркий румянец. Между тем вошедшая Алиса прошла на середину комнаты, вежливо ответила на поклон полковника Говарда и села на диван против него. По тому, как ее встретили, видно было, что она в этом доме свой человек. На вид ей можно было дать немного больше тридцати лет; льняного цвета волосы были обхвачены темной перевязью, как обычно делают шотландские девушки. Ее правильное лицо с голубыми глазами уже утратило свежий румянец молодости, но еще сохраняло прежнюю красоту.

Полковник дождался, пока она садилась на диван, и затем с напускной непринужденностью обратился к Катерине:

— Вам стоило только назвать мисс Алису, и она явилась, готовая защищаться от обвинений мисс Плоуден.

— Я ни в чем не обвиняю мисс Денскомб,—с досадою ответила Катерина,—и я не желаю, чтобы кто-либо, будь то хоть полковник Говард, ссорил меня с моими друзьями.

— Полковник Говард извиняется,—сказал ветеран и, надменно поклонившись, обратился к остальным: — Когда вы вошли, мисс Алиса, я как раз беседовал с моей племянницей о неуместности затворнической жизни, которую она ведет. Мисс Плоуден, позвольте мне, по праву вашего опекуна, осведомиться, для чего лежат здесь в таком изобилии куски шелка?

— Я выбираю себе наряд для костюмированного бала,—ответила Катерина, хитро улыбаясь.—Взгляните, полковник, у вас есть вкус, не будет ли эта желтая накидка составлять великолепное сочетание с моим смуглым лицом? А вот этот розовый цвет будет хорош при моих черных глазах. А все вместе можно превратить в роскошнейшую чалму. Полюбуйтесь!

И шалунья, скомкав наподобие чалмы всю грудку лоскутьев, надела себе на голову этот своеобразный убор. Старый полковник был слишком благовоспитан, чтобы спорить с женщиною об изяществе ее туалета, и, ничего не подозревая, возобновил свой разговор:

— Итак, я сказал, мисс Алиса, что хотя недавние события уменьшили мое состояние, однако, мы не лишены возможности принимать наших друзей.

— Вам стоит только сказать слово, дорогой дядя, и ваше желание будет исполнено,—сказала Цецилия.

— Скажите, чем мы можем угодить вам?—поддержала ее Катерина.— Я обещаю вам свое содействие во всем, что способно разогнать скуку такой жизни.

— Вы радуете меня!—воскликнул полковник.—Ваши слова свидетельствуют о послушании и благовоспитанности! Ну-с, прежде всего пошлем за Диллоном и капитаном и пригласим их сюда пить кофе.

Цецилия в замешательстве опустила глаза и ничего не ответила. Но Катерина тотчас же возразила:

— Нет, сэр, раз вы предоставляете нам сделать первый шаг, то отчего бы не отправиться всем нам на вашу половину?

— Мисс Плоуден,—с неудовольствием ответил полковник,—вы знаете, что я просил вас и мисс Говард не покидать этих комнат, пока некоторые подозрительные корабли продолжают крейсировать у наших берегов.

— Скажите лучше, заперли нас в этих комнатах!

— Я не тюремщик. Мисс Денскомб может сделать весьма неблагоприятные выводы из ваших более чем странных замечаний. Я..

— Вы можете отбросить все опасения,—задумчиво прервала его Алиса,— если эти опасения внушены кораблем и шкуной, появившимися вчера у «Дьявольского Когтя». Лишь немногие могут провести через эти мели даже самый небольшой корабль, и то при дневном свете и попутном ветре. А при темноте и в бурю ничто не может спасти моряков.

— Да, приходится думать, что они погибли,—проговорил полковник, но в его голосе не слышно было радости.

— Они не погибли!—воскликнула Катерина и быстро подошла к своей подруге.—Они сведущие и отважные моряки! Они сделают все, что возможно! К тому же они сыновья угнетенной страны, восставшей против тирании и бесчисленных притеснений!

Самообладание покинуло полковника, лишь только он услышал эти слова.

— Мятежники!—воскликнул он.

— Я не знаю, правы ли вы, называя американцев мятежниками!— сказала мисс Денскомб, желая предупредить резкий ответ Катерины.

ЛОЦМАН

— Вы, полковник Говард, не забыли, конечно,—сказала Катерина, нервно постукивая каблукочком,—что на фрегате находится мальчик, связанный узами родства и с Цецилией и со мною?

— Я жалею мальчика! От всей души жалею его! Его унесло тем потоком, который свирепствует в нашей несчастной колонии. Однако, на этом корабле есть и другие. Есть там сын моего знакомого, Гуго Гриффис; этот Гуго, друг моего покойного брата, умер командиром фрегата. А по какой дороге пошел его сын! Сыновья идут против отцов! Какие-то люди с Вашингтоном во главе разжигают дерзкое восстание.

— Это люди, ни разу не унижившие себя ношением английского мундира,—гордо сказала Катерина.—Они способны померяться силами с британским флотом.

— Я не стану спорить с доводами вашего ложно направленного разума,—ответчал рассерженный полковник.

— Сэр,—холодно заметила Катерина,—если вы затрудняетесь в подборе дальнейших выражений, то пригласите себе на помощь мистера Кристовера Диллона, который, кстати, стоит уже в дверях.

Полковник изумленно оглянулся, забывая свой гнев, и действительно увидел бледное лицо своего родственника, который стоял у порога.

ГЛАВА XI

Мисс Говард, откинувшись головой на ручку дивана, с огорчением следила за ссорой между ее дядей и кузиной. Но когда она увидела вошедшего Диллона, в ней пробудилась вся ее гордость.

Быстро встав с дивана, она холодно спросила:

— Чему мы обязаны неожиданным приходом к нам мистера Диллона? Кажется, ему известно, что нам запрещено посещать ту часть дома, в которой он проживает, и надеюсь, что полковник Говард скажет и ему, чтобы он со своей стороны никогда не беспокоил нас на нашей половине. Это будет только справедливо.

— Мисс возьмет свой упрек назад, когда узнает, что я пришел к ее дядюшке по очень важному делу,—ответчал Диллон с напускным смирением, за которым скрывалась досада.

— Это другое дело. Кит,—сказал полковник.—Но в чем дело?

— Я к вам с поручением от капитана Борроклиффа. Вы помните, сэр, что по вашему желанию кругом аббатства каждую ночь расставляются часовые?

— Ну, да.

— Сэр, ваша мудрая мера предосторожности оказалась очень полезной,—сказал Диллон, входя в комнату.—Сегодня мы уже захватили трех пленников.

— В самом деле! — воскликнула Катерина, бросая на вошедшего презрительный взгляд. — Раз мистер Диллон в таком восторге, то это значит, что мера не только вполне законна, но и очень государственна. Грозный гарнизон „аббатства" одержал славную победу над тремя мошенниками.

Желтое лицо Диллона позеленело от гнева.

— Мера вполне законна,—сказал он,—это верно; верно также и то, что в этом деле найдется занятие и для исполнителя уголовных приговоров, не в обиду будь это сказано мисс Плоуден, потому что государственных преступников ни в одной христианской стране по головке не гладят.

— Государственных преступников!—вскричал полковник.—Неужели эти задержанные имеют связь с американскими бунтовщиками?

— Я не думаю, чтобы на острове затевался мятеж,—с довольно смешной важностью сказал Диллон,—хотя в Лондоне и были кое-какие волнения, так что пришлось временно отменить „хартию вольностей". Но вы сами считали подозрительными те два корабля, которые несколько раз, точно пираты, подходили к нашим берегам.

Катерина с досадой топнула ногой по ковру, но ограничилась только тем, что бросила на говорившего еще один презрительный взгляд. Полковник глубоко заинтересовался и сказал Диллону:

— Вы говорите, как дальновидный человек, мистер Диллон! Относительно же пиратских кораблей я думаю, что они оба погибли. Люди знающие говорят, что из тех утесов, где их видели, ни один корабль, попав туда, выбраться не может. Для этого требуется необыкновенный лоцман, какого у наших неприятелей, наверное, тут нет.

— Неприятели они или друзья, сэр,—продолжал Диллон,—но только я полагаю, что в настоящее время у нас в „аббатстве" содержатся три пленника, которые могут нам об этих кораблях дать подробные сведения. Они все трое одеты моряками, и сейчас видно, что они недавно только высадились на берег.

— Ах, так они моряки!—сказала Катерина, и бледность сменила на ее лице краску гнева.

— Моряки, моряки, мисс Плоуден,—с ударением подтвердил Диллон, скрывая свое злорадство под внешней почтительностью.

— И, конечно, на этот раз не пираты,—сказала, овладев собой, Катерина.—А то ведь мистер Диллон все пугает нас пиратами. У него воображение направлено только в дурную сторону.

— Может-быть, они окажутся и пиратами, мисс Плоуден,—холодно возразил Диллон.—Я пока не высказываю своего мнения. Жду, чем кончится дознание.

— Вернее всего, что это просто какие-нибудь дезертиры с одного из военных кораблей,—сказал полковник,—а быть-может, и просто газетные корреспонденты. Пойдемте, Кит, сейчас...

ФЕНИМОР КУПЕР

— Неужели полковник Говард уже уходит от нас?—сказала Катерина, с самым любезным и льстивым видом подходя к своему опекуну.—Насколько я его знаю, он не способен долго гневаться на меня за наши маленькие ссоры, в которых всегда бывает виновата моя вспыльчивость. Неужели он не останется выпить с нами кофе?

Старик повернулся к ней и, выслушав, добродушно ответил:

— Это верно, плутовочка, что вы меня знаете, а также и мою снисходительность. Но мне теперь не до кофе и не до ваших улыбок. Нужно будет сходить по этому делу.

— Зачем же так торопиться, полковник? Несколько минут можно и подождать. Напьемтесь кофе, а потом и я, может быть, пройду туда с вами и буду слушать, как вы допрашиваете пленников.

Она шаловливо старалась усадить старика на диван. Полковник, наконец, уступил ей.

— Садитесь, Цецилия,—продолжала она.—Полковник согласился выпить у нас чашку кофе.

— А как же быть с тремя арестантами и с капитаном Борроклиффом?— возразил полковник.—Наконец, я не один, со мной здесь Кит...

— Ваш Кит может тоже остаться здесь, если пожелает,—сказала Катерина,—а за капитаном Борроклиффом прикажите послать. Пусть и он пожалует сюда. Как женщина, я очень любопытна и желала бы с ним познакомиться. Что же касается арестантов...—Она замолчала, подумала и вдруг вскричала:—Да ведь и их можно ввести сюда и здесь же допросить. Может-быть, они окажутся вовсе не подозрительными людьми, а, наоборот, заслуживающими сожаления. Может-быть, они с какого-нибудь корабля, разбившегося во время последней бури.

— Я нахожу предположение мисс Плоуден вполне правдоподобным,— вмешалась Алиса Денскомб.—У здешних берегов так часто бывают бури и гибнет так много разных кораблей. Я сама столько раз была свидетельницей таких крушений и помню...

— Крушение здесь терпели по большей части контрабандисты, мисс Алиса,—заметил полковник.

— Не спорю, может-быть, в их числе было и много контрабандистов, но были, несомненно, и добропорядочные люди, к тому же превосходно знавшие здешние места... А все, кто терпит бедствие, достойны сожаления,—возразила Алиса.—Так, по крайней мере, мне кажется.

— Что же, полковник Говард, будем мы допрашивать этих трех моряков или нет?—спросил Диллон, окидывая презрительным взглядом Алису.—Может-быть, с их помощью нам удастся составить карту для здешней бухты и выслужиться перед лордами адмиралтейства.

От этого сарказма мисс Говард вспыхнула и с нескрываемым возмущением ответила Кристоверу:

— Если бы мистер Диллон пожелал сообразоваться с намерениями полковника Говарда, как их передала моя кухня, то мы бы теперь не задерживали без надобности людей, быть-может, ни в чем не повинных, а только попавших в беду.

С этими словами она быстро перешла через всю комнату и села рядом с Алисой Денскомб, заговорив с ней вполголоса.

Диллон смиренно поклонился, задал вопрос полковнику Говарду и, убедившись, что тот согласен допросить пленников в этой комнате, вышел исполнить поручение, втайне радуясь, что затворничеству обеих кузин наступают, повидимому, конец.

— Кристовер очень достойный, добрый и услужливый молодой человек,—сказал после его ухода полковник.—Я надеюсь дожить до того дня, когда он наденет на себя горностаевую мантию. Говорю, конечно, в переносном смысле, потому что в Каролине никто из судей горностаевой мантии фактически не носит, так как для этого чересчур жарко. Как вы думаете, мисс Плоуден, ведь он со временем, несомненно, должен сделаться красой судебного ведомства, не правда ли? Он такой прямой и независимый человек.

— Отвечу вам его же словами, сэр,—сказала Катерина, кусая губы:— надо сперва посмотреть и послушать, и тогда уже судить... Ах, да, вот они уже идут!—прибавила она.—Слышите шаги в коридоре?.. Во всяком случае, он очень энергичен и исполнителен.

Шаги по каменным плитам коридора раздавались все громче и громче. Послышался легкий стук в дверь.

— Войдите!—сказал полковник Говард.

Цецилия и Алиса поглядели на дверь довольно равнодушно, но Катерина устремила на нее взгляд, в котором отразились все волновавшие ее чувства. Впрочем, она ухитрилась сейчас же придать себе обычное веселое и насмешливое выражение и даже стала напевать какую-то игривую песенку.

Первым в комнату вошел Диллон, за ним капитан Борроклифф, постаравшийся скрыть свое нетрезвое состояние под сосредоточенным и задумчивым видом, который обычно был ему вовсе не свойствен. Полковник стал представлять капитана Борроклиффа дамам.

— Мисс Плоуден,—обратился он к Катерине, потому что она сидела ближе,—это мой друг капитан Борроклифф, который давно добивается чести быть вам представленным. Прошу любить и жаловать.

Катерина улыбнулась и ответила тоном, который можно было понимать по-разному:

— Не нахожу слов благодарности капитану за все его заботы об охране двух бедных отшельниц.

— Одной вашей улыбки, мисс, достаточно для того, чтобы вознаградить человека даже и за более серьезную службу,—сказал капитан.

Катерина в ответ поклонилась ему гораздо благосклоннее, чем обычно кланялась тем, кто носил одинаковую

ЛОЦМАН

с ним форму.

Полковник продолжал:

— Представляю вас мисс Алисе Денскомб, капитан! Капитан галантно раскланялся в ответ на учтивый реверанс мисс Денскомб и подошел с полковником к его племяннице.

— Мисс Говард, позвольте вам представить капитана Борроклиффа. Он в наше смутное время взял на себя охрану и защиту „аббатства" и имеет все права на благосклонность хозяйки этого дома.

Цецилия привстала и с обычной своей мягкой приветливостью встретила капитана Борроклиффа.

После этого полковник объявил, что он теперь готов допросить пленников. Моряки вошли в комнату одни, но раздавшийся за дверьми стук ружейных прикладов о пол коридора дал понять, что солдаты оставлены на страже.

ГЛАВА XII

Три вошедших человека, повидимому, нисколько не испугались и не смутились. На них была простая и притом довольно поношенная матросская одежда. По знаку полковника они остановились в углу гостиной, как люди, видавшие всякие виды и побывавшие во всевозможных переделках.

Полковник заговорил с ними.

— Я надеюсь, что вы все трое—честные и верные подданные короля. Но время теперь смутное, и каждый человек, даже вполне солидный, легко может навлечь на себя подозрение. Если мы вас заподозрили неосновательно, то простите нас. У нас имеется основание предполагать, что американцы что-то затевают на этом берегу, потому что здесь недавно видели один их фрегат и одну шкуну.

Пока полковник говорил, три моряка внимательно смотрели на него, а когда он окончил, переглянулись между собой, но не сказали ничего в ответ. Полковник сделал паузу, как бы для того, чтобы его слова могли произвести большее впечатление, потом продолжал:

— У нас нет никаких доказательств того, чтобы вы состояли в связи с врагами, но вас встретили не на большой дороге, а на проселке, вы люди здесь совершенно не известные, и потому самая простая осторожность обязывает нас допросить вас—кто вы такие, из какого порта и куда зафрахтованы.

Глухой и низкий бас дал ответ за всех:

— Из Сэндерленда, а зафрахтованы в Уайтхэвен. Услышав эти слова, Алиса Денскомб вскрикнула в ужасе, вскочила и начала озираться кругом.

— Вы нездоровы, мисс Алиса?—спросила ее Цецилия.—Что с вами? О, конечно, вы нездоровы. Дайте мне вашу руку, я вас отведу в вашу комнату.

— Вы тоже слышали, или это только мое воображение?—воскликнула мисс Денскомб, вся охваченная судорожным трепетом и побледнев.—Скажите, вы тоже его слышали?

— Я слышала только голос моего дяди; вот он тоже к вам подошел, беспокоясь за вас, и мы все встревожены, что с вами такое.

Алиса блуждающими глазами оглядела всех бывших в комнате, не исключая трех неизвестных мужчин, стоявших в конце комнаты и молча наблюдавших эту странную сцену. Наконец, она закрыла глаза обеими руками, потом отняла ладони от глаз и знаком показала Цецилии, что хочет покинуть комнату. Подруги повели ее, и когда они прошли мимо часовых, стоявших в коридоре, она сказала им:

— Это был точно голос из могилы, но возможно, что это мне только так показалось.

— Она бредит,—сказала вполголоса Катерина.—С ней случилось что-нибудь ужасное и расстроило ее рассудок.

---Да, это верно,—сказала Алиса, услышавшая слова подруги.—Слышать звуки этого голоса было для меня ужасно, и рассудок мой вправду расстроился. Но теперь все прошло. Отведите меня в мою комнату и возвращайтесь в гостиную. Мне теперь гораздо лучше, уверяю вас.

— Милая мисс Алиса, вы это говорите из расположения к нам,—возразила Цецилия,—а, судя по вашему виду, вам нисколько не лучше. Вам очень, очень плохо, и я вас ни за что не оставлю.

— Ну, хорошо, оставайтесь вы со мной,—согласилась мисс Денскомб, кидая на Цецилию благодарный взгляд,—а Катерина пусть возвращается в гостиную и угощает горячим кофе полковника и его гостей. Одной подруги мне совершенно достаточно.

Они дошли до комнаты, которую мисс Денскомб занимала в „аббатстве", и Катерина, после того, как помогла Цецилии уложить подругу в кровать, возвратилась в гостиную. При ее входе полковник прекратил начатый допрос пленников и осведомился о здоровье мисс Денскомб. Получив ответ, он продолжал:

— Борроклифф, эти люди говорят, как настоящие brave моряки. Они в Сэндерленде очутились без работы и направляются в Уайтхэвен. В Уайтхэвене у них есть друзья и родные. Все это очень правдоподобно.

— Может-быть. Но мне, полковник, кажется странным, как это такие здоровенные молодцы не могут найти работу. Точно у нас мало кораблей. Их на любой возьмут.

— Ваше замечание совершенно справедливо, капитан! Слушайте, друзья мои, не хотите ли вы пойти

ФЕНИМОР КУПЕР

подражаться с „донами" и с „мусье"²⁴ ? Вот вам и работа. При поступлении каждый получит сейчас же по пяти золотых гиней. Кстати, в небольшой порт в двух милях отсюда вчера вечером вошел куттер „Проворный".

— А этот „Проворный"—хороший корабль? Может-быть, старая, гнилая посудина, на которой для матросов и помещения-то порядочного не найдется?—спросил самым деловым тоном один из моряков.

— „Проворный" считается лучшим куттером во всем флоте.—отвечал Борроклифф.

— Слышите, что говорит капитан?—сказал полковник.—Лучший куттер во флоте! Поступайте. Согласны, что ли?

Катерина, едва дыша, внимательно глядела на пленников. Ей показалось, что они все трое чуть заметно улыбнулись. Однако, больше ничем они не проявили своей веселости, и старший из них снова деловито ответил за всех:

— Извините, сэ,р, но нам не желательно поступить на куттер. Мы привыкли к большим кораблям и к далекому плаванию, а куттер—судно береговое...

— В таком случае отправляйтесь в Ярмут,—сказал полковник.—Там много всяких кораблей, будет из чего выбирать.

— А может-быть, им уже надоела тревожная морская жизнь,—сказал капитан. — Не желают ли они поступить в сухопутную армию? Я бывал на кораблях, знаю. По-моему, лагерь несравненно лучше корабля.

— Это вам с непривычки так кажется, сэ,р,—возразил все тот же моряк,—а нам жизнь на корабле вовсе не представляется трудной. Военного же сухопутного дела мы не знаем совершенно, не умеем даже обращаться с мушкетом.

— О, да! — заметил с задумчивым видом Борроклифф.—Вот оно что! Он быстро подошел к ним большими шагами и вдруг скомандовал:

— Смирно!.. Полоборота на-пра-во!

Говоривший моряк и другой его товарищ только удивленно поглядели на капитана и даже не пошевелились, но другой, стоявший поодаль, невольно вздрогнул, выпрямился и машинально, но очень быстро и ловко, точно на смотру, выполнил команду.

— Очень хорошо, — сказал Борроклифф.—Из вас выйдут толковые рекруты, вас можно будет скоро выучить всему. Полковник Говард,—прибавил он,— я бы желал задержать этих людей до следующего утра, но только их следует поместить поудобнее, а не на голых досках на гауптвахте.

— Как вам угодно, капитан, так и действуйте,—отвечал полковник Говард.—Распорядитесь сами, чтобы их поместили всех троих в большой комнате на южной стороне дома, где находятся помещения для прислуги.

— Я бы желал, полковник, дать им каждому по отдельной комнате.

— Хорошо. У нас много маленьких пустых комнат. Пусть им дадут поужинать, отведут комнаты, внесут туда постели, одеяла. Можете приставить караул, если находите нужным.

— А теперь, по моему, следует их отпустить. Завтра поговорим с ними еще раз, а сейчас займемся кофе. Мисс Плоуден сидит очень озабоченная, и это понятно: ее кофе стынет, а какой же толк в остывшем кофе? Мистер Кристовер Диллон, вы знаете, где эти три комнаты?

— Знаю, сэ,р, и с удовольствием провожу вас туда,—отвечал будущий судья.— Я нахожу, что вы придумали замечательно умно и кстати. Этих людей, действительно, следует задержать. Или я очень ошибаюсь, или— вот вы увидите — их скоро окажется необходимым запереть в Дергэмский замок, а может-быть, и в какую-нибудь другую крепость.

Как подействовали эти слова мистера Диллона на моряков, нельзя было видеть, потому что все трое в это время повернулись и выходили из комнаты, но мисс Катерина Плоуден выслушала их с серьезным и задумчивым видом. Вдали затих шум шагов, и вышедший со всеми вместе полковник вернулся в гостиную один.

Разливая кофе, Катерина поглядывала на полковника. Тот, видимо, о чем-то очень серьезно думал, но на его открытом лице не было заметно ни подозрительности, ни суровости.

— Мне кажется, сэ,р,—сказала она, наконец,— что с этими моряками возьтятся совершенно напрасно. Можно подумать, что у мистера Диллона особая специальность — мучить всех, кто только входит с ним в малейшее соприкосновение.

— При чем тут мистер Диллон? Их задержал капитан Борроклифф.

— Что вы говорите? Вы разве не слышали, как он перебрал все тюрьмы, куда бы их засадить? Знаете, полковник Говард, тут может лопнуть терпение даже у женщины. Это дело создаст для „аббатства" особую репутацию. Его до сих пор называли то „аббатством", то „замком", даже „дворцом", а скоро, пожалуй, будут называть „тюрьмой". Дайте на один месяц полную волю мистеру Кристоверу Диллону, и вы увидите, что наш дом все начнут считать тюрьмой.

— Кит не имеет счастья пользоваться расположением мисс Плоуден, а между тем он очень достойный

²⁴ С испанцами и французами.

ЛОЦМАН

молодой человек. Его мать приходилась мне двоюродной сестрой, и я надеюсь, что он со временем сделается преемником полковника Говарда.

— Вот это самое я и хотела сказать, дорогой опекун! Говарду совсем не к лицу роль тюремщика!

Полковник встал и вышел из комнаты.

Катерина постояла с минуту на месте, приложила к губам палец, потом с лукавой улыбкой тряхнула головой и принялась собирать со стола чашки.

— Я непременно должна узнать, кто такие эти таинственные моряки,— говорила она вслух сама с собой.— Если из-под черного парика одного из них сверкали не глаза Эдуарда Гриффиса, то я, значит, совсем не физиономистка. Но под какой же маской скрыл свое хорошенькое лицо мистер Барнстэбл? Не может быть, чтобы он был одним из тех двух... Пойду к Цецилии.

С этими словами она вышла из гостиной и быстро побежала по многочисленным извилистым коридорам, которые вели во внутренние комнаты „аббатства“.

ГЛАВА XIII

К тому времени, когда трех моряков развели по разным комнатам и приставили к ним караул, наступила ночь, и полковник Говард послал сказать Борроклиффу, чтобы он приходил провести с ним вечер, но уже не за кофе и чаем, а опять за мадерой. Это приглашение пришлось капитану особенно по душе. Он не замедлил явиться, и когда часы в „аббатстве“ пробили полночь, приятели все еще не расходились.

Кристовер Диллон, между тем, куда-то скрылся. Один из лакеев рассказал, что мистер Диллон уехал куда-то верхом, должно-быть, для того, чтобы принять участие в охоте, которая назначена была на следующее утро в одном из ближних поместий.

Когда в „аббатстве“ все легли спать, и слышен был только ветер, да взрывы смеха,— смеялись то полковник, то капитан, то оба вместе,— в той части дома, которую называли монастырем, тихонько отворилась дверь одной из спален и оттуда вышла Катерина Плоуден в длинной мантилье с ночной лампочкой в руке. Лампочка светила только с одной стороны, оставляя другую в темноте. За Катериной шли две другие женщины. Когда все они вышли в коридор, Катерина тщательно заперла дверь и пошла впереди подруг.

— Тсс!— сказала тихим, дрожащим голосом Цецилия.— На той стороне дома еще не спят. Если ваши подозрения справедливы, то мы своим посещением им только повредим, даже можем погубить их.

— Разве редко полковник Говард хохочет в застольной беседе со своим приятелем?— возразила Катерина.— И разве в таких случаях он бывает способен что-нибудь видеть или слышать? Идите за мной. Я знаю, что говорю. Мои подозрения вполне основательны. Если мы не поможем пленникам, они все равно погибнут.

Катерина снова пошла вперед. Пройдя коридор, три подруги стали спускаться по винтовой лестнице и вышли из дома на небольшую лужайку между домом и садом. Лужайку они быстро прошли, пряча лампочки под мантильями и закрывая лица от резкого морского ветра.

Вскоре они добрались до большой крайней пристройки к главному зданию и вошли в нее через дверь, которая была оставлена незакрытой.

— Хлоя отлично исполнила мое приказание,— сказала Катерина.— Вся прислуга теперь спит, следовательно, нам никто не помешает.

Нужно было пройти через переднюю, в которой крепко спал старик -негр в двух шагах от звонка. Затем они прошли через целый лабиринт коридоров, поднялись по другой лестнице и очутились в длинном и узком коридоре, в который выходили двери тех комнат, где были заперты пленники.

Катерина, шедшая все время впереди, вдруг обернулась к своим подругам и сказала:

— Неудача. Часовой стоит в коридере, а не под окнами, как я думала.

— Дальше, значит, нельзя идти,— сказала Цецилия.— Я имею на дядю влияние и завтра уговорю его, чтобы он их всех отпустил.

— Завтра будет уже поздно,— возразила Катерина.— Я видела, как этот воплощенный дьявол Кит Диллон уехал верхом, якобы на завтрашнюю охоту, но по выражению его глаз догадалась, что он задумал какую-то пакость. Если Гриффис останется в этих стенах до завтра, ему эшафота не миновать.

— Будем действовать, рассчитывая на счастливый случай,— сказала Алиса.— Подойдемте к часовому.

Едва успели они ступить несколько шагов дальше, как раздался оклик:

— Кто идет?

— Нельзя больше колебаться,— быстро прошептала Катерина и прибавила вслух:— Мы здешние хозяйки и смотрим, все ли у нас в порядке. Но мы никак не ожидали встретить здесь вооруженных часовых. Что это значит?

— Мне велено караулить вот эти три комнаты,— почтительно отвечал солдат,— в них заперты три арестанта. Впрочем, я и мои товарищи к вашим услугам.

— Арестанты?— переспросила, как бы удивившись, Катерина.— Что это капитану Борроклиффу вздумалось сделать из нашего дома тюрьму? За что эти люди арестованы? Что они сделали?

— Не знаю, сударыня, но, кажется, они дезертиры из военного флота.

ФЕНИМОР КУПЕР

— Странно! Почему же их не отправили в казенную тюрьму?

— Это дело надобно хорошенько расследовать,— сказала Цецилия, откидывая мантилью и открывая большую часть своего лица.— Как хозяйка этого дома, я имею право знать, что происходит в его стенах, и потому прошу вас открыть мне двери этих комнат. Кстати, и ключи от них висят у вас на поясе.

Солдат находился в нерешительности. На него подействовал властный тон Цецилии. Он не знал, как ему быть. Вдруг его осенила счастливая мысль. Он нашел выход.

— Вот вам ключи, сударыня, - сказал он. - Мне приказано наблюдать, чтобы арестанты не выходили из комнат, но не запрещено к ним впускать других. Я только прошу вас не оставаться там слишком долго и не подводить меня.

Цецилия взяла ключи и хотела уже один из них вставить в замок первой двери, но Алиса Денскомб остановила ее руку и в свою очередь заговорила с солдатом:

— Вы, кажется, сказали, что их тут трое? Какие они собою? Расскажите.

— В третьей комнате, отсюда подалее, заперт крепкий, коренастый мужчина, лет тридцати, похожий на военного. Наш капитан подозревает, что он служил прежде на военной службе. Мне велено за ним особенно наблюдать. В средней комнате заперт молодой человек. Его особенно жаль, когда вспомнишь, какая участь их всех ожидает. А вот в этой комнате сидит человек поменьше ростом и постарше летами и такой спокойный, невозмутимый, что скорее похож на проповедника, чем на матроса или солдата.

Алиса провела рукой по глазам и снова обратилась к часовому:

— Может-быть, от них мы скорее добьемся кротостью того, чего не удалось добиться угрозою. Вот вам гиней. Отойдите на другой конец коридора, оттуда вы одинаково можете наблюдать за всеми этими дверями, а мы постараемся выведать у них, кто они такие.

Часовой взял деньги, нерешительно поглядел кругом и, сообразив, что пленники могут убежать только одним ходом—через лестницу, отошел в тот конец коридора, где находилась лестница. Дождавшись его ухода, Алиса, покраснев, обратилась к подругам:

— Я не стану от вас скрывать,— сказала она,— что в этой комнате я ожидаю встретить человека, голос которого я слышала вечером и подумала, что со мной просто галлюцинация. Я считала его умершим.

— Входите, входите,—сказала Катерина.— А мы пока посмотрим, кто заперт в средней комнате.

Мисс Денскомб отперла дверь, попросила подруг стукнуть ей, когда они будут уходить, и вошла в комнату.

Две кузины подошли к соседней двери, отперли ее и вошли к узнику.

Катерина Плууден заранее собрала справки о том, как помещены арестанты в отведенных им комнатах. Она знала, что кроватей им не дали, а дали только каждому по два одеяла—одно подостлать на пол, а другим укрыться.

Кузины увидели молодого моряка, который крепко спал на полу, завернувшись в одеяло. Они подошли к нему робкими, тихими шагами и не разбудили его. Голова узника покоилась на руке, которая, в свою очередь, была положена на обрубок дерева, служивший вместо подушки. Он спал крепко, но тревожным и беспокойным сном. Дышал он тяжело и по временам что-то бормотал во сне.

До сих пор Цецилия Говард шла своей кузины, но тут выступила вперед, наклонила лампочку к самому лицу спящего и внимательно разглядела его

— Неужели я ошиблась?— тихо спросила мисс Плууден.

— Нет нет!—проговорила Цецилия с невольной дрожью, когда убедилась, что перед ней действительно Гриффис. - Да, Катерина, это он. Какое безумие было сюда явиться! Нужно его разбудить и помочь ему убежать во что бы то ни стало.

— Так что же, Цецилия? Буди его!

— Гриффис! Эдуард Гриффис!

— Да разве он от этого проснется? Он привык спать под рев волн и завывание ветра, ему надо крикнуть громче. Потяни его за руку.

— Гриффис!—повторила Цецилия, дотрагиваясь до рукава молодого моряка.

Тот вздрогнул и вскочил, выгнув вперед обе руки. В одной был пистолет, в другой кинжал, ярко сверкавший при свете двух ночников. Стоя в этой угрожающей позе, он закричал:

— Прочь! Я живой не сдамся!

Цецилия испугалась и попятилась назад, потом сбросила с себя мантилью и сказала, ласково глядя на молодого человека:

— Это я, Эдуард,—Цецилия Говард. Я пришла вас спасти. Вас узнали, несмотря на ваше искусное переодевание.

Кинжал и пистолет опустились. Глаза моряка засияли радостью.

— Наконец-то мне посчастливилось! — воскликнул он. — Как вы добры, Цецилия! Я даже не стою... Это больше, чем я ожидал.. Но вы не одна?

— Со мной Катерина, моя кузина. Ее-то зоркие глаза и узнали вас. Она пожелала непременно пойти со мной и помочь мне во всем. Какое безумие, Гриффис, испытывать так судьбу!

— Да ведь не без удачи. Мисс Плууден, оправдайте меня, скажите словечко в мою защиту.

ЛОЦМАН

— К вашим услугам, мистер Гриффис,—ответила Катерина с заметным неудовольствием.—Я вижу, что ученый мистер Барнстэбль не только сам разобрал мои иероглифы, но и счел своим долгом показать их всем желающим.

— Вы несправедливы к нам обоим, мисс Плоуден! Разве он не был обязан объяснить мне план, в котором мне отводилась роль?

— Но почему же герой „Ариеля“ не участвует сам в деле, в котором лично заинтересован? Или он имеет привычку довольствоваться вторыми ролями?

— О, нет, мисс Катерина! Но ведь у нас есть служебные обязанности.

— Так возвращайтесь скорее на ваш корабль,—сказала Цецилия,— пока можно, и когда Америка освободится от притеснений, я надеюсь, что и я, и Катерина тоже вернемся на родину.

— Мисс Говард, Англия сильна, бороться с ней трудно, и потому это время еще не скоро наступит. Конечно, мы в конце концов добьемся своего, но в один день этого не сделаешь. Заставляя меня ждать, вы отнимаете у меня всякую надежду.

— Помните о деле и оставьте на время заботу о личном счастье. Пользуйтесь минутой, возвращайтесь на корабль и бросьте безумную затею. Забудьте на время ту, ради которой вы ее придумали.

— Вот уж этого, Цецилия, я от вас никак не ожидал. Хотя я и попал сюда скорее случайно, чем по заранее составленному плану, но на фрегат я вернусь только с вами.

— Если вы на это надеялись, то упрекать меня вы все-таки не имеете права. Я не давала вам никакого повода думать, что я соглашусь бросить своего дядю.

— Мисс Говард, не прогневайтесь, если я напомню, что одно время вы сами выражали намерение доверить мне свою особу и свое счастье. Значит, вы не считали меня недостойным такой чести.

— Мое мнение о вас не переменилось и теперь, мистер Гриффис, но относительно своего намерения я одумалась и нахожу, что оно было несвоевременным и опрометчивым.

— Но скажите, пожалуйста, Цецилия, что вас заставляет оставаться при дяде? Ведь вам тяжело жить с ним. У вас с ним на все совершенно разные взгляды.

— Я не могу бросить его одного в чужой стороне.

— Тс! Кто-то идет по коридору,—прошептала Катерина. По коридору, действительно, раздавались шаги двух разговаривающих людей. Прежде чем кухни успели придумать, что им делать, разговаривающие остановились у двери в комнату Гриффиса.

— Да, Питерс, у него, положительно, важная выправка,—говорил один из пришедших.—Из него выйдет превосходный солдат. Отвори-ка мне эту дверь.

— Тут не он помещается, господин капитан, а другой,—отвечал встревоженный часовой.—Тот в последней комнате, на другом конце коридора...

— Откуда это тебе известно, дурак? Бери ключ и отпирай мне дверь. Не все ли равно, кто в этой комнате? Может быть, я желаю проверить всех трех.

Последовало молчание. Часовой был в затруднении. Он струсил. Наконец, послышался его голос:

— Я полагал, господин капитан, что вы желаете поговорить с тем, на котором черный галстук, и взял ключ от его комнаты, а остальные два ключа оставил на полу в коридоре, но я могу...

— Что? Часовой должен постоянно иметь при себе все ключи, а не класть их на пол! Ну, ступай и отвори мне комнату того, который так хорошо делает полоборота направо.

Сердце Катерины забилося, и она сказала кухне:

— Это Борроклифф. Он сильно выпил и не видит, что из двери торчит ключ. Но что же нам делать?

— Как только настанет утро,—торопливо сказала Гриффису Цецилия,—я к вам пришлю мою горничную, как-будто для того, чтобы передать вам пищу.

— Не рискуйте ради меня ничем,—возразил Гриффис.—Я уверен, что нас завтра отпустят, а если нет, то Барнстэбль недалеко, и он располагает достаточными силами для нашего освобождения.

— Ах, опять будет литься кровь!—сказала Цецилия.

— Тише!—вскричала Катерина.—Сюда идут, я слышу шаги.

В замке осторожно повернули ключ. Тихо отворилась дверь, и в нее просунулась голова.

— Капитан Борроклифф делает обходы, — сказал солдат,—я даже за пятьдесят гиней не могу оставить вас здесь больше ни на одну минуту.

— Одно только слово!—сказала Цецилия.

— Ни полслова! Леди, которая ходила в соседнюю комнату, уже дожидается вас. Уходите и возвращайтесь поскорее туда, откуда вы пришли. Пожалейте меня, не губите!

Уходя из комнаты, Цецилия нарочно громко сказала Гриффису:

— Молодой человек, я вам пришлю пищу завтра рано утром и вместе с тем дам вам знать, как лучше поступить, чтобы оправдать себя.

В коридоре обе кухни встретили Алису Денскомб, которая их ждала. Лицо ее было закрыто мантильей, но вздохи, которые она не в силах была сдерживать, показывали, как сильно она была взволнована своим свиданием.

ФЕНИМОР КУПЕР

ГЛАВА XIV

Войдя ко второму пленнику, Алиса Денскомб нашла его неспящим. Он сидел на старом стуле, каких в комнате было два или три, спиной к двери и глядел в окно. Увидев Алису, он сейчас же встал.

— Я ждал вашего посещения. Как только я убедился, что вы узнали мой голос, я понял, что Алиса Денскомб меня не выдаст.

Алиса опустила на стул, с которого только-что встал узник, и несколько мгновений старалась притти в себя.

— Так это не игра моего воображения!—сказала она, наконец.— Голос был действительно ваш! Зачем вы сюда явились, пренебрегая законами родины?

— Это жестокие слова, Алиса! Было время, когда я мог рассчитывать на иной прием.

— Не отрицаю, да. Было время,—я поддалась своей слабости, доверилась вам.

— Не будем отравлять наше недолгое свидание упреками, Алиса! Нам многое нужно сказать друг другу. Жива ли еще ваша мать?

— Нет. Я одинока!—отвечала Алиса и закрыла обеими руками свое бледное лицо.—Тот, кто должен был бы заменить мне и отца, и мать, был недостоин моего доверия.

Моряк быстрыми, большими шагами прошелся по комнате.

— Я бы многое мог привести в свое оправдание,—сказал он наконец,—многое, чего вы не знаете. Я покинул эту страну потому, что встретил в ней только одни притеснения и несправедливости. Связывать же вашу судьбу с судьбой безродного и бездомного беглеца не считал возможным. Теперь обстоятельства переменялись, и я могу вам доказать, что я ничуть не обманщик. Вы одиноки? Не будьте больше одиноки. Вы увидите, что вы не ошиблись, когда рассчитывали, что я заменю вам отца и мать.

Алиса значительно смягчила тон, хотя слова ее оставались еще холодными.

— Ваша собственная жизнь висит на волоске! Куда же вы меня поведете с собою? В Тоуэр?

— Не думайте, что я рискнул на такое дело, не приняв мер предосторожности. У меня под рукой отряд храбрецов, которые ждут только сигнала, чтобы раздавить ничтожные силы этого офицеришки.

— Так вот кто провел в бурю между утесами два неприятельских корабля! Я догадываюсь. Лоцманом были вы.

— Да.

— Джон! Вы несете смерть и разрушение тем, среди которых я родилась и живу.

— Ни с чьей головы здесь не упадет ни одного волоса, не загорится ни одной соломинки на крышах. Все здесь могут спать спокойно. И это только из любви к вам, Алиса! Хотя войну начала сама Англия, но у меня сейчас другая цель.

— Ради которой вы, очертя голову, забрались в такое место, из которого вас никто не вытащит, хотя вы и хвалитесь каким-то отрядом храбрецов? Мне стоит только сказать одно слово, стоит только назвать ваше имя,—оно промчится всюду, как эхо,—и все здешнее население возьмется за оружие, чтобы наказать вас за вашу дерзость...

— Обо мне уже все знают, эхо уже повторило мое имя, и все здешнее население пришло в смущение и страх. Подлецы и трусы попрятались от человека, который был жертвой их же неправосудия. Я гордо поднял знамя новой республики в самом виду трех королевств, и ни сила их, ни их старая опытность не смогли заставить меня его опустить.

— Не хвастайтесь временным успехом!

Лоцман, до сих пор все еще шагавший взад и вперед по комнате, быстро обернулся, посмотрел на лицо Алисы и сказал мягким тоном, с видом человека, уверенного в своей полнейшей безопасности:

— Если бы я даже и поверил в осуществимость высказанной вами угрозы, я бы все-таки не испугался. Я же вам говорю, что мне стоит только подать сигнал, и сюда явится достаточная сила для того, чтобы рассеять всех этих здешних несчастных солдат, как ветер рассеивает сухие листья.

— Хорошо ли вы рассчитали, Джон?—спросила Алиса, невольно обнаруживая тревогу за его безопасность.—Знаете ли вы, что мистер Диллон, по всей вероятности, явится сюда утром с отрядом кавалерии? В „аббатстве" всем известно, что он поехал за подкреплениями.

— Диллон!—воскликнул, вздрогнув, лоцман.—Кто он такой? И почему ему вдруг вздумалось поехать за подкреплением?

— Хотя он и родился в колониях, но не принимает участия в восстании.

— Американец—и враг человеческой вольности? Ну, пусть он мне не попадается на дороге. Я с ним поступлю, как с изменником. Вернемся, однако, к делу. У меня есть все средства вырваться отсюда, но ради вас я бы очень желал избежать кровопролития.

— Завтра утром вас всех троих приведут для нового допроса в известную уже вам гостиную. Часовые останутся у дверей, а мы сделаем так, что вы пройдете через внутренние комнаты занимаемого нами флигеля. Когда вы будете проходить нижним этажом, вы сможете выпрыгнуть в окно и убежать в лес. Мисс Говард устроит все это.

ЛОЦМАН

— А если этот ваш Диллон догадается об истине, как вы тогда оправдаете в его глазах свое содействие нашему бегству?

— Я не думаю, чтобы он имел подозрение относительно вас, хотя возможно, что одного из ваших товарищей он узнал. Им руководит личный мотив, а не общая польза.

— Я так и думал,—улыбнулся лоцман.—Этот Гриффис, безрассудная голова, совлек меня только с прямой дороги, так пусть же его возлюбленная слегка поплатится за это и подвергнется некоторому риску. Но вы, Алиса, здесь только гостя и не должны вмешиваться в это опасное дело. Ведь если узнают, что здесь был я, то поднимется такой шум, что от взбешенных министров достанется, пожалуй, и полковнику Говарду, и этому подлецу—американцу Диллону.

— Я не решусь доверить это дело одной моей юной приятельнице,— задумчиво проговорила Алиса.

— Подумайте: для нее может послужить оправданием ее привязанность к Гриффису, а у вас разве хватит духа признаться открыто в остатке чувства к человеку, имя которого поносится здесь на каждом шагу?

— Такого признания делать не придется, даже если бы были какие-нибудь остатки чувства.—Бледные щеки Алисы слегка вспыхнули, но сейчас же побледнели опять.—Джон, у меня могут отнять только жизнь, а я с радостью готова пожертвовать ею ради вас.

Лоцман был растроган этим признанием.

В эту минуту часовой постучал в дверь и вошел, не дожидаясь ответа. Он решительно потребовал немедленного прекращения свидания и не хотел никаких возражений слушать. Алиса встала со стула и медленно пошла за часовым, а лоцман тихо дотронулся до ее руки и шепнул ей на ухо:

— Алиса, увидимся ли мы завтра, прежде, чем я навсегда покину этот остров?

— Увидимся завтра утром, Джон; в гостиной у мисс Говард,—отвечала ему шопотом Алиса.

Лоцман выпустил ее руку. Алиса вышла из комнаты. Нетерпеливый часовой сейчас же запер дверь, повернув два раза ключ в замке. Пленник прислушивался к их шагам, а когда шаги затихли, начал шагать по комнате из угла в угол, по временам останавливаясь и глядя в окно на облака, которые ветер бешено гнал по небу, нагибая к земле гордые вершины дубов. Через несколько минут он овладел собою и сел на стул, на котором перед тем сидела Алиса, раздумывая о всем том, что происходило, и строя широкие планы, всегда легко зарождавшиеся в его предприимчивом уме.

ГЛАВА XV

Когда часовой ввел капитана Борроклиффа в комнату третьего пленника и затворил за ним дверь, капитан, пошатываясь, услышал в углу звуки, показавшиеся его нетрезвому мозгу очень странными. Все же он, постояв немного, быстро направился к человеку, которого желал увидеть.

Этот человек был не кто иной, как капитан Мануэль. Он сидел на одеяле, сняв с себя матросскую куртку, хотя было очень холодно и ветрено. Одной рукой он то-и-дело вытирал вспотевший лоб, а другой машинально и судорожно сжимал себе по временам горло. Вообще он имел довольно печальный вид. Когда он услышал, что кто-то вошел в комнату, то вздрогнул, но не переменил позы.

— Здравствуйте, товарищ!—сказал, пошатнувшись, Борроклифф и без церемонии сел рядом с пленником.— Будет вам упорно хранить свое „инкогнито". Скажите, вы служили когда-нибудь в морской пехоте?

— Не скрою, я служил два года на корабле, но был взят туда из...

К счастью, Борроклифф перебил его и помешал ему проговориться.

— Из сухопутной армии,—договорил за него капитан.— Я так и думал. Я тоже служил одно время на корабле в эскадре лорда Гоу, но вспоминаю об этом без всякого удовольствия. На послеобеденном ученье палуба казалась нам всегда особенно скользкой: вы ведь и сами знаете, что в это время дня требуется особенно твердая почва для того, чтобы твердо стоять на ногах. Но сухая ложка рот дерет. Скучно так беседовать. В одном кармане у меня бутылка с превосходной мадерой, а в другой два стаканчика. Не в службу, а в дружбу: потрудитесь порыться у меня в задних карманах, а то я, знаете, терпеть не могу сам засовывать руки себе за фалды. Такое неловкое и некрасивое движение!

Мануэль не знал, что и думать о поведении Борроклиффа, но все-таки проворно слазил к нему в карманы и вытащил из них бутылку и стаканы. Борроклифф очень ловко вытащил пробку из бутылки зубами, налил вина и подал стакан собеседнику. Во все время этой важной операции не было произнесено ни одного слова. Оба залпом опорожнили стаканы и оба от удовольствия громко прищелкнули языком, точно выстрелили каждый из пистолета, как два дуэлиста. Затем Борроклифф заговорил опять:

— Люблю, когда бутылка покрыта песком и паутиной, это всегда верный признак, что содержимое великолепно. Такая жидкость, как эта, никогда не задерживается в желудке: она идет прямо в сердце и моментально превращается в кровь. Но скажите, вам не странно, что я вас так сразу узнал? Солдат солдата видит издали. Я вас узнал с первого взгляда, но нужно было сделать удовольствие старому полковнику, живущему в этом доме, и учинить вам подобие допроса. К этому меня обязывало уважение к возрасту и чину, но вас я узнал сразу. Я вас уже видел раньше.

ФЕНИМОР КУПЕР

Теория капитана Борроклиффа о моментальной превращаемости вина в кровь как нельзя лучше оправдалась на капитане Мануэле. По мере того, как опораживалась бутылка, лоб Мануэля потел все меньше и меньше, рука перестала подниматься к хорошо промоченному горлу, а горло перестало издавать те странные звуки, которые так удивили Борроклиффа при его входе.

— Может-быть, мы где-нибудь и встречались,—сказал Мануэль,—потому что я уже довольно давно на службе, но только я никак не могу припомнить, где я вас видел. Вы в плену ни разу не были?

— Нет... Если не считать, что я был в числе войск, сдавшихся на капитуляцию с Бергойном во главе. Но это мы оставим... Вы спрашиваете, где я вас видел? В казармах, на смотру, в походе, в сражении— везде. Только в гостиную вас не видал—до вчерашнего дня. А вчера видел и в гостиную.

— Как же моя фамилия?—уже с тревогой спросил Мануэль.

— Если не ошибаюсь—Фегльмен.

— А вот и не так!—воскликнул обрадованный капитан.

— Не радуйтесь,—сказал внушительно Борроклифф.—Да, наконец, что такое фамилия? Пустой звук, не больше. Называйся, как хочешь, я все равно тебя знаю. Ты солдат. Это написано у тебя на лбу, сказывается во всей твоей выправке.

— Я, собственно, не знаю, капитан Борроклифф, зачем вы меня посетили. Что вам угодно от меня?

— А вот допьем эту бутылочку, тогда я вам объясню весь мой план кампании.

Мануэль внимательно поглядел в лицо своему собутыльнику, но не прочитал на нем ничего, кроме некоторого самолюбивого лукавства и начинающегося хмельного отупения. Успокоившись, он выпил с ним еще стакан, после чего Борроклифф продолжал:

— Вы солдат, и я солдат. Что вы солдат, это сейчас же скажет и мой сержант, потому что он бывал в походах и понюхал пороху. Но для того, чтобы открыть в человеке офицера, нужен и глаз непременно офицерский. Солдат не носит такого белья, какое на вас. Кстати, и одеты вы не по сезону. Солдат не станет носить бархатного воротничка, застегнутого на серебряную пряжку. У солдата от волос никогда духами не пахнет. Одним словом, вы не простой солдат, а офицер.

— Сознаюсь. У меня капитанский чин, и я прошу, чтобы со мной обращались по чину.

— Помилуйте, я вас и то угощаю, как генерала: смотрите какое вино! Впрочем, как вам угодно. Ну-с, а когда офицеры пускаются в путешествие по здешнему острову, одевшись в матросские куртки, это значит, что тут что-нибудь не просто. Ну, что, разве я не прав?

— Продолжайте,—сказал Мануэль, внимательно прислушиваясь и тревожась, не узнали ли в нем американца.

— Марш вперед! Это по-английски. Итак, вся тайна здесь может быть только в вине и женщинах. В матросской куртке и в вымазанных дегтем штанах за вином не ходят. Вы меня извините, но кто же человеку, одетому в такой костюм, какой на вас, поднесет хорошего вина? Самое большее, если ему поднесут рюмку голландской можжевелевой водки.

— А вот меня и в таком костюме один человек угостил превосходнейшей мадерой, лучше которой не бывает.

— Это случайность. В действительности же вино следует отбросить. Дело, очевидно, не в нем. Дело в женщине. Ради женщины устроили вы над собой маскарад. Это очевидно. Верно ли я говорю, товарищ? Угадал ли я?

Мануэль убедился, что его не только не узнали, но даже и не заподозрили. Бросив на собутыльника лукавый взгляд, он проговорил сокрушенно:

— Ох, эти женщины! Во многом они бывают виноваты!

— Я так и знал!—воскликнул Борроклифф.—Скажите же, дело идет о свадьбе, или только одни амуры?

— Об очень почтенной свадьбе,—сказал Мануэль таким серьезным тоном, как-будто он и впрямь уже чувствовал на себе тяжесть брачного венца.

— Об очень почтенной? Значит, и деньги есть?

— Как же не быть деньгам?—возразил Мануэль.—Неужели порядочный солдат откажется от своей свободы, если цепи будут не из золота?

— Верно. Таково военное правило. Молодчина вы у меня, земноводный человек! Но передевание-то ваше к чему же?

— Передевание к чему?—повторил холодным тоном Мануэль.—Да разве настоящий роман обходится когда-нибудь без передевания? Может быть, это только у вас в полку...

— Допустим... А скажите, у вашей влюбленной, вероятно, особенная склонность к запаху дегтя? Потому, должно-быть, вы и вырядились матросом?

— Вовсе нет, но она меня любит, и ей решительно все равно, во что бы я ни оделся.

— О, да! Слушайте и отвечайте мне, только будьте правдивы, не запирайтесь. Вы влюблены?

— Есть тот грех,—отвечал Мануэль, чувствуя, что это самый лучший путь.

— Влюбленная ваша согласна. Деньги есть. Но старшие говорят: стоп!

— Я немой.

ЛОЦМАН

— Это очень умно. Вы говорите себе: „Вперед!“—и направляетесь за ней водным путем.

— Если водным путем я не выберусь, то я пропал,— вздохнул Мануэль.

— Продолжайте быть немым. Вам, собственно, нечего мне рассказывать, я и так все вижу, все ваши тайны постиг. Ваши спутники люди наемные. Может-быть, они даже ваши товарищи по службе.

— Один мне товарищ, а другой служит у нас лоцманом,— отвечал Мануэль и на этот раз сказал правду.

— Вы все отлично придумали. Еще одно слово—и я в свою очередь делаюсь немым. Искомый предмет здесь в доме живет или нет?

— Не здесь, но отсюда недалеко, и я был бы очень рад, если бы мне удалось...

— Сделать полный оборот направо и увидеть его? Слушайте меня, и вы всего достигнете. Ноги у вас крепкие, а это в данный момент важнее всего. Откройте это окно и прыгайте.

Мануэль подбежал к окну, но сейчас же повернулся с недовольным видом.

— Отсюда прыгать? Да ведь это верная смерть,— сказал он.— Тут сам черт шею сломает.

— Я то же самое нахожу,— сухим тоном заметил Борроклифф.— Но вы все-таки должны решиться улететь через это окно на крыльях любви.

— Но ведь это же невозможно!

— Возможно—в воображении. Ваше появление здесь возбудило все умы, породило всевозможные басни. Здесь в доме считают вас американскими бунтовщиками. Но ведь мы-то с вами отлично знаем, что бунтовщикам сюда не добраться, что у них и у себя дома довольно дела. Вам хотелось бы продолжать свой любовный поход, а мне хотелось бы выручить товарища из затруднения. Пусть думают, что вы убежали через это окно—все равно каким способом, а на самом деле вы преспокойно пройдете вместе со мной мимо часового на собственных ногах.

Это превзошло все ожидания Мануэля. Он поспешил одеться и приготовился к выходу. Борроклифф с грехом пополам встал, отворил дверь и вместе с пленниками вышел в коридор.

— Кто идет?—сейчас же окликнул часовой, удвоивший теперь свою бдительность, как бы для того, чтобы загладить свою прежнюю слабость.

— Идите прямо, пусть он вас видит,—сказал совершенно спокойно Борроклифф.

— Кто идет?—повторил часовой и громко, на весь коридор стукнул прикладом об пол.

— Делайте, как я,—сказал Борроклифф,—идите зигзагами, чтобы он промахнулся, если вздумает стрелять.

— Уж нарвемся мы на пулю с этими глупостями, тем и кончим,— пробормотал Мануэль.— Мы—друзья,— крикнул он часовому,—с нами ваш офицер.

— Пойдите-ка, друг!—отозвался часовой.— Пусть выйдет вперед офицер и скажет пароль.

— Вперед! Это легче сказать, чем сделать,— пробормотал в свою очередь Борроклифф, шатаясь на ногах.— Вот что, земноводный товарищ, у вас ноги крепкие; становитесь в авангард и говорите ему пароль: „Верность присяге!“ Этот пароль принят здесь в доме на каждый день, и придумал его старый полковник, наш хозяин. Что же вы стоите? Двигайтесь!

Мануэль ступил шага два вперед, но вдруг остановился и обернулся к офицеру.

— А как же мой товарищи? Без них у меня ничего не выйдет.

— Ах, да! Ключи торчат в дверях их комнат. Питерс не хотел больше заставлять меня ждать. Входите к вашим товарищам и освобождайте их.

Борроклифф не успел договорить, как Мануэль был уже у Гриффиса. В два слова сообщил он Эдуарду, в чем дело, и вышел с ним вместе в коридор, а потом прошел в комнату лоцмана.

— Идите за мной,—сказал он,—молчите, как всегда, и доверьтесь мне. Лоцман молча встал и с изумительным хладнокровием пошел с ним, не задав никакого вопроса.

— Я готов,—сказал Мануэль Борроклиффу. Все это время капитан и часовой стояли друг против друга и молчали. Капитан велел Мануэлю выступить вперед и сказать пароль.

— Верность присяге!—объявил Мануэль.

Но солдат успел за это время кое-что сообразить. Он видел, в каком состоянии находятся ноги и голова офицера, и не решился пропустить пленников. Однако, он им сказал:

— Подойдите!

Когда они приблизились, он загородил им дорогу ружьем и обратился к Борроклиффу:

— Хоть они и сказали пароль, господин капитан, а я все-таки не решаюсь их пропустить.

— Почему, дурак? Разве я не здесь? Или ты меня не знаешь?

— Извините, господин капитан, я вас знаю и уважаю, но мне строго-на-строго было приказано не выпускать пленников ни в каком случае и ни под каким видом. Без разводящего я их не пропущу.

— Молодец! Службу у меня хорошо знаешь,—сказал Борроклифф, засмеявшись довольным смехом.— Скажите, земноводный коллега, так же ли хорошо выучены у вас ваши матросы?

— Это еще что за шутки?—спросил, хмуря брови, лоцман.

— Поверьте, что у нас дисциплина не слабее вашей,—засмеялся в тон Борроклиффу Мануэль.— Но раз часовой не хочет вас признавать, а требует разводящего, так пошлите за разводящим, и тогда он нас отпустит.

— Вы опять говорите так, как-будто у вас в горле что-то стоит,—сказал Борроклифф.— Вам не мешало бы

ФЕНИМОР КУПЕР

пропустить еще одну бутылочку живительной влаги... Питерс, отвори окно и кликни разводящего.

Часовой повернулся спиной, чтобы исполнить приказание капитана, но в эту самую минуту на него сзади набросился Гриффис, вырвал у него из рук мушкет и прикладом ударил солдата между плеч. Часовой упал, а молодой моряк крикнул товарищам:

— Вперед! Путь свободен!

— Вперед!—повторил лоцман, прыгая через солдата с пистолетом в одной руке и с кинжалом в другой.

Мануэль, так же точно вооруженный, последовал за ним, и все трое быстро и беспрепятственно сбежали с лестницы.

Питерс лежал на полу, а Борроклифф был не в состоянии преследовать беглецов. Он так опешил от неожиданности, что первое время не мог выговорить ни слова. Обычная болтливость совершенно покинула его, а это с ним случалось очень редко. Часовой опомнился раньше, чем он, и поднялся с земли. Офицер и солдат прямо поглядели с обоюдным соболезнованием друг другу в глаза.

— Прикажете дать тревогу, господин капитан?—спросил, наконец, солдат.

— По-моему, нет, Питерс, лучше не надо... Какие, однако, все во флоте невежи и какие неблагодарные!

— Я надеюсь, господин капитан, вы припомните, что я свою обязанность исполнил хорошо, и что меня обезоружили в то время, когда я исполнял ваше приказание.

— Ничего я этого не помню, Питерс, и ничего не желаю помнить. Помню только, что с нами поступили гнусно, и этот земноводный офицер мне за это ответит. Запри все двери на два поворота и сделай вид, как-будто ничего не случилось.

— Это не так легко, господин капитан! Ведь меня ударили прикладом. На спине, наверное, остался знак. Увидят потом все...

— Ну и пусть увидят, дурак, только ты-то сам, смотри, ничего не болтай. Вот тебе корона, купи себе какого-нибудь пластыря, что ли. Я слышал, как этот пес бросил твоё ружье на лестнице. Подними его и становись, как ни в чем не бывало, на свое место. Когда придут тебя сменять, ты сделай вид, как-будто ничего не знаешь и ничего не было. Я всю ответственность беру на себя.

Питерс исполнил приказание, а Борроклифф, несколько протрезвившись, с трудом возвратился к себе в комнату, браня на чем свет стоит и морскую артиллерию, и морскую пехоту, и всех „земноводных" военных.

ГЛАВА XVI

Борроклифф проспал остаток ночи тяжелым пьяным сном и проснулся только с приходом своего лакея. Первое, что он услышал, когда открыл глаза, был барабанный бой. Он сел, протер себе глаза, как всегда привык делать, и сердито набросился на ни в чем не повинного лакея:

— Что это значит? Разве я не приказал сержанту Дрилло, чтобы у меня не смели бить в барабан, покуда мы находимся под гостеприимной кровлей доброго старого полковника? Так-то меня слушают? Неужели эта музыка может нравиться обитателям здешнего дома?

— Мне кажется, сэр, что сегодня сам полковник Говард распорядился, чтобы били в барабан.

— Вот нашел удовольствие!.. А этот конский топот во дворе что означает?

— Во двор въезжает отряд драгунов, сэр, и его встречает сам полковник.

— Во двор? Драгунский отряд? Конница? Неужели старый чудака вообразил, что моих двадцати молодцов недостаточно для защиты этого старого вороньего гнезда — „аббатства"? Понадобилось для чего-то конное подкрепление... Гм! Должно-быть, эти господа в ботфортах со стороны прослышали, что здесь водится хорошая старая мадера из Каролины.

— Нет, сэр, за отрядом ездил вчера сам мистер Диллон. Он находил нужным заковать троих пленных пиратов в кандалы.

— Троих пиратов заковать в кандалы?—повторил капитан, опять протирая себе глаза, но уже на этот раз более осмысленно.—Ах, помню! Я велел вчера куда-то запереть троих молодчиков подозрительного вида. Что же с ними будут делать драгуны и мистер Диллон?

— Не знаю, сэр, но в них подозревают не то каких-то заговорщиков, не то колониальных бунтовщиков. Кто говорит, будто они переодетые американские генералы, и один из них будто бы сам Вашингтон. Другие утверждают, будто бы это три члена американского парламента, приехавшие в Англию учиться нашим обычаям, чтобы перенять их и ввести у себя.

— Вашингтон!.. Члены конгресса!.. Что за сумасшествие! Ступай, узнай, из скольких человек состоит драгунский отряд, и доложи потом мне. Да подай мне сюда мое платье, чтобы оно лежало у меня под рукой. Офицеру отряда передай мой поклон и скажи ему, что я скоро спущусь вниз.

Лакей ушел, а капитан начал одеваться, рассуждая вслух сам с собою:

— Я убежден, что эти лентяи, не умеющие двигаться сами, а только на спине четвероногих животных, прослышали про здешнюю мадеру. А удравшего капитана я вызову через публикацию во всех газетах; я потребую, чтобы он дал мне отчет в своем поступке. Только бы мне узнать его фамилию! Чорт побери! Еще ни одного

ЛОЦМАН

офицера не оскорбляли так, как оскорбил меня этот человек. Если эта история разгласится, меня засмеют. Мне придется выдержать по крайней мере шесть дуэлей. Не проболтался бы как-нибудь Питерс. Что я с ним сделаю, если он проболтается? Ничего. Не могу же я выпороть его за это... Впрочем, я могу придраться к первой вине и вздуть его. Вот только посмей он у меня проболтаться!

Офицер кончил свой туалет и отправился к новоприбывшим коллегам. Выйдя во двор, он увидел полковника Говарда, который разговаривал с молоденьким кавалерийским офицериком. Полковник сейчас же представил офицера капитану Борроклиффу.

— Здравствуйте, мой охранитель,—сказал старик.—Сейчас я вам сообщу интересную новость. Наши-то арестанты оказываются переодетыми бунтовщиками-американцами... Капитан Борроклифф, представляю вам мистера Фицджеральда, корнета драгунского полка.

Офицеры поклонились друг другу, а полковник продолжал:

— Мистер Фицджеральд прибыл сюда с отрядом драгунов для сопровождения арестантов в Лондон или куда прикажут, чтобы предать их военному суду. Мой родственник Диллон сразу же догадался, что это за птицы, а мы-то с вами, точно два младенца, уговаривали их поступить на военную службу. Кристовер—замечательная голова. Он у нас в судебном ведомстве дойдет до высших степеней.

— Вероятно, так и будет, сэр,—серьезнейшим тоном отвечал Борроклифф.—Но на каком же основании мистер Кристовер Диллон сделал подобный вывод относительно арестованных моряков?

— Не знаю, но основание у него, несомненно, имеется полнейшее. В свое время он нам все объяснит.

— Надеюсь, что арестанты у меня окажутся в сохранности. Вы говорили, полковник, что окна от земли находятся на большой высоте и убежать этим путем нельзя, потому я под окнами не ставил наружного караула.

— Не беспокойтесь, мой уважаемый друг! Если ваши часовые не заснули в карауле, то арестанты целы, за это я вам ручаюсь. Пойдемте в то крыло, где они у нас заперты, выведем их и сдадим с рук на руки драгунам, которые отведут их прямо в тюрьму.

— Нет, позвольте, сэр, так нельзя,—заявил молодой драгунский корнет.—Мне мистер Диллон говорил, что я встречу здесь неприятеля; между тем, оказывается, что мне навязывают неприятную полицейскую роль констэбля. По нашим законам, сэр, каждый обвиняемый может быть судим только равными себе. Я ни в каком случае не возьмусь отводить этих людей в тюрьму, куда судья не подпишет приказа об их аресте.

— То, что вы сейчас сказали, сэр, относится только к людям, пользующимся защитой закона,—возразил полковник, —а это изменники и враги.

— Нужно сначала доказать,—отвечал решительным тоном корнет (он только в прошлом году был произведен в офицеры и еще не забыл уроков законоведения).—Только после того, как их преступление будет доказано, можно будет с ними обращаться, как они заслуживают. Я же лично берусь только передать их в руки гражданских властей, больше ничего.

— Прежде чем спорить, надо за ними сходить,—нетерпеливо вмешался Борроклифф, знавший хорошо, насколько бесполезно это пререкание.

Все четверо поднялись по каменной лестнице и вошли в коридор, в котором находились комнаты арестантов. Борроклифф прошел вперед, а остальные отстали, чтобы пропустить сержанта, входившего с несколькими солдатами. Часового сменили, и Борроклифф приказал отпереть среднюю дверь. Все вместе вошли в комнату.

— Ваш арестант убежал!—воскликнул корнет.

— Не может быть!—закричал Диллон.—Как могло это случиться? Тут просто измена!

— Кто же изменник, мистер Диллон?—спросил капитан Борроклифф, строго нахмутив брови.—Решитесь ли вы обвинить в измене кого-нибудь из солдат нашего полка?

Будущий судья понял, что зашел слишком далеко, и сейчас же принял лицемерно-вкрадчивый вид.

— Полковник Говард легко поймет мою вспыльчивость,—сказал он,— когда узнает, что в этой комнате был заперт изменник Эдуард Гриффис, лейтенант мятежного флота.

— Как?!—воскликнул, вздрогнув, полковник.—Неужели этот молодой безумец осмелился явиться в мой дом? Кит, этого быть не может, вам приснилось.

— Нет, сэр, не приснилось... Но как он мог убежать? Не через окно же, хотя оно и раскрыто. Трудно допустить, чтобы он спрыгнул с такой высоты. Ему, очевидно, помогли. А что это был Гриффис, за это я ручаюсь. Я хорошо его узнал, несмотря на его переодевание, на его парик и гримировку.

— Господа!—вскричал полковник.—Ведь он явился сюда затем, чтобы похитить мое единственное сокровище, мою племянницу, дочь моего покойного брата Гарри!

Борроклифф в досаде и смущении кусал себе губы.

— Но я уверен, что остальные двое непременно военные,—сказал он.

— Очень может быть,—согласился Диллон.—И не только военные, но даже офицеры. Ясное дело, что они высадились с тех двух кораблей, которые подходили к нашему берегу, и высадились не одни, а с целым отрядом, чтобы напасть на „аббатство“.

Борроклифф был настолько смущен, что отошел в сторону, продолжая кусать себе губы. В это время к нему подошел сержант Дрилль и доложил:

ФЕНИМОР КУПЕР

— Другие два арестанта тоже убежали, капитан! Как могло это случиться, я совершенно не понимаю. Просто теряю голову!

— Полковник Говард,—сказал Борроклифф,—не давайте мне ни глотка вашей дивной мадеры, пока я не отыщу беглецов. Часть своих солдат я оставляю для защиты „аббатства“, а с остальными выступлю в поход.

— Не лучше ли будет,—сказал корнет Фицджеральд,—дать моим людям и лошадям отдохнуть и покормить их, а потом я сейчас же поскакал бы обследовать берег? Очень может быть, что мне посчастливится или поймать беглецов, или встретить часть высаженного ими на берег отряда. Мне кажется, что так было бы лучше.

— Я только что хотел это вам предложить,—сказал Борроклифф.— Итак, пусть в „аббатстве“ запрут и забаррикадируют все окна и двери. Если мятежники нападут на нашу крепость, то будут, несомненно, отбиты, а я с остальными своими людьми позабочусь отрезать отступление.

— Хорошо, капитан,—сказал полковник Говард.—Американцам нелегко будет выбить меня из моей позиции. Пойдемте завтракать, а потом и за дело. Кит поедет верхом с драгунами, чтобы показывать им дорогу, которую он здесь знает великолепно.

Завтрак продолжался недолго. Офицеры наскоро закусили и вышли во двор „аббатства“ делать приготовления к походу. Борроклифф оставил в замке часть солдат, а с остальными выступил ускоренным маршем. Через несколько минут выехали и драгуны с корнетом во главе. Фицджеральд великолепно гарцевал на коне, рисуясь своей, действительно, мастерской посадкой, а рядом с ним ехал на лучшей охотничьей лошади полковника Говарда Кристовер Диллон, сгоравший желанием изловить и предать Гриффиса.

Полковник несколько минут глядел вслед удалявшемуся отряду, прислушиваясь к топоту коней и любуясь сверкавшим на солнце вооружением кавалеристов, потом вернулся в дом и с тайной тревогой, но в то же время и с большим увлечением занялся приготовлениями к обороне „аббатства“.

„Аббатство“ находилось в двух милях от берега океана. Владения его тянулись почти до самого берега, и по ним шли в разных направлениях многочисленные дороги. Диллон выбрал из них самую короткую. По ней драгуны и поскакали так быстро, что в несколько минут уже достигли прибрежных утесов. Спрятав солдат в соседнем лесочке, Фицджеральд вместе с Диллоном доехал до самого края скалистого берега, и оба стали осматривать оттуда море.

Ветер успел за ночь стихнуть, и хотя по морю еще катились громадные волны, но они уже не пенились и не бурлили, а были гораздо ровнее, ниже. Долго два всадника не могли разглядеть ничего среди совершенно пустынной равнины океана, но вдруг Диллон воскликнул:

— Это они! Клянусь небом, они от нас ускользают! Фицджеральд поглядел в ту сторону, куда ему указал пальцем Диллон, и увидел у подножья крутого берега, почти у своих ног, совсем близко от земли небольшую лодку, ныряющую среди волн. Можно было подумать, что гребцы положили весла и не гребут.

— Это они!—продолжал Диллон.—А еще вероятнее, что это вельбот, который дожидается их, чтобы доставить на корабль.

— Что же я теперь сделаю?—спросил корнет.—До них моя конница достать не может. Вот если бы со мной была хоть небольшая пушка, тогда дело другое.

Ненависть подсказала Диллону верное средство. Он ответил:

— Наши беглецы, должно-быть, еще на берегу. Можно их будет перехватить, если расставить пикеты на их пути и отрезать им отступление к морю. А я тем временем поскачу в бухту, где стоит наш военный куттер. В полчаса успею съездить. Только бы капитан согласился обогнуть вот этот мыс, тогда беглецы будут изловлены.

— Поезжайте!—воскликнул Фицджеральд.—Достаточно, чтобы куттер заставил их выйти на берег, а там уже я с ними справлюсь.

Диллон сейчас же повернул коня и поскакал галопом. Через минуту он скрылся в лесу. Его усердие вытекало не из убеждений, а только из расчета. Этим путем он мечтал получить от полковника руку мисс Говард и ее состояние. В Гриффисе он видел единственное препятствие своим планам и желал устранить соперника.

Меньше чем через полчаса Диллон был уже на борте куттера „Проворный“ и беседовал с капитаном. Капитан „Проворного“ выслушал рассказ Диллона. Долго он его расспрашивал и переспрашивал, потом достал свою инструкцию, всю ее внимательно перечитал и только после этого согласился на просьбу Диллона, которому пришлось остаться против собственного желания на куттере, чтобы указать место, где находился вельбот.

Подняли якорь, приготовили пушки и пошли, осторожно держась подальше от бурунов.

ГЛАВА XVII

Хотя экспедиция на берег с американских кораблей была предпринята ради общего дела, но Гриффис и Барнстэбль имели каждый также и свои личные мотивы для того, чтобы с особенной охотой напрашиваться на участие в ней вместе с лоцманом.

Таинственный лоцман провел мало времени со своими новыми товарищами, но уже отлично разобрался в характерах обоих. Поэтому он пожелал взять с собой только Гриффиса и Мануэля, а Барнстэбль вынужден был остаться на своей шкуне и дожидаться их возвращения, чтобы, в случае надобности, прикрыть отступление.

ЛОЦМАН

Барнстэбль не скоро согласился на такое распределение сил, и понадобился весь авторитет его начальника, чтобы уговорить его. Помог тут также и его собственный здравый смысл. При этом Барнстэбль настойчиво потребовал от Гриффиса, чтобы тот непременно включил в будущую рекогносцировку также и „аббатство". Гриффис дал слово.

Рекогносцировку предполагалось сделать ночью, но было условлено, что на рассвете Барнстэбль подьедет на вельботе как можно ближе к берегу в стороне „аббатства", чтобы повидаться с разведчиками и условиться о том, какие меры принять для захвата заложников. В следующую ночь лоцман рассчитывал произвести набег, воспользовавшись предположенной охотой. Было условлено, что если лоцман и его товарищи не покажутся на берегу в назначенный час, то Барнстэбль вернется на шкуну, которая будет стоять в уединенной бухте, закрытой со всех сторон утесами.

Пока корнет Фицджеральд глядел на вельбот, замеченный Диллоном, условленное для возвращения время прошло, и Барнстэбль, следуя данным ему инструкциям, собрался уже возвращаться на шкуну. В последний раз окинул он утесы и, не видя с них никакого сигнала, приказал матросам грести от берега.

Весла разом опустились на воду, и лодка пошла. Вдруг в воздухе послышалось какое-то пыхтение, и вода около вельбота сильно замутилась.

— Том!—воскликнул Барнстэбль, обращаясь к своему боцману Коффину.—Да ведь это кит!

— Да, сэр,—отвечал боцман с полным хладнокровием.—Его ветром принесло к берегу. Он, надо полагать, спит, вместо того, чтобы плыть в открытое море.

— Может-быть, это просто кашалот?

— Нет, сэр, кит, настоящий кит. Я видел, как он выбрасывает воду. В нем целая тонна китового жира!

Барнстэбль еще раз взглянул на утесы, ничего на них опять не увидел и перевел глаза на кита. Искушение было очень сильное, потому что ему уже случалось охотиться на кита, а теперь представлялся такой удобный случай. Он поддался искушению.

— Гарпун, я вижу, при вас, вы никогда с ним не расстаетесь,—сказал он боцману.—А есть ли на вельботе длинная веревка, чтобы ее к нему привязать?

— Я никогда не спускаю вельбота со шкуны, сэр, не запасшись сначала всем необходимым,—ответил Том Коффин.—Ах, с каким удовольствием я смотрю на эту плывущую тонну китового жира!

Барнстэбль поглядел на свои часы, потом еще раз на утесы и крикнул веселым голосом:

— За весла, товарищи! Всадим в него гарпун! Правда, зачем он сюда к нам сунулся? Неосторожный какой!

Матросы закричали от радости, и даже суровое лицо боцмана изобразило довольную гримасу. Том Коффин стал готовить гарпун. Кит подпустил к себе вельбот, выбрасывая фонтаны воды и хлопая по воде громадным хвостом. Только когда лодка подплыла к нему на сто шагов, он спрятал голову в воду, оставаясь телом на воде, и забил хвостом.

Боцман стоял с поднятым гарпуном. Барнстэбль занимал место у руля, который нарочно сняли, и держал в руке весло наготове, чтобы повернуть лодку, если бы это оказалось нужным. Вельбот стоял неподвижно, а кит колотил хвостом воду. Потом он вдруг исчез под водой.

— В которую сторону он поплыл?—спросил Барнстэбль.

— Я думаю, сэр, что он только нырнул,—отвечал боцман, не отрывая глаз от того места, где раньше видели кита.—Подплывем поближе, сэр, я ручаюсь, что он тут недалеко.

Опытный, старый моряк не ошибся. Через две-три минуты вода в нескольких десятках футов от вельбота расступилась, и показался неподвижно держащийся на ней кит. Лейтенант приказал грести, и вельбот очутился возле самого кита, почти коснувшись носом огромных плавников. Кит не плыл, а отдавался волнам, которые тихо несли его. Том Коффин взмахнул гарпуном и запустил его с такой силой, что все железо целиком ушло в тело кита.

Сделав свое дело, Том Коффин крикнул:

— Назад все!

— Назад все!—повторил Барнстэбль.

Матросы налегли на весла и дружным усилием отвели лодку на безопасное расстояние от мощных ударов.

Но кит растерялся и пустился в бегство. Хлопнув по воде хвостом, он быстро исчез среди запенившихся волн.

Раненый кит снова поднялся на поверхность из воды и продолжал свое бегство, таща за собой лодку за веревку гарпуна, торчавшего у него в теле. Веревка другим концом была привязана к носу лодки. Струи воды, которые он выбрасывал, оказались окрашенными кровью, и это привело Тома Коффина в восторг.

— Да, я ранил его насмерть,—говорил он.—А в нем так много жира! Какой же громадный слой пронзил мой гарпун!

— Однако, Том,—сказал Барнстэбль,—вместо того, чтобы нам тащиться за китом, потащим мы его лучше сами за собой! Он увлекает нас в сторону от шкуны, мне это не нравится.

Все матросы ухватились за веревку и стали ее тянуть. Вельбот приблизился к киту, который, видимо, терял силы вследствие потери крови. Он почти не двигался, оставаясь на воде.

— Не подойти ли нам к нему?—сказал Барнстэбль.—Два-три удара штыком, и с ним будет покончено.

ФЕНИМОР КУПЕР

Боцман поглядел несколько секунд на кита и отвечал:

— Нет, сэр, не стоит. Он сейчас сам издохнет. Назад, назад!—прибавил он, крича матросам.—С ним начинается агония, он сейчас будет бесноваться.

Вельбот отодвинулся от кита на приличное расстояние. Кит вдруг снова начал биться на воде, окрашивая ее своей кровью. Ревел он так, точно мычало целое стадо быков. Однако, мало-по-малу он затих, и вода около него успокоилась. Черная туша кита перевернулась навзничь, и моряки увидели белую, блестящую кожу, покрывавшую его брюхо. Победа была полная.

— Что теперь мы с ним сделаем?—спросил Барнстэбль, у которого, после удачи уже успело остыть охотничье возбуждение.—Ветром всю эту тушу прибьет к берегу, и мы, стало-быть, угостим наших врагов китовым жиром.

— Будь это в Бостонской бухте, я бы знал, что делать,—отвечал Том Коффин.—Я бы разбогател. Подплывемте, однако, к нему. Надобно вытащить гарпун и освободить веревку. Не отдавать же и их англичанам.

— Как бы не пришлось отдать!—заметил старший гребец.—Впрочем, они и без вашего гарпуна уже приступили к охоте.

— Что вы говорите?—с живостью спросил Барнстэбль.

— Извольте сами взглянуть, капитан!

Молодой лейтенант обернулся и увидел идущий на всех парусах «Проворный». Куттер только-что обогнул при благоприятном ветре мыс и находился не дальше, как в двух милях от вельбота.

— Дайте мне подзорную трубку,—спокойно сказал Барнстэбль.— Если это военное судно, нам нужно будет уходить к берегу, а если простое, то мы с ним справимся.

В трубку он сразу же увидел, что судно военное.

— Вооружен хорошо этот кораблик,—сказал он.—Десять пушек. Гребите, друзья, хорошенько! Налегайте на весла! Из-за гарпуна мистера Коффина я вовсе не желаю попадать в лапы Джону-Буллю²⁵.

Матросы налегли на весла. С полчаса вельбот несся с изумительной быстротой. Но обстановка была благоприятна для куттера: дул попутный ветер при спокойном море. „Проворный“ заметно настигал лодку. Барнстэбль казался спокойным, но лоб его тревожно хмурился.

Вдруг над куттером взвился клуб белого дыма, и раздался пушечный выстрел. По воде запрыгало, делая ряд рикошетов, ядро, но оно не долетело до вельбота.

— Англичане стреляют хорошо,—заметил боцман,—но они о своем выстреле пожалеют, если его услышали на „Ариеле“.

— Вы—замечательный философ, мистер Коффин,—сказал Барнстэбль.—На это, действительно, есть маленькая надежда. Дайте мне мушкет, я тоже выстрелю.

Барнстэблю подали мушкет. Он сделал несколько выстрелов, как бы в насмешку над неприятелем. Насмешка достигла цели. Англичане сочли ее за издевательство над собой, и командир „Проворного“ велел выстрелить по вельботу еще несколько раз из пушек. Ядра пролетели опять мимо, но одно из них упало в воду очень близко от лодки, так что даже обрызгало американцев водой.

Несмотря на неуспех своей пальбы, куттер все-таки с каждой минутой приближался к вельботу. Вдруг показался „Ариель“, вышедший

¹ Джон- Буль—Иван-Бык—шутливая кличка англичан.

из бухты, в которой он стоял на якоре. Барнстэбль и весь его экипаж приветствовали шкуну громким радостным криком, а куттер поставил все свои малые паруса, чтобы удвоить скорость, и сделал по беглецам картечный залп. Картечь не долетела и только подняла целый столб брызг и пены.

Матросы работали, не жалея рук. Гребли даже Барнстэбль и боцман. Вельбот несся быстро к шедшей ему навстречу шкуне и скоро был уже на ее борту. Радостные крики американцев достигли ушей людей, следивших с утесов за этой сценой, но, понятно, они не доставили зрителям ни малейшего удовольствия.

ГЛАВА XVIII

Барнстэбль поблагодарил матросов за приветливую встречу и, дав команде успокоиться, скомандовал „смирно“, после чего обратился к ней с такою речью:

— Мы выдержали сейчас очень опасную погоню, и если бы „Ариель“ был в это время хоть немного подальше от нас, нам бы тогда не сдобровать. Это судно—королевский куттер. Надо его хорошенько проучить. Поэтому я приказываю итти прямо на него и дать бой.

Распустивши все паруса, „Ариель“ пошел вдоль берега, чтобы встать под ветер. С его палубы видны были утесы и толпившиеся на нем солдаты.

Английский куттер, повидимому, понял, что ему не под силу будет борьба со шкуной; он стал удаляться от

²⁵ Джон- Буль—Иван-Бык—шутливая кличка англичан.

ЛОЦМАН

берега и сделал выстрел в сторону, противоположную от „Ариеля“. Между тем, на шкуне все было готово для боя.

— Он от нас уходит, но мы его догоним!—воскликнул боцман. Он прицелился из большой пушки, своей тезки, и сам поднес к ней фитиль. Пушка выбросила пламя и дым. Барнстэбль еще до выстрела вскочил на одну из соседних пушек, чтобы проследить полет ядра. Коффин, как только пушка выстрелила, приник глазами к амбразуре и тоже стал наблюдать результаты своего выстрела.

— Видите, видите! По ветру несутся тряпки!—вскричал Барнстэбль.— Браво, браво, Коффин! Вы выстрелили удачно. Ну-ка, еще один раз, а потом можно будет еще и еще.

На куттере стали готовиться к ответу, и, когда Том Коффин сделал еще выстрел, с „Проворного“ раздался залп всем бортом. Канониры куттера прицелились хорошо, но пушки были слишком легки. Снаряды не долетели до шкуны, а только два из них слегка стукнулись в ее борт упали в воду.

На куттере убедились, что им не удастся уйти от неприятеля, и его капитан принял смелое решение: подойти к шкуне настолько близко бортом, чтобы не быть обстреливаемым с кормы. Когда оба судна сблизились, Барнстэбль приказал открыть общий огонь. Канониры заряжали и разряжали пушки, внимательно прицеливаясь. Барнстэбль распоряжался хладнокровно, но с воодушевлением.

Английский капитан тоже действовал храбро. Пальба с дальнего расстояния причинила ему только потери и повреждения, потому что у него не было дальнбойных пушек, и теперь он спешил поправить свою первоначальную ошибку.

Оба корабля палили друг в друга с близкого расстояния, и оба были окутаны густыми облаками дыма, сквозь который не было ничего видно, кроме огненных молний, предшествовавших каждому выстрелу. Солдаты, смотревшие на бой с утесов, из-за этого дыма долго не могли определить результатов боя, даже после того, как он уже кончился.

Огонь „Ариеля“ был сильнее и убийственнее огня „Проворного“. Шкуна пострадала значительно меньше. Сблизившись со шкуной, куттер закинул на нее абордажный крюк, чтобы решить дело рукопашным боем. Барнстэбль не уклонился от абордажа. Корабли сцепились. Команды бросились одна на другую, и началась горячая свалка.

Экипаж куттера был гораздо слабее числом. Американцы быстро оттеснили его и ворвались на палубу „Проворного“. Но английский капитан не растерялся. С саблей в руке он все время был впереди своих матросов и продолжал их ободрять. Американцы, подаваясь вперед, всякий свой шаг покупали кровью, теряя людей ранеными и убитыми.

Но вот капитан „Проворного“ упал, сраженный Томом Коффином. Англичане бросились спасаться в трюм. Американцы овладели куттером, две трети экипажа которого были или ранены или убиты. Барнстэбль отдал приказ отцепиться от „Проворного“, бросить мертвых в воду, раненых перенести в каюту и подать им помощь, а пленных связать.

— Опустить все флаги и поднять на „Ариеле“ английский флаг над американским!—распорядился он, когда все это было сделано.

Это распоряжение поразило весь экипаж. На шкуне все работы прекратились, и даже Том Коффин ничего не понял. Он стал ворчать. Но Барнстэбль сказал ему:

— Что вы там ворчите? Неужели вы не понимаете, в чем дело? Ведь на берегу находятся наши друзья и сограждане. Должны мы узнать об их судьбе, как вы думаете? Или, по-вашему, пусть их англичане сгноят в тюрьме или повесят?

Боцман сосредоточенно выслушал своего командира и ударил себя по ляжке.

— Понимаю, капитан!—сказал он.—Вы думаете, что красные мундиры взяли мистера Гриффиса на буксир, и собираетесь их обмануть, а его освободить. Это хорошо.

Боцман утешился и успокоился, а Барнстэбль велел перевести на „Ариель“ часть пленных, которые не были ранены. В это время на „Проворном“ произошел шум: два матроса притащили какого-то человека, оказавшегося не матросом. Пленник был бледен от страха и дрожал, как трус.

Барнстэбль посмотрел на него несколько секунд и воскликнул:

— Это кто еще такой? Любитель? Художник? Писатель? Только это не моряк. Скажите, сэр, что вы делали на этом куттере?

— Я попал на него совершенно случайно,—отвечал перепуганный пленник.—Я был на куттере, когда капитан решил сделать на вас нападение. Свезти меня на берег он не имел возможности, но я полагаю, что это сделаете вы и притом сейчас же. Я лицо совершенно частное, и против вас я не сражался.

— Охотно верю: стоит только на вас взглянуть, чтобы убедиться в том, что вы не сражались. Но есть очень важные причины...

Он не договорил, заметив, что Мерри делает ему знаки, и отошел к мичману. Тот торопливо сказал ему на ухо:

— Это мистер Диллон, родственник полковника Говарда. Я часто видал его ухаживающим за моей кузиной Цецилией.

— Диллон!—сказал Барнстэбль, потирая себе руки от удовольствия.— Кит Диллон, с длинным лицом, с

ФЕНИМОР КУПЕР

черными глазами и с почти такой же черной кожей! От страха его кожа, впрочем, значительно побледнела... Это приз очень ценный, раз в двадцать ценнее „Проворного“.

Разговор происходил вполголоса поодаль от пленника. Барнстэбль снова подошел к Диллону и сказал:

— Политические соображения и моя обязанность вынуждают меня задержать вас, сэр, на некоторое время.

Барнстэбль отошел от него, не дав ему времени на ответ, и занялся надзором за работами, производившимися на обоих кораблях. Вскоре ему доложили, что все готово. „Ариель“ и его приз „Проворный“ пошли в ту бухту, из которой вышел куттер. Солдаты на утесах остались в полном убеждении, что в бою одержали верх англичане, и подняли радостный крик. Барнстэбль, указывая им издали рукой на английский флаг на „Ариеле“, велел своим матросам тоже кричать в ответ. Так как подробностей с берега не было видно, то солдаты, посмотрев еще немного времени на корабль, удалились с утесов и скоро совсем скрылись из вида.

Американцы плыли долго и с трудом, борясь против отлива и течения, и достигли бухты только к закату солнца. Когда они входили в нее, притворяясь друзьями, берега были покрыты зрителями, восторгавшимися мнимой победой английского оружия, а Барнстэбль предупредил свой экипаж, что теперь от него потребуется не одна только храбрость, но также и очень большая осторожность, даже хитрость.

ГЛАВА XIX

Поспешно уходя из „аббатства“, Гриффис и его товарищи не встретили никого, кто бы мог воспрепятствовать их побегу или поднять тревогу. Наученные опытом, они старались теперь избегать таких мест, где, по их соображениям, могли находиться часовые, хотя в то же время они твердо решили прибегнуть к силе, если их будут пытаться задержать. Впрочем, вскоре они ушли настолько далеко, что можно было этого не опасаться. С четверть часа они шли быстро и безмолвно, как люди, решившиеся на все. Но когда они вступили в лес, то пошли тише и стали разговаривать вполголоса.

— Удачно мы выбрались!—сказал Гриффис.

— Боюсь, что наше предприятие теперь сорвалось,—мрачно отвечал лоцман.—С рассветом тревога распространится повсюду, поставят на ноги милицию, охота будет отменена. Здесь все страшно боятся высадки.

— Итак, что же вы решили, мистер Грэй?—спросил Гриффис.

— Ночь скоро кончится,—отвечал лоцман,—но в здешнем краю солнце зимой показывается редко. Я на несколько часов от вас уйду.

Нужно будет принять кое-какие меры, чтобы наш план удался. Где мы опять сойдемся?

— Кажется, здесь недалеко есть развалины,—сказал Гриффис.—В них мы можем найти себе верное и надежное убежище.

— Это хорошо,—сказал лоцман.—Это нам будет полезно вдвойне. Капитан Мануэль, вы в состоянии отыскать то место, где вы оставили в засаде своих солдат?

— Неужели вы думаете, мистер лоцман, что для меня мыслимая вещь—оставить в засаде солдат и не помнить где?—возразил капитан Мануэль.

— Скажите, можете ли вы их привести сюда до рассвета и незаметно?—спросил Гриффис.

— Для этого мне нужно только полчаса.

— Идите за мной. Я вам и мистеру Грэю укажу сейчас место нашего будущего тайного свидания.

Все трое углубились в лес и вскоре увидели перед собой стены развалин. Их было много, и занимали они большое пространство. Некоторые стены были очень высоки и увеличивали лесную темноту.

— Вот то, что нам требуется,—сказал Гриффис.—Ведите сюда ваших солдат, а потом я найду среди развалин еще более укромное место.

— Да здесь просто рай после палубы „Ариеля“!—сказал Мануэль.—Наверное, где-нибудь под деревьями тут можно будет отыскать площадку, чтобы производить ученье солдат.

— Какое там ученье!—возразил Гриффис.—У нас впереди настоящее серьезное дело, а вы—ученье!

Мануэль пошел медленными шагами, потом обернулся и спросил Гриффиса:

— Не выставить ли на открытом месте небольшой пикет с капралом и не протянуть ли цепь впереди наших передовых редутов?

— Какие у нас редуты? Где они?—с нетерпением воскликнул Гриффис.—Нам нужно одно: молчание и тайна. От этого зависит наше спасение. Ведите сюда людей без шума и руководитесь вместо компаса вот этими тремя звездами.

— Хорошо, мистер Гриффис, хорошо. Неужели вы думаете, что мне нужны компас или звезды, чтобы вести людей? Я их приведу сюда скоро, тихо, по-военному, разумеется.

Гриффис не успел ответить, потому что капитан быстро повернулся и скрылся в чаще. Слышны были только его быстрые шаги. Лоцман все это время молчал, прислонившись к остаткам стены, но тут сказал, подойдя к Гриффису:

— Этому человеку мы обязаны своим освобождением, но только не наделает ли он теперь глупостей, которые нас опять погубят?

ЛОЦМАН

— Это человек прямогольного, как определяет его Барнстэбл. Он придерживается всех мельчайших правил и форм своего ремесла, но для опасной экспедиции он пригоден вполне, потому что смел и предприимчив. Только бы заставить его быть поосторожнее и подержаннее, а храбрости и неустрашимости у него хватит.

— Это все, что от него требуется, но до тех пор устройте так, чтобы он и его солдаты были немые и неподвижны. Если нас откроют, то два десятка штыков не защитят нас против тех сил, которые будут подняты на ноги, чтоб нас раздавить...

— Ваше замечание совершенно верно. Эти чудачки способны на корабле спать целую неделю, не просыпаясь, но на земле их будет очень трудно удерживать в тишине и неподвижности.

— Между тем, это необходимо, сэр, и если слова не будут действовать, тогда придется прибегнуть к силе. Если бы против нас был только этот пьяница-капитан, то мы без труда сбросили бы его в море, но я слышал в своей тюрьме, что на утро сюда ждут конницу. За ней отправился американец, по имени Диллон, всячески старающийся нас погубить.

— Гнусный изменник!—вскричал Гриффис.—Следовательно, сэр, вы тоже имели сношение с кем-нибудь из жителей „аббатства“?

— Человек, затеявший такую опасную экспедицию, должен пользоваться всяким случаем для разведки. Если то, что мне привелось слышать, правда, то у нас на успех очень мало надежды.

— Так воспользуемся темнотой, чтобы вернуться на шкуну. У берегов Англии кишат королевские крейсера. Отовсюду в Англию плывут корабли, нагруженные богатствами из всех земель. Мы можем найти себе и достойного противника и повредить английской торговле, перерезавши ее нерв.

— Ваше предложение не подходит,—спокойным и даже несколько усталым тоном отвечал лоцман.—Все это я знаю, все это я сто раз слышал. Я получил, наконец, в свое распоряжение порядочное судно, чтобы итти в Америку, и явиться туда я желаю не один, а в сопровождении нескольких человек законодателей этого гордого острова, воображающего, что только на нем одном можно найти мудрость, доблесть и величие. Этим людям я введу с собой в залу заседаний конгресса...

— Поверьте, что эта свита доставит удовольствие только одним вам, а вовсе не конгрессу. Вашу цель я не считаю крупной. Из-за нее, по-моему, вовсе не стоит итти на большой риск.

Лоцман стиснул руку Гриффиса и отвечал ему спокойно, но решительно:

— Нет, молодой человек, нами задумано славнейшее предприятие. Хотя оно и опасно, но зато покроет нас славой. Я взял сторону американцев, назвал их своими братьями, но ради чего? Только ради того, что вы сражаетесь за свободу. Эта благородная цель освящает все, что для нее предпринимается. Имена борцов за свободу останутся в потомстве. Разве не будет великой заслугой показать воочию притеснителям-островитянам, что рука свободы достаточно сильна для того, чтобы схватить и сжать их даже в сердце их собственного государства, в самом центре их развращения?

— Не позволите ли мне самому сходить за нужными вам справками? А то ведь вас здесь уже видели, это может на вас навлечь...

— Ну, вы меня не знаете. Это предприятие задумал я. Если оно удастся, я хочу, чтобы и вся слава досталась мне. Стало-быть, я должен принять на себя и весь риск.

— Если вы к назначенному времени не вернетесь, где мне вас искать?—спросил Гриффис.

— Если я через десять часов не вернусь, то вы меня больше не ждите, не ищите и возвращайтесь на свой корабль. Я здесь родился, здесь вырос и сумею о себе подумать. Забудьте обо мне совершенно и заботьтесь только о себе.

Лоцман сделал Гриффису прощальный знак и исчез. Американский офицер остался один.

Время было предрассветное. Ураган утих, но с моря тянул довольно холодный ветер, резко свистевший между обнаженными деревьями. Через полчаса после ухода лоцмана появился со своими солдатами Мануэль, сейчас же распорядившийся выставить пикет из трех солдат с унтер-офицером. Гриффис отнесся к этому распоряжению очень неодобрительно, опасаясь, что так их скорее смогут найти, но не решился противоречить. Остальная часть отряда и оба офицера вошли в развалины и расположились в низкой комнате, под сводами, с выломанной дверью. Солдатам разрешено было лечь спать, а офицеры остались бодрствовать, то разговаривая между собою, то отдавая каждый своим собственным размышлениям.

Так прошло два часа и уже начало рассветать. Гриффис решил, что оставить выдвинутым пикет теперь, днем, опасно, и настоял, чтобы Мануэль его снял... Затем прошло еще несколько часов в полном бездействии.

Послышались первые пушечные выстрелы с „Проворного“. Гриффис привычным ухом сейчас же различил, что стреляет не „Ариель“. Затем ясно послышался шум битвы, и Гриффис с большим трудом удерживался сам и удерживал товарищей от искушения выйти и посмотреть. Когда выстрелы замолкли, Мануэль принялся ворчать:

— Вот положение! Там сражаются, а мы только слушаем и даже не решаемся взглянуть!

— Тсс!.. Кто-то идет,—сказал Гриффис.

— Кто идет?—кликнул часовой, стоявший у входа в комнату. Мануэль и Гриффис встали, прислушиваясь.

— Это, должно-быть, лоцман,—сказал Гриффис на-ухо Мануэлю. Послышался стук оружия — и тело мертвого часового покатилося вниз в комнату под сводами. Грудь матроса была насквозь пробита штыком.

ФЕНИМОР КУПЕР

— Проснитесь! Проснитесь!—крикнул Гриффис заснувшим снова солдатам.

— К оружию!—крикнул Мануэль.

Солдаты вскочили. В это время в комнату влетел град пуль. Гриффис бросился к выходу, стреляя из пистолета. Схватив абордажную полу-пику, он громко крикнул:

— Вперед! Кто только здесь солдат—за мной!

Молодой человек, выбегая наружу, запнулся за последнюю ступеньку лестницы и упал вперед на землю среди английских солдат, которые подняли его и обезоружили.

— Прикажите стрелять, Мануэль!—крикнул Гриффис.—Прикажите стрелять, пока они тут все в куче. Пли! Пли!

— Да, пли, пли!—сказал спокойнейшим тоном капитан Борроклифф.—Скомандуйте „пли” капитан Мануэль, и убейте собственного своего офицера. Ребята, выставьте его вперед. С ним рядом самое безопасное место.

— Пли!—кричал Гриффис, безуспешно стараясь вырваться из рук полдюжины солдат, которые его держали.—Командуйте „пли”, не думайте обо мне!

— Он заслужит виселицу, если сделает это,—сказал Борроклифф.—Разве можно убивать такого прекрасного солдата? Ведь это не заяц. Отведите его прочь от входа, ребята, и делайте свое дело.

Мануэль построил своих солдат внутри комнаты, а Борроклифф расставил своих так, что они могли расстреливать каждого, кто выйдет из развалин, не подвергаясь сами ни малейшей опасности.

Обменявшись через дверь несколькими безрезультатными выстрелами, Борроклифф попробовал вступить в переговоры.

— Сдавайтесь!—крикнул он.—Я вам обещаю пощаду.

— Отпустите пленника и дайте нам свободный пропуск на наш корабль,—отвечал Мануэль.—Гарнизон выходит с военными почестями, офицеры сохраняют оружие.

— Это невозможно,—важно возразил Борроклифф.—Такая капитуляция недопустима при существующих обстоятельствах. Я вам обещаю только пощаду и хорошее содержание.

— Пленника отпустить, офицерам оставить оружие и отправить их вместе с солдатами в Америку на честное слово, что они не будут участвовать вновь в войне, пока не будут обменены.

— Не принято. Все, что я могу обещать офицерам,—это хорошее возлияние из божественного напитка, созревшего под солнцем Каролины. Если вы тот, о ком я думаю, то вы должны оценить мое предложение по достоинству...

— В качестве кого, желаете вы, чтобы мы сдались? В качестве воюющей стороны или в качестве мятежников?

— В качестве мятежников, господа, не иначе. Я всем обещаю хорошее обращение и хороший стол, но лишь постольку, поскольку это касается меня, во всем же остальном ваша участь будет зависеть от усмотрения правительства.

— Пусть черт меня поберет, если я...

Капитана Мануэля перебил Гриффис, успевший успокоиться и хладнокровно обсудить создавшееся положение.

— Потихе, Мануэль!—сказал он.—Не бранитесь и не клянитесь. Капитан Борроклифф,—так, кажется?—меня зовут Эдуардом Гриффисом. Я лейтенант американского флота, и даю вам честное слово...

— Отпустите его,—сказал Борроклифф солдатам, которые держали пленника.

Гриффис встал между обеими сражающимися сторонами и стал говорить громко, чтобы его слышали и там, и тут:

— Пустите меня сойти вниз под своды. Я посмотрю, велики ли наши потери, и сделаю оценку нашим силам. Если потери настолько велики, насколько я предполагаю, то я посоветую моему товарищу сдать на общепринятых у цивилизованных наций условиях.

— Идите,—сказал Борроклифф.—Или нет, постоит минутку. Ваш товарищ кто? Моряк? Земноводный офицер морской пехоты?

— Да, он служит по этому роду оружия.

— Так и есть. Я его узнал по голосу. Когда вы будете с ним говорить, напомните ему про божественный напиток в „аббатстве” и скажите ему, что я на штурм не пойду, а подвергну его блокаде, во время которой ему скоро нечего будет есть, и уж, конечно, такого напитка у него не будет.

Гриффис невольно улыбнулся и, сделав головой легкий поклон, вошел под свод, громким голосом предупреждая товарищей о своем приближении.

Войдя под свод, он увидел, что шестеро солдат убиты, в том числе часовой. Четверо были ранены и стонали, но негромко, потому что капитан не желал, чтобы неприятелю были слышны их стоны. Мануэль устроил себе из остатков кирпичной стены род окопа и стал уверять Гриффиса, что его можно выбить из этого окопа только при помощи артиллерии.

— Если понадобится, они легко добудут и артиллерию, — отвечал Гриффис. — У вас нет решительно никаких шансов. Возможно, что вы убьете нескольких англичан, но в конце концов это будет бесполезно.

ЛОЦМАН

— Хотя и бесполезно, а все-таки я желал бы убить у них хотя бы семь человек, на одного больше, чем они убили у меня.

— Подумайте о ваших раненых. Они мучаются, а вы только будете затягивать бесполезное сопротивление.

В это время слышались стоны раненых. Мануэль, скрепя сердце, решился, наконец, уступить очевидной необходимости.

— Хорошо. Скажите ему, что мы сдаемся в военный плен,—сказал он Гриффису,—но с условием, что я свое оружие сохраню, и чтобы моим больным была подана медицинская помощь. Смотрите, так и говорите: „больным“, а не „раненым“. Я не хочу, чтобы он узнал, что у нас есть потери.

Гриффис сейчас же отправился с этим известием к английскому капитану.

Он желает сохранить оружие!—воскликнул Борроклифф.—Да какое у него оружие? Пика, что ли, абордажная? Если он вооружен не лучше вас, мой почтенный пленник, то за его оружием никто не погонится. Пусть оставляет его при себе.

— Если бы со мной здесь было десять человек хотя бы из самых последних моих матросов и с такими пиками,—сказал Гриффис,—то капитан Борроклифф переменил бы свое мнение об этом оружии,

— Довольно бы было и четырех таких храбрецов, как вы, чтобы обратить в бегство всех моих солдат,—отвечал Борроклифф.—Я дрожал за свои ряды, когда вы появились из дымного клуба, точно комета из-за облака. Счастье наше, что вы упали, и что вас не поддержали товарищи. Но договор заключен. Скажите им, чтобы они выходили из своей пещеры и складывали оружие.

Гриффис пошел к капитану Мануэлю, и тот вывел из развалин остатки своего гарнизона. Солдаты мрачно вышли за своим офицером и молча, в порядке, сложили свое оружие.

Мануэль и Гриффис снова оказались пленниками без всякой уже на этот раз надежды получить свободу.

ГЛАВА XX

Мануэль недовольным взглядом окинул победителей и своих солдат, которым в это время скручивали руки за спиной под надзором сержанта Дрилля. Увидав бледное и смущенное лицо Гриффиса, он дал волю своему дурному настроению.

— Вот что значит отступить от мудрых правил военного устава!—сказал он.—Если бы я не послушался вас, а поступил бы по-своему, я бы расставил везде, где следовало, пикеты, и мы не были бы захвачены, как кролики в норе, а могли бы выйти в открытое поле или укрыться за этими старыми стенами.

— Это верно, что военная наука предписывает защищать сначала свои передовые позиции и уже потом укрываться в цитадели,—вмешался капитан Борроклифф,—но для вас было бы лучше, если бы вы все сидели тихо в своей кроличьей норе. Нынче утром опушкой леса проходил крестьянин и увидел ваш пикет—трех солдат в незнакомой форме. Он испугался и обошел стороной. Тут он встретил меня с моим отрядом и рассказал мне об этом. Я сразу же догадался, в чем дело, и вот как видите... Наука—хорошая вещь, мой достойный коллега, но бывают случаи, когда невежество больше помогает.

— Вам хорошо смеяться, сэр: вам повезло,—отвечал Мануэль,—но я не могу, простите, разделять вашу веселость. Ведь эти солдаты все равно, что мои дети, и вот одни из них ранены, другие убиты, остальные в плену! А какие чудесные были солдаты! Как маршировали, как заряжали, как стреляли!

Борроклифф отчасти понимал чувства своего пленника и сказал ему несколько сочувственных слов, продолжая в то же время наблюдать за приготовлениями. Наконец, сержант Дрилль доложил, что все готово. Тогда Борроклифф приказал итти в „аббатство“. Пленных повели связанными, а раненым устроили самодельные носилки и понесли их.

Отряд выходил уже из леса, как вдруг в деревьях послышался шорох. Хрустел хворост, и шуршали сухие листья под шагами людей, шедших навстречу.

— Уж не драгунский ли разъезд?—с неудовольствием сказал капитан Борроклифф.—Господа,—обратился он к пленным офицерам,—если драгуны будут претендовать на участие в деле, будьте любезны подтвердить, что все было кончено без них.

— Сэр, мы охотно подтвердим, что вы один—наш победитель,—отвечал Гриффис, беспокойно оглядываясь в сторону шороха.

Он ожидал увидеть не драгун, а лоцмана.

— Прокладывай дорогу, Цезарь!—кричал где-то недалеко громкий голос.—Помпей, разламывай этот проклятый хворост! Торопитесь, а не то мы опоздаем и даже пороха не успеем понюхать.

— Батюшки!—произнес капитан Борроклифф. Да тут, должно-быть, движется целый римский легион. Стой, Дрилль! Постоим, посмотрим, хорошо ли маршируют римляне.

Из густой чащи молодых деревьев вышли два негра, за ними полковник Говард. Они направились прямо к тому месту, где стоял капитан с солдатами. Ветеран запыхался, вспотел. Платье его было все изорвано.

Вытирая себе платком потный лоб, он сразу и не заметил, что отряд капитана Борроклиффа численно увеличился.

ФЕНИМОР КУПЕР

— Я услышал стрельбу и выступил вам на подмогу,—сказал полковник.—Это часто удавалось при осадах, но если бы Монкальм²⁶ не сделал вылазки, то не пролил бы свою кровь на равнинах Абрагама.

— Он поступил, как храбрый воин, и вполне согласно с военными правилами,—сказал Мануэль.—Если бы я сегодня последовал его примеру, мое дело получило бы совсем другой оборот.

— Это еще кто такой?—с удивлением вскричал полковник.—В таком костюме и вдруг рассуждает об осадах и битвах!

— Это генерал мятежных войск, мой дорогой хозяин-гостеприимец,— отвечал Борроклифф.—Или, проще говоря, капитан морской пехоты на службе американского конгресса.

— Как!—в восторге воскликнул полковник.—У вас была встреча с неприятелем! Вы забрали его в плен!.. Молодцы, молодцы! А я, было, шел к вам с подкреплением. Как жаль, что я опоздал и не видел боя. Я бы с удовольствием отдал двадцать мер риса и двух своих лучших негров за то, чтобы на него посмотреть. Кроме того, знаете, наш куттер захватил неприятельскую шкуну. Скажите, однако, где мой Кит? Где мой родственник Кристовер Диллон?

— Будущий судебный лорд? Драгунский офицер говорил мне, что его провинциальное лордство изволил отправиться на куттер, чтобы доставить туда сведения о неприятеле, и, вероятно, остался на нем во время боя.

— Хоть он и не военный, а какой храбрец!—заметил полковник.—Боюсь, как бы он не увлекся.

— Ну, этого бояться нечего,—сухим и язвительным тоном заметил Борроклифф.—Он человек осторожный, он никогда не забудет среди опасности, что он представляет великую ценность для общества, для потомства. Но я удивляюсь все-таки, что его нет до сих пор, потому что шкуна уже давно спустила флаг, я сам видел.

— Извините, сэр,—воскликнул Гриффис, подходя ближе с торопливостью и тревогой,—но я слышал конец вашего разговора и думаю, что вы от безоружного пленника не сочтете нужным скрывать правду. Вы, кажется, сказали, что сегодня утром взята какая-то шкуна?

— Совершенно верно,—отвечал Борроклифф мягким тоном, свидетельствовавшим об его деликатности.—Это факт, но я вам его не сообщал, не желая вас огорчать еще больше. Мистер Гриффис, представляю вас полковнику Говарду, у которого вы только перед этим были в гостях.

— Гриффис?—с живостью вскричал полковник.—Гриффис! Сын моего старого друга, храброго и верного Гуго Гриффиса, взят в плен! Ах, молодой человек, молодой человек! Что сказал бы ваш отец, что сказал бы его сердечнейший друг, мой брат Гарри, если бы они дожили до наших дней!

— Если бы мой отец был жив,—с гордостью возразил Гриффис,—то он бы тоже боролся за независимость своей родины! Но я желал бы отнестись с уважением даже к предрассудкам полковника Говарда и потому прошу его не затрагивать темы, относительно которой мы с ним никогда не сговоримся.

— Несчастный юноша! Как бы я любил тебя! Ведь я твоего отца любил почти не менее, чем своего брата Гарри.

— Вам бы и сына его следовало любить,—сказал Гриффис, беря полковника за руку, которую тот слабо старался у него отнять.

— Ах, Эдуард! Эдуард! Как ни лойлен Кит, а ведь я его люблю меньше, чем тебя, хотя он мне и родня. Ты так похож на своего отца!.. И Цецилия... каким бы она была тесным звеном между нами!

Гриффис бросил на капитана Борроклиффа нетерпеливый взгляд, как бы досадуя, что тот не уходит и не уводит своих солдат, но капитан или не заметил этого взгляда, или умышленно притворился, будто не понимает его значения.

— Сэр, ваша племянница и теперь может сделаться таким звеном,—сказал Гриффис,—и тогда все недоразумения кончились бы между нами.

— Молодой человек, это вопрос решенный!—отвечал полковник и отвернулся, скрывая свое волнение.—Я уже дал слово Кита. Теперь это невозможно.

— Все возможно для молодости и неустрашимости!—воскликнул Гриффис.—Эта война скоро кончится...

— Мистер Гриффис,—перебил его вмешавшийся в разговор Борроклифф.—Вы видите? Не узнаете ли вы одного из ваших товарищей?

Полковник Говард и Гриффис взглянули оба в ту сторону, куда указывал им Борроклифф, и лейтенант сию же минуту узнал лощмана. Тот стоял на опушке и, скрестив на груди руки, смотрел на своих друзей.

Гриффис смутился и первое время не нашелся, что сказать, но потом объявил, что этот человек не принадлежит к экипажу его корабля.

— Но его видели вместе с вами,—сказал недоверчивый Борроклифф.—На допросе он отвечал за вас всех. Полковник Говард, я убежден, что этот человек командует резервом американцев.

— Скорее всего!—вскричал полковник.—Цезарь! Помпей! Пли! Негры затряслись, получив это приказание. Зажмурив глаза и отвернувшись, они сделали каждый по выстрелу в пустое пространство.

²⁶ Монкальм—один из французских главнокомандующих в Америке.

ЛОЦМАН

— В атаку!—крикнул полковник, выхватывая из ножен находившуюся при нем старую саблю и устремляясь вперед, насколько позволяли ноги, пораженные подагрой.—В штыки! Цезарь! Помпей! Вперед! За мной!

— Если ваш друг устоит против этой атаки, то он железный,—с самым невозмутимым видом сказал Гриффису Борроклифф.

— Я надеюсь,—отвечал Гриффис,—что он окажет пощаду слабости полковника Говарда. Однако, он достал пистолет!

— Но он не выстрелит,—успокоил Борроклифф.—Римляне уже отступают... Эй, эй! Полковник Говард! Гостеприимный хозяин! Отходите на ваши резервы! Весь лес наполнен врагами, но они от нас не уйдут. Я ожидаю только конницы, чтобы отрезать им отступление.

Полковник, подошедший уже довольно близко к лоцману, который стоял и спокойно ждал нападения, обернулся на зов и тут увидал, что он совершенно один. Он стал медленно пятиться назад, шаг за шагом, не оборачиваясь, и только тогда повернулся, когда отступил до капитана.

— Сзовите свое войско, Борроклифф, и посмотримте с вами лес,—сказал он.—А моим неграм я задам. Я им покажу, как оставлять своего господина одного в такие минуты!

— Предоставьте уж действовать мне, дорогой полковник,—отвечал Борроклифф.—Я пока нахожу нужным вернуться в „аббатство“. Поверьте, все будет сделано в свое время.

Полковник согласился с большой неохотой. Отряд пошел в „аббатство“, а лоцман постоял, посмотрел, спрятал пистолет и задумчиво ушел в лес.

ГЛАВА XXI

К тому времени, когда „Ариель“ и захваченный им „Проворный“, на котором находились раненые с „Ариеля“ и остатки экипажа с куттера, прибыли в бухту, где раньше стоял „Проворный“,—Гриффис и его товарищи уже несколько часов успели пробыть в плену. На берегу все думали, что шкуна захвачена куттером, но это не производило особенной сенсации, потому что в Англии все давно привыкли считать своих моряков непобедимыми.

До вечера оба судна простояли спокойно в бухте, но с появлением вечернего тумана Барнстэбль велел поднять на „Проворном“ якорь. Куттер вышел из бухты и пустился в открытое море отыскивать фрегат. На берегу у выхода из бухты находилась английская батарея. Барнстэбль с тревогой следил, как проходил мимо нее „Проворный“, опасаясь за участь куттера. Но все обошлось благополучно. Барнстэбль с облегчением вздохнул.

— Приготовьтесь сегодня к поездке на берег,—сказал Барнстэбль Тому Коффину.—Вам будет дано ответственное поручение.

Затем он обратился к мичману Мерри, дружески положив ему руку на плечо, и повел его к носу шкуны. Там сидел Диллон, опустив голову на руки и глубоко задумавшись.

— Хотел бы я видеть в эту минуту его лицо,—сказал Барнстэбль мичману.—Глаза человека все равно, что маяк, показывающий, можно ли войти доверчиво в порт его души.

— Маяки ставят также и там, где совсем нельзя плавать,—ставят для предосторожности,—отвечал мичман Мерри.

— Сама ваша кузина Катерина не могла бы сказать мудрее.

— Если бы моя кузина Плоуден была здесь, она бы вас тоже предостерегала против вашего пленника.

— И все-таки я думаю оказать ему доверие. Слушайте, Мерри, я хочу с вами посоветоваться. Сюда утром подъезжали рыбаки поглядеть на наше судно, которое они считают английским призом. Я, конечно, их оставил в этом заблуждении и узнал от них, что в развалинах близ „аббатства“ сегодня на рассвете захвачены в плен американские моряки и солдаты морской пехоты.

— Это мистер Гриффис!—вскричал Мерри.

— Не нужно быть кузеном мисс Катерины, чтобы об этом догадаться. Я поручил человеку с длинным лицом отправиться в „аббатство“ и предложить размен пленных. Я соглашусь отдать его за Гриффиса, а весь экипаж „Проворного“ за лоцмана Мануэля с его солдатами и за наших „тигров“.

— Как! Они взяли в плен моих „тигров“! Ах, как жаль, что мистер Гриффис не взял меня с собой на берег.

— Туда они отправились не для детской игры, на шлюпках же и без вас было тесно, насилие разместились. Так вот, Диллон мое предложение принял и дал мне честное слово, что через час после его возвращения в „аббатство“ Гриффис будет нам возвращен. Вопрос в том, способен ли он сдержать свое обещание?

— Возможно, что он его сдержит,—сказал, подумав с минуту, Мерри.— Я думаю, что пребывание мистера Гриффиса в одном доме с мисс Говард он считает для себя опасным. Я допускаю, что он не изменит своему слову, хотя и лжив.

— Я тоже нахожу, что он не внушает доверия. Однако, он надавал мне самых торжественных обещаний. Несправедливо будет совсем-то уж ему не верить... Теперь слушайте меня внимательно. Мне тоже придется ехать к берегу. Вы останетесь здесь единственным офицером, без старших. На ваши плечи ложится большая ответственность. Следите все время за этой батареей с таким вниманием, как если бы вы стояли на самом верху

ФЕНИМОР КУПЕР

грот-мачты фрегата. Если вы заметите малейшее подозрительное движение, если вы увидите перемещающиеся огни, то сейчас же обрезывайте канат и уходите из бухты. Вы меня найдете где-нибудь около утесов. Идите вдоль берега, не теряя из вида „аббатста“, до тех пор, пока меня не встретите.

Мерри внимательно выслушал своего командира и принял от него дальнейшие указания. Он действительно был теперь после Барнстэбля старшим на шкуне, потому что своему ближайшему помощнику Барнстэбль поручил командование захваченным куттером, а следующий по старшинству офицер лежал раненый.

Позвали Диллона и предложили ему садиться в вельбот, в котором уже находились гребцы-матросы и Том Коффин. В ту минуту, когда Барнстэбль стал спускаться сам, его плеча коснулась рука Мерри.

— Что вам?—спросил Барнстэбль.

— Не доверяйтесь особенно Диллону,—сказал мичман.—Если бы вы только видели, какое у него сейчас было лицо! Я бы ни за что ему не доверился.

— Лицо не из приятных, это правда,—засмеялся Барнстэбль,—но разве уже это такой верный признак? Наш Длинный Том тоже не ахти какой красавец, а честнее его человека трудно найти.

Он сел в вельбот на свою скамью и завернулся в плащ. Лодка стала огибать два мыса, закрывавшие вход в бухты. Весла были обмотаны холстом и почти не производили шума.

Лодка быстро плыла в продолжение часа. Вдруг Барнстэбль услышал какой-то шум и велел гребцам остановиться.

— Тише!—сказал он.—Я слышу шум весел.

— Сэр,—отозвался боцман,—там в море лодка... Вон она между двумя волнами... Они закрыли ее... Вот она опять видна.

— Это военная шлюпка!—воскликнул Барнстэбль.—Слышите, как мерно ударяют весла по воде? Так грести могут только военные матросы. Ни рыбакам, ни контрабандистам такая правильность не свойственна.

Том наклонил голову из лодки почти до самой воды, прислушался и сказал уверенно:

— Сэр, это „Тигр“. Я узнаю греблю его гребцов. Мистер Мерри выучил своих „тигров“ грести новым способом. Нашего „Тигра“ я узнаю из тысячи лодок.

— Дайте мне ночную подзорную трубу!—нетерпеливо вскричал Барнстэбль.—Я могу разглядеть хорошо эту лодку, если она снова покажется на той светлой линии... Да, Том, вы совершенно правы. Это „Тигр“! Но на нем только один человек. Если глаза мои меня не обманывают, это наш лодман! Он трусливо бежит, покинув Гриффиса и Мануэля на произвол судьбы... К земле! К земле! Причаливай!

Приказ был немедленно исполнен. Нетерпеливый Барнстэбль, боцман и Диллон втроем высадились на берег.

— Сэр,—сказал Барнстэбль Диллону,—я надеюсь, что ваше честное слово...

— Если вы верите больше присяге,—перебил его Диллон,—то я могу и присягу дать.

— Присяги не нужно. Я полагаюсь на слово порядочного человека. Я пошлю с вами в „аббатство“ боцмана. Через два часа вы вместе с ним вернетесь сюда, или пришлете его с мистером Гриффисом и капитаном Мануэлем. Итак, сэр, вы освобождены условно и можете отправиться. Вот через эту щель вы скорее всего выйдете из утесов.

Диллон наговорил своему победителю кучу благодарностей и пустился в путь.

— Ступайте с ним,—приказал Барнстэбль боцману,—и сообразуйтесь с его указаниями.

Давно привыкший к дисциплине Том взял свой неизменный гарпун и пошел за Диллоном, но почувствовал, что лейтенант положил ему на плечо руку.

— Вы видели бухту, в которую впадает речка?—тихо сказал боцману Барнстэбль.

Тот отвечал безмолвным наклоном головы.

— Мы будем там, недалеко от берега. Не следует чересчур доверяться врагу.

Боцман гарпуном сделал выразительный жест, чтобы показать, какая участь постигнет пленников, если Диллон окажется недобросовестным человеком, перепрыгнул через овраг и догнал своего ушедшего вперед спутника.

Барнстэбль постоял несколько минут на берегу, пока не затихли вдаль шаги Диллона и боцмана, потом вернулся на свой вельбот и велел экипажу плыть в бухту, о которой сказал Тому Коффину.

Пока он туда ехал, у него успели зародиться сильнеешие подозрения против пленника.

ГЛАВА XXII

Диллон дорогу знал хорошо. Они благополучно дошли до каменной стены, окружавшей „аббатство“. Диллон не пошел в главные ворота, а обошел мимо стены и вступил в боковые, которые, как он знал, редко запирались на ночь прежде, чем все разойдется спать. Эти ворота вели к строениям, расположенным позади главного здания. Том Коффин шел за Диллоном с полной верой в его добросовестность. Он не почувствовал подозрений даже тогда, когда тот зашел в помещение, служившее казармой для солдат капитана Борроклиффа.

Диллон велел ему подождать у дверей, поговорив о чем-то с сержантом, и вышел, предложив опять боцману итти за ним. Обойдя эти строения, Диллон и его спутник вступили в замок той самой дверью, через которую мисс Говард со своими подругами приходила накануне ночью навещать пленников. Пройдя несколько узких коридоров,

ЛОЦМАН

они вступили в длинную и темную галлерею, в конце которой через полуоткрытую дверь видна была хорошо освещенная комната.

Диллон быстро подошел к этой двери и растворил ее.

В камине горел яркий огонь, на столе стояли свечи и на нем сверкал хрустальный графин с живительной влагой. Хозяин дома и Борроклифф сидели друг против друга и, беседуя о событиях дня, то-и-дело передавали друг другу графин с жидкостью, которую они оба любили почти одинаково, и которая быстро испарялась из графина.

— Хоть бы Кит вернулся, хоть бы показал мне свое честное лицо!— говорил полковник.—Поверьте, Борроклифф, я в эту минуту был бы самым счастливым человеком.

Капитан в это время взглянул на дверь и увидел Диллона.

— Да вот он легок на помине!—воскликнул он.—Здравствуйте! Что это с вами за свита? Молодец шести футов ростом, не меньше!

Полковник встретил долгожданного родственника с горячею радостью и засыпал его вопросами, на которые тот, в виду присутствия боцмана, отвечал с большой осторожностью.

Том Коффин невозмутимо стоял, опираясь на свой гарпун, и с самым презрительным видом поглядывал кругом, хотя в первый раз в жизни видел такую роскошную обстановку.

Полковник тихо заговорил с Диллоном, и, должно-быть, их разговор был очень интересен, потому что они отошли в дальний угол комнаты. Борроклифф не обращал на это внимания и, не стесняясь отсутствием хозяина за столом, подливал себе все время живительную влагу. Когда он не смотрел в свой стакан, то поднимал с восторгом глаза на рослого боцмана и делал ему оценку, как вербовщик. Но вот послышался голос полковника, звавший его на совет.

Полковник избавил Диллона от повторения его лживого рассказа и с жаром передал его Борроклиффу сам, стараясь изобразить предательство Диллона, как нечто разумное, порядочное и вполне законное. В результате оказывалось, что Тома следовало задержать пленником и самим отправиться ловить Барнстэбля и его товарищей, чтобы подвергнуть их такой же участи.

Капитана, повидимому, не удалось провести. Он слушал полковника и в то же время так проникательно глядел на будущего судью, что тот невольно опустил глаза. Поэтому капитан сначала поколебался, как ему тут поступить; но когда он опять взглянул на рослого молодца-боцмана, то соблазнился и впал в искушение завербовать его. А боцман спокойно стоял, уверенный, в простоте души, что совещание идет о том, чтобы освободить мистера Гриффиса.

— Дриль,—громко позвал Борроклифф,—подойдите ближе и выслушайте мой приказ.

При этих неожиданных словах Том Коффин обернулся и тут только увидел, что сзади него стоят сержант и четыре вооруженных солдата.

— Отвести этого человека на гауптвахту,—продолжал капитан,—хорошенько накормить и, в особенности, хорошенько напоить.

В этом приказании ничего еще особенно тревожного не было. Том Коффин повернулся и пошел с солдатами, но на галерее их остановил капитанский оклик: „Стой!“

— Я передумал, Дриль,—сказал далеко не диктаторским тоном Борроклифф, стоя в дверях.—Отведите его лучше в мою собственную комнату и позаботьтесь, чтобы у него все было. Понимаете?

Сержант знаком ответил, что понял, и боцман весело пошел с ним, услышав, что ему дадут всего. Борроклифф возвратился к бутылке.

Капитанская комната была недалеко, и боцману скоро подали превосходный холодный ростбиф, любимое английское блюдо, всегда имевшееся на кухне у полковника Говарда.

Сержант понял капитанское приказание так, что нужно хорошенько затуманить голову боцмана, и своими руками приготовил огромную миску такого крепкого грога, что им можно было бы свалить с ног даже то четвероногое животное, мясо которого уписывал в это время за обе щеки Том Коффин.

Американец с удовольствием налег на грог и стал пить стакан за стаканом, но голова его оставалась „на своем месте“. Сержант, не рассчитывавший, что ему удастся напоить матроса, выпив вместе с ним, почувствовал, что сам захмелел. К счастью, пришел капитан и избавил его от позора напиться вдрызг самому, безуспешно пытаясь напоить другого. Войдя в комнату, Борроклифф отослал Дрилля, говоря:

— Необходимые указания вы получите от мистера Диллона. Том Коффин остался наедине с Борроклиффом. Он совершенно насытился и находился в том благодушном настроении, которое обычно появляется у людей после обильной еды. Он сидел на одном из капитанских сундуков и держал на коленях тарелку с остатками ростбифа. Капитан сел рядом с ним с фамильярной снисходительностью и завел беседу:

— Надеюсь, что вас угостили хорошо, мистер?.. Не имею удовольствия знать, как вас зовут.

— Мое имя Том,—отвечал боцман, глядя в тарелку.—Товарищи на судне прозвали меня Длинным Томом.

— Это имя. А фамилия ваша как?

— Коффин. Для скорости и краткости меня зовут просто Томом; в минуты смеха и веселья, когда погода хорошая,—Длинным Томом, а когда хотят отличить меня от всей моей родни—Томом Коффином Длинным.

— Вы, я вижу, хороший человек, мистер Коффин, и мне очень жаль, что вас так подвела измена мистера

ФЕНИМОР КУПЕР

Диллона.

— Меня никто не подводил. Мне просто велено было доставить сюда груз в виде мистера Диллона, который должен или сдать мне здесь мистера Гриффиса, или вернуться со мной вместе на „Ариель“.

— Увы, мой друг! Боюсь, что он не исполнит ни одного из этих условий.

— Чорт меня побери, если он не исполнит какого-нибудь из них! Я получил известный приказ и поступлю по приказу. Или пусть он возвращается со мной, или пусть мистер Гриффис снимается со здешней якорной стоянки.

Капитан с любопытством посмотрел на боцмана. После обильного возлияния тот сделался еще добродушнее и доверчивее. Не способный сам на предательство, он не допускал его со стороны других.

Капитан увидел, что нужно высказаться яснее и определеннее, и продолжал так:

— Мне очень грустно, но я должен вам сообщить, что вам не будет позволено вернуться на „Ариель“. Мистер Барнстэбл не больше, как через час, будет взят в плен, а вашу шкуну захватят прежде, чем наступит следующее утро.

— Кто же это ее захватит?—спросил с добродушной улыбкой боцман, хотя от этих угроз у него невольно кошки заскребли на сердце.

— Вы должны помнить, что она стоит под огнем батареи, которая может пустить ее в несколько минут ко дну. Уже послан нарочный к офицеру этой батареи с уведомлением, что „Ариель“—неприятельское судно, а так как ветер дует сейчас с моря, то спасение невозможно.

Том Коффин, наконец, понял всю ужасную правду. Тарелка с остатками ростбифа соскользнула у него с колен и упала на пол; голова его склонилась на грудь, и он невольно застонал.

Борроклиффу стало жаль этого бравого моряка, столько пережившего и уже начинавшего сесть. Он почувствовал искреннее уважение к его действительно большому горю. Но в нем в то же время еще сильнее заговорила жилка вербовщика. Он решил не упускать удобного случая.

— Мне вас очень жаль,—сказал он,—потому что я не знаю, как отнесется к вам и к вашим товарищам правительство. На него что найдет: то оно иногда смотрит на вас, как на военнопленных, то вдруг объявляет вас бунтовщиками, сажает в тюрьму и даже казнит. Вас, я думаю, пожалеют, не казнят, но в тюрьму, наверное, посадят. Для вас лично я, впрочем, вижу одно средство избавиться от тюрьмы.

— Какое?—спросил боцман.—Если оно не бесчестно, я согласен им воспользоваться.

— Запишитесь ко мне в роту. Тогда я могу гарантировать вам и жизнь и свободу.

Все лицо Тома Коффина исказилось—не улыбкой, а гримасой презрения и насмешки.

В тот же миг Борроклифф почувствовал у себя на шее железные пальцы.

Встряхнув Борроклифа, боцман далеко отшвырнул его на другой конец комнаты, причем капитан по дороге повалил стол и два-три стула.

Опомнившись от неожиданного насилия, Борроклифф вскочил и вынул шпагу.

— Негодяй! Я тебя за это проучу!

Боцман схватил свой гарпун, стоявший у стены, и направил его прямо в грудь капитана. Борроклифф не был трусом. Раздраженный полученным оскорблением, он отчаянно кинулся на врага, стараясь шпагой выбить у него из рук гарпун, но Том Коффин только слегка повернул кистью руки—и шпага вылетела из рук капитана. Но боцман не злоупотребил своей победой. Он оставил гарпун, бросился на капитана и схватил его своими громадными руками. Последовала новая борьба, но она была непродолжительна. Силач боцман справился с Борроклиффом, как с ребенком. Он ухватил его одной рукой за горло, чтобы тот не кричал, а другой рукой порылся у себя в кармане, достал целый ворох всевозможных веревок и бечевков и в одну минуту привязал капитана к его кровати. Покончив с этим, он постоял несколько секунд со скрещенными на груди руками, подумал и взял шпагу капитана. Отломав клинок, он привязал к эфесу две бечевки с каждой стороны и подошел опять к Борроклиффу.

Тот не заметил, что клинок от эфеса отломан, и в ужасе вскричал:

— Ради бога, что вы делаете! Вы хотите меня хладнокровно зарезать! Но он только это и успел сказать. Боцман всунул ему эфес шпаги в рот и завязал сзади у шеи веревками. Так поступал неоднократно и сам Борроклифф с непокорными солдатами.

Том Коффин, по праву победителя, принялся рыться в вещах капитана. Но ему все попадались вещи ненужные и какие-то странные: например, попались две серебряные штуки с колесиками. Том Коффин долго их рассматривал, пробовал так и этак, даже примерил, было, себе на шею, но кончил тем, что бросил их, решив, что это какие-нибудь сухопутные офицерские висюльки.

Борроклифф довольно добродушно следил за действиями боцмана и был очень доволен когда тот не пожелал завладеть его любимыми шпорами, но при этом капитан едва не задохся от смеха, который душил его вместе с воткнутым ему в рот эфесом шпаги.

Продолжая рыться в капитанских вещах, боцман дорылся, наконец, до пары пистолетов. Это оружие было ему знакомо хорошо; он даже сумел убедиться, что оба пистолета заряжены. Вид их напоминал ему об опасности, которой подвергался командир „Ариеля“, и о необходимости как можно скорее спешить к нему на помощь. Он засунул пистолеты за пояс своей синей блузы, взял снова гарпун и подошел к кровати, у которой сидел

ЛОЦМАН

Борроклифф, привязанный к ножке.

— Слушайте, приятель,—сказал моряк.—Я вам зла не желаю, но с заткнутым ртом вам все-таки придется пробыть несколько времени, а то вы поднимете крик и помешаете мне спасти товарищей.

С этими словами Том Коффин вышел в коридор, оставив Борроклиффа невредимым в освещенной комнате, но только в неудобном положении. Борроклифф слышал, как боцман повернул два раза ключ в замке и как он потом его выгасил, для большей верности, из двери, чтобы пленник как можно дольше просидел взаперти.

ГЛАВА XXIII

Выходя из комнаты Борроклиффа, Том Коффин не имел никакого другого плана, кроме намерения возвратиться как можно скорее на „Ариель" и разделить со шкуной ее участь. Но такое решение было гораздо легче принять, чем исполнить. Боцман скорее сумел бы пробраться с кораблем мимо скал и бурунов Чортовой бухты, чем выбраться из путаницы коридоров, переходов и галерей „аббатства".

Долго брел он ощупью в темноте, держась за стены, по коридору, в котором находилась комната Борроклиффа, и вышел, наконец, в большую галерею, которая соединяла эту часть здания с главным корпусом, В конце галереи он увидел полуоткрытую дверь, из которой шел яркий свет. Моряк сейчас же узнал ту самую комнату, из которой его увел сержант, и у него, конечно, хватило бы сообразительности, чтобы пойти в противоположную сторону, но он услышал разговор и произнесенное кем-то имя Барнстэбля. Поэтому он подошел к самой двери, встал в темноте и прислушался. Полковник сидел на своем обычном месте, спиной к дверям, а Диллон—на том стуле, где всегда сидел Борроклифф. Старик внимательно слушал рассказ своего молодого родственника о том, как тому удалось обмануть неприятеля, и приходил в детский восторг.

— Благородная хитрость!—воскликнул он.—Вы молодец, Кит!

— Конечно, сэр, моя маленькая хитрость была вполне законна, но...—возражал Диллон, с лицемерной скромностью опуская глаза.

К счастью Диллона, что полковник сидел так, что заслонял собой его, иначе Том Коффин выстрелил бы в предателя из пистолета. Но моряк не хотел как-нибудь нечаянно убить не того, кого было нужно, а потом и вовсе одумался, сообразив, что пистолетный выстрел взбудоражит весь дом.

— Что же вы мне ничего не скажете о наших дамах?—спросил Диллон.—Как они провели весь этот день, богатый такими событиями?

— Свое вино они очень заметно разбавили водой,—сказал полковник, оглянувшись кругом и понизив голос до шопота.—Мисс Говард даже удостоила пообедать сегодня с нами вместе. Но я-то понял, что все это потому, что здесь находится мистер Гриффис. Таким любезностям я цену знаю, и меня ими не проведешь. Гриффис все-таки будет отправлен в Тоуэр.

— Да. Его необходимо передать гражданскому начальству.

— Его передадут главному констэблю Тоуэра. Но до тех пор я считаю необходимым обращаться с пленниками великодушно и распорядился, чтобы у них было все необходимое. Надобно также пойти и сказать, чтобы приготовили комнату для Барнстэбля, которого тоже, должно-быть, скоро уже приведут.

— Через час, самое большое,—сказал Диллон.

— Так я пойду, Кит, надобно поторопиться,—сказал полковник, направляясь к другим дверям,—а вы ступайте к Цецилии и поздоровайтесь с ней...

Полковник вышел и затворил за собой дверь. Диллон остался один и задумался, стоя у стола. Потом он вдруг как-будто принял решение, налил и выпил две рюмки вина и вышел из комнаты. Проходя мимо спрятанного в темноте Тома Коффина, он шел очень быстрыми шагами, как люди, старающиеся себя подбодрить.

Том не стал колебаться. Тихонько притворив дверь, чтобы в галерее сделалось еще темнее, он последовал за Диллоном. Войдя в другой коридор, Диллон постучался в двери гостиной, и оттуда послышался голос мисс Говард: „Войдите". Охваченный смущением, Диллон отворил дверь, вошел и забыл ее за собой затворить.

— Мисс Говард,—сказал он,—меня послал к вам ваш дядюшка...

— Боже мой! Что такое еще хотят с нами сделать?—вскричала Цецилия, вставая с испуганным видом.—Запереть на ключ? Задушить?

— Мисс Говард, конечно, не думает приписывать мне серьезно таких...—начал было Кит, но вдруг остановился, заметив, что Цецилия, Катерина и мисс Денскомб с удивлением на что-то смотрят.

Он обернулся и прирос к полу от самого настоящего ужаса, потому что увидел сзади себя Тома Коффина, который стоял в дверях и своей громадной фигурой загораживал весь проход.

— Если здесь есть убийца, то это не иначе, как вот этот предатель,—сказал Том Коффин, хладнокровно оглядывая всю испуганную группу.— Меня вы можете не бояться, я старый моряк, и зла вам не сделаю. Я умею уважать женщин. Спросите кого вам угодно—вам всякий скажет, что Том Коффин ни разу в жизни не оскорбил никого.

— Коффин!—повторила Катерина, с некоторой доверчивостью выходя из угла, в который все три подруги убежали от испуга.—Не Длинный ли Том?

ФЕНИМОР КУПЕР

— Он самый, мисс! А вы разве слыхали о нем? Вам рассказывали, вероятно, как он бьет китов гарпуном?

— Том,—сказала Катерина, подходя к нему,—я слышала, что вы теперь состоите боцманом, верным товарищем и преданным другом мистера Ричарда Барнстэбля. Вы, может-быть, принесли мне от него письмо или какое-нибудь поручение?

При имени своего командира Коффин почувствовал новый прилив гнева. Окинув Диллона уничтожающим взглядом, он сказал ему грубым и суровым голосом, который развивается обыкновенно у всех моряков от привычки к бурям и битвам:

— Отвечай, подлый лгун! Почему старик Том Коффин находится в здешних рифах и каналах? С письмом ли он послан? Но только клянусь, что ты сегодняшнюю ночь будешь ночевать на „Ариеле“, если наша шкуна не погибнет, а если с ней что-нибудь случится, то и ты пойдешь на дно со всем ее экипажем.

Диллон присмирел и струсил, как заяц под лапой собаки. Три подруги от удивления не могли выговорить ни слова, а Том подошел к своей жертве, дрожавшей всем телом, связал Диллону руки за спину, обвязал его веревкой вокруг всего тела, другой конец веревки обвил вокруг своего пояса и прикрепил таким образом пленника к себе, оставив в то же время совершенно свободными свои руки и ноги...

Первая нарушила общее молчание Цецилия. Она сказала:

— Я убеждена, что мистер Барнстэбль не поручал вам делать такого насилия над родственником моего дяди в собственном доме полковника Говарда. Мисс Плоуден, ваш друг слишком забылся, если действительно он дал такое приказание этому человеку.

— Милая кузина,—с живостью возразила Катерина,—мой друг никогда ни своему боцману, ни кому бы то ни было вообще не даст непорядочного распоряжения. Скажите, честный моряк, за что вы так оскорбительно поступаете с мистером Диллоном, одним из обитателей „аббатства“ и родственником мистера Говарда?

— Но, Катерина...

— Подожди, Цецилия! Пусть этот человек выскажется. Это нам все объяснят!

С грехом пополам боцман дал требуемое объяснение. Из его рассказа на матросском жаргоне стало понятно, что Диллон совершил самое черное предательство. От изумления все три женщины долго не могли произнести ни одного слова и дали высказать матросу все до конца.

— Не может быть, чтобы полковник Говард присоединился к такому гнусному плану!—сказала Цецилия.

— Они вышли в плавание все вместе,—отвечал Том Коффин,—но один из крейсеров попадет не в тот порт, в который думает попасть.

— Даже сам Борроклифф, при всей своей холодной черствости, счел бы для себя бесчестьем такую измену,—заметила Цецилия.

— Но ведь его солдаты, вы говорите, посланы искать мистера Барнстэбля? Не так ли?—спросила Катерина.

— Посланы, мисс, но найдут ли они его, это еще надвое сказано. Капитан мой часто меняет место, и, кроме того, он нелегко дается им в руки. Теперь бы только его предупредить.

— Так что же вы? Идите скорее, не теряйте времени.

— Это легче сказать, чем сделать, молодая леди! На воде я проведу корабль всюду, где вам угодно и в какое угодно время, но на суше и ночью я ничего не могу сделать.

— Дело только за этим?—воскликнула Катерина.—Пойдемте со мной, я вас выведу на тропинку прямо к морю, так что вы нигде не встретите часовых...

До сих пор у Диллона была маленькая надежда, но теперь пропала и она. Кровь застыла у него в жилах. Он поднял опущенную от стыда голову, сделал несколько шагов к Цецилии, насколько позволяла веревка, и воскликнул голосом человека, перепуганного насмерть:

— Мисс Говард, не оставляйте меня в жертву ярости этого человека! Ваш почтенный дядюшка сам одобрил мой поступок и присоединился ко мне, чтобы довести его до конца. Ведь это вполне допустимая военная хитрость.

— Не может быть, мистер Диллон, чтобы мой дядя одобрил поступок, основанный на таком грязном предательстве,—холодно возразила Цецилия.—Еще того менее вероятно, чтобы он мог принять в нем участие.

— Однако, он в нем участие принял, клянусь вам в этом всем, что только...

— Лгун! Не клянись!—перебил его боцман громовым голосом, от которого Диллон задрожал всем телом.

— Мисс Говард, выслушайте меня еще раз, умоляю вас! Ведь я ваш родственник, ваш согражданин. Неужели вы оставите меня во власти этого разъяренного дикаря? Неужели вы допустите, чтобы он заколол меня этим ужасным гарпуном? Если бы вы сами видели то, что я сегодня утром видел на „Проворном“! Заступитесь за меня! Мистера Гриффиса выпустят на свободу и...

— Лгун! Не ври!—крикнул Том Коффин.

— Что он такое обещает?—спросила Цецилия, бросая взгляд на жалкого пленника.

— То, чего не собирается исполнить,—отвечала Катерина.—Идите за мной, честный Том! Я вам буду надежным проводником, вы мне можете довериться.

— Жестокая мисс Плоуден!—продолжал в отчаянии Диллен.—Кроткая, добрая мисс Денскомб! Не откажитесь замолвить за меня словечко! Заступитесь за меня!

— Не обращайтесь ко мне,—отвечала Алиса.—Я надеюсь, что вашей жизни не грозит опасность, и не вижу

ЛОЦМАН

надобности заступаться за вас.

— Ну, идем! — крикнул Том Коффин, хватая Диллона за шиворот. — Да помни, что если ты у меня хоть одно слово скажешь, хоть пикнешь, я тебя сейчас же избавлю от труда итти на „Ариель“. Этот гарпун у меня отточен на-славу, а ты не кит и слоем жира не обложен...

От этой угрозы пленник совершенно присмирел. Катерина пошла вперед, провела их несколькими коридорами, вывела в сад, а оттуда через калитку на луг. Указав боцману прямую тропинку, она пожелала ему успеха и вернулась в сад.

Том Коффин ускорил шаг. Теперь он шел вполне уверенно. Пленник едва поспевал за ним. Раза два он пробовал заговорить, но всякий раз получал в ответ грозное „молчать!“ Наконец, он сделал третью попытку и предложил боцману за свое освобождение большую сумму денег. Коффин вместо ответа приставил к его груди свой гарпун.

— Лгун! Скажи еще слово—и тебе капут!

Диллон больше не открыл ни разу рта.

Так они дошли до берега. Начались утесы. Боцман шел через них и тащил за собой пленника. Но вот и место, где было условлено свидеться. С утеса боцман разглядел вельбот.

— Гой! Ариельцы!—мощным голосом крикнул Том.

— Кто нас зовет?—отозвался знакомый голос Барнстэбля.

— Боцман!—отвечал Коффин.

— Он! Это он!—воскликнул лейтенант.—Ребята, к берегу! Коффин, тащя Диллона, спустился с утесов. Вельбот приблизился, но причалить не мог в виду мелкой воды. Боцман схватил перепуганного насмерть пленника поперек тела, вскинул себе на плечи, как мешок, и вошел в воду. Через две минуты он был уже в вельботе и положил пленника возле своего командира.

— Кого это вы нам принесли? — спросил Барнстэбль. — Это не Гриффис.

— Поворачивайте и идите!—крикнул Коффин.—Если вы любите „Ариель“, то гребите изо всех сил, не жалея рук.

Барнстэбль знал своего боцмана и не стал задавать ему вопросов до тех пор, пока лодка, помчавшись стрелой, не вышла в открытое море. Тогда боцман сам в немногих словах, но не без горечи, рассказал об измене Диллона и сообщил об опасном положении „Ариеля“.

— Но еще не все потеряно,—прибавил он.—Быстротой можно все спасти. Гребите, товарищи! Все зависит от нас самих.

Барнстэбль выслушал боцмана, как слушают похоронный звон, и, стиснув зубы, обратился к пленнику:

— Негодяй! Я бы мог теперь же выбросить вас в море, и никто бы меня за это не осудил. Но если моя шкуна пойдет на дно, то у вас тоже другой могилы, кроме морского дна, не будет, так вы и знайте!

ГЛАВА XXIV

Боцман, войдя в вельбот, отвязал от Диллона веревку; он был человеколюбив и желал предоставить пленнику относительную свободу действий на тот случай, если бы с лодкой случилось несчастье.

Вельбот плыл, борясь с волнами. Когда он стал входить в бухту, обогнув северный мыс, все глаза устремились в ту сторону, где должна была находиться шкуна, но ее не было видно в темноте, которую еще усиливала тень от скал, высившихся посредине бухты.

— Все тихо, точно все вымерло!—сказал Барнстэбль.

— Посмотрите, сэр, вот туда, налево!—сказал боцман.—Видите эту светлую полоску между двумя облаками? Там черная линия—грот-мачта нашей шкуны, я ее хорошо знаю. Да! Да! Шкуна еще цела!

— Но на ней как-будто все спят,—сказал Барнстэбль.—Мы являемся как-раз во-время; солдаты начинают шевелиться.

На батарее задвигались фонари. На шкуне послышался легкий шум: там, видимо, тоже готовились к маневрам, но очень осторожно. Барнстэбль пришел в величайший восторг, а Том смеялся от радости при мысли о том, что „Ариель“ в безопасности, и что экипаж его не спит. Вдруг весь корпус, все мачты и все реи судна сделались видны: небо, бухта и окружающие утесы осветились яркой молнией. Послышался свист ядра, пронесшегося над их головой. Коснувшись поверхности волны, ядро ударило в утес и откололо от него несколько обломков.

— Когда с первого раза плох прицел,—заметил боцман,—это для атакуемого хорошее предзнаменование. Дым мешает смотреть. Да и темно теперь.

— Этот юноша молодец для своего возраста!—воскликнул с восхищением лейтенант.—Поглядите, Том, мичман Мерри за ночь переменял стоянку, и англичане направили удар туда, где они видели „Ариеля“ вечером. Что с нами было бы теперь, если бы ядро попало в борт шкуны? Ведь оно пущено из тяжелого орудия.

— После такого ядра от нас не много бы осталось! Ребята, причаливай к носу!

Через несколько минут Барнстэбль и его товарищи были уже на шкуне, и Барнстэбль принял на себя

ФЕНИМОР КУПЕР

командование.

Твердым, спокойным голосом отдавал он приказания, маневрируя так, чтобы шкуна вышла из-под выстрелов. Впрочем, англичане стреляли плохо: их канониры были из числа необученных ополченцев.

— Скажите, для чего вы привезли с собой обратно на борт этого Иону?—спросил Барнстэбля мичман Мерри.—Взгляните, на что он похож: дрожит, трясется. При каждом полете ядра с ним делаются корчи... А что вы узнали нового о мистере Гриффисе и капитане Мануэле?

— Не говорите мне о них, Мерри,—отвечал Барнстэбль, хватая мичмана за руку.—Мне необходимо полное присутствие духа, а как только я вспомню Гриффиса и взгляну на этого предателя, у меня мысли начинают итти вразброд... Ну, да время еще придет!.. Извольте, сэр, приниматься хорошенько за дело! Ветер свежеет, а мы входим в узкий проток. Выйти из бухты мы должны во что бы то ни стало, но для этого нам придется пройти под выстрелами батареи с тридцатидвухфунтовыми орудиями. Вперед!

Батарея молчала, пока „Ариель” огибал мысок, но как только он приблизился к выходу из бухты, взвилось ядро, долетело до шкуны и срезало верх грот-мачты с парусом и флагом. Все это с треском рухнуло на палубу.

— Вот несчастье!—с досадой воскликнул Барнстэбль. Однако, быстро овладев собой, он хладнокровно распорядился немедленно очистить палубу от обломков, а паруса приладить вновь.

Но это ядро было последним, потому что шкуна вслед за тем уже вышла в море. Кое-как исправили аварию и пошли дальше.

Несколько часов „Ариель” крейсеровал, борясь с волнами и ветром. Наконец появились первые лучи солнца, и моряки получили возможность ориентироваться и оценить обстановку. Ураган усиливался. Пришлось убрать почти все паруса и оставить только самые необходимые, чтобы судно не выбросилось на берег.

Море имело грозный вид. Не менее грозен был вид неба и скалистого берега. Матросов охватила тревога. Барнстэбль был мрачен, но ничем не выдавал своего внутреннего беспокойства. Порядок и дисциплина были полные. Правда, два матроса предложили, было, хорошенько напиться всем пьяными, чтобы не было так страшно умирать, но услышавший эти слова Барнстэбль потребовал себе пистолеты таким тоном, что те сразу притихли, и после того не было ни одной попытки нарушить дисциплину.

— С изорванными парусами „Ариель” не в состоянии будет долго бороться с морем,—сказал Барнстэбль боцману в то время, как на шкуну набежали разом две волны и, казалось, готовы были ее поглотить.

— Если бы у нас не сломалась грот-мачта,—отвечал Том,—мы бы могли выйти в открытое море, а теперь нас несет к берегу, и через час мы будем в бурунах, если не прекратится буря.

— Одно средство: бросить якорь,—сказал лейтенант. Том посмотрел на своего командира и возразил ему с уверенностью глубокого опыта:

— У нас нет, да и вообще не может быть такого каната, который бы выдержал такую бурю. Об якорю нечего и думать.

— Все-таки нужно попробовать все средства для спасения судна. Велите приготовить два якоря и самые прочные канаты. Мы бросим сразу два якоря и, быть-может, спасем шкуну. Распорядитесь срубить все мачты. Пусть ветер встречает на своем пути только один корпус.

— Дело не в одном ветре,—заметил боцман,—нужно принять в расчет и водоизмещение корабля. Какой канат все это выдержит?

Приказание командира стали приводить в исполнение. Весь экипаж чувствовал, что применяется последнее средство для спасения корабля. Срубили мачты, побросали в воду обломки и смотрели, как все это исчезает в клокочущем водовороте. Два якоря впились в морское дно... Всякий раз, когда шкуна погружалась в волны, матросам казалось, что якоря вырываются из дна, и канаты с треском лопаются.

Все это время Диллон оставался на палубе. На него никто не обращал внимания. В отчаянии и тоске он решился подойти к боцману, стоявшему возле своей пушки среди толпы матросов, злобно глядевших на подошедшего пленника.

— Если вам жизнь не надоела,—сказал ему Том Коффин,—то советую держаться подальше от наших матросов: они на вас страшно злы.

Если вы ею дорожите, то старайтесь быть поближе к капитану Барнстэблю и его старому боцману.

— Обещаетесь ли вы меня спасти, если корабль разобьется?—вскричал Диллон.—Я обещаю, что широко обеспечу вас на всю жизнь.

— Вы слишком плохо держите ваши обещания, чтобы вам можно было верить,—отвечал Коффин сурово.— Но я даже киту не наношу удара, когда он уже истекает кровью.

Новые мольбы Диллона прервал крик всего экипажа. Шкуна поднялась на гребень огромной волны, свалилась в открывшуюся бездну, поднялась на другую волну и помчалась к берегу, как ореховая скорлупка.

— Якорный канат лопнул,—сказал Том Коффин поразительно хладнокровно.—Надо, по крайней мере, дать „Ариелю” спокойно умереть.

С этими словами он взял руль и направил судно так, чтобы оно врезалось в рифы носовой частью.

Лицо Барнстэбля было искажено отчаянием, но он сдержался и сказал матросам:

— Успокойтесь, ребята! Для вас еще не все потеряно. У нас водоизмещение небольшое, мы близко подойдем

ЛОЦМАН

к бурунам, да теперь и отлив. Готовьте лодки. Снаряжайте их.

Матросы вышли из оцепенения и спустили в воду одну лодку. Это был вельбот, в котором всегда ездил Том Коффин. В него сошли те матросы, которые всегда в нем гребли. Они с большим трудом удерживали вельбот вблизи шкуны и громко кричали, зовя боцмана садиться. Но Том отрицательно покачал головой и остался на шкуне, держа руку на руле и глядя вперед на буруны, к которым быстро летело судно. Вторую лодку, самую большую, унесло волной в тот момент, как ее только-что опустили в море. Всеобщее смятение и возбуждение были так велики, что этого почти никто и не заметил.

Раздался пронзительный голос боцмана: „Берегись! Держись крепче!“— и в ту же минуту набежавшая волна приподняла „Ариель“ и бросила его на острее утеса. Удар был такой, что все, кто не успел последовать совету Тома Коффина, попадали на палубу. Всех охватил ужас, но более опытные моряки думали одну минуту, что самая сильная опасность миновала. Между тем набежала еще более бешеная волна, снова приподняла корабль и швырнула его на камни. Поток воды ворвался на палубу с кормы и прокатился по всей палубе, смывая все на своем пути. Смущенные матросы увидели свою потерянную лодку, видели, как ее подхватила другая волна и швырнула в буруны, так что от нее не осталось ни одной дощечки. Но „Ариель“ стоял на скалах в таком положении, которое, казалось, обеспечивало его на некоторое время от ярости волн.

— Спасайтесь, ребята!—сказал Барнстэбль, воспользовавшись затишьем.—У вас есть еще одна лодка, вы можете на ней доплыть до берега. Отъезжайте, вы вели себя честно и мужественно.

Матросы толпой бросились в лодку, которая сильно осела от тяжелого груза. Переглянувшись между собою, они увидели, что Барнстэбль, Мерри, Диллон и Том Коффин остались еще на „Ариеле“. Лейтенант задумчиво прошаживался по палубе, а мичман держал его за локоть и с жаром убеждал съехать с разбитого судна. Диллон делал не одну попытку спуститься в лодку, но всякий раз, когда он подходил к борту, матросы с лодки делали ему угрожающие знаки, и он в отчаянии отходил прочь. Том спойно сидел внизу бушприта и на все призывы товарищей отвечал тем, что знаками приказывал им плыть к берегу.

— Послушайтесь меня, мистер Барнстэбль,—говорил со слезами Мерри,—не ради меня, не ради вас самих, но хоть из любви к моей кузине Катерине! Сойдите в лодку!

— Ни за что, Мерри! Ни за что не сойду!—воскликнул Барнстэбль.— Буду ждать своей судьбы. Будь что будет!

— Пожалейте хоть этих людей,—не унимался Мерри.—Они в опасном положении. Первая же волна ударит вельбот о шкуну.

Барнстэбль указал ему рукой на вельбот и твердым тоном приказал туда сходить.

— Если вы не сойдете, то и я не сойду!—воскликнул юноша.—Отъезжайте, ребята! Мы с мистером Барнстэблем остаемся на „Ариеле“.

— Мерри, мне поручена ваша жизнь, я за нее отвечаю!—сказал Барнстэбль и в ту же минуту схватил мичмана на руки. Тот отбивался, но лейтенант передал его с рук на руки матросам, которые посадили его в лодку.—Поезжайте, ребята!—прибавил он.—Ваша лодка и так уж слишком перегружена.

Матросы не спешили, однако, исполнить это приказание, потому что увидели быстро подходившего к ним боцмана. Они подумали, что он уговорит капитана и сойдет с ним в лодку сам. Но Том последовал примеру самого Барнстэбля: быстро взял его на руки, не говоря ни слова, стал держать над лодкой, пока матросы не подхватили своего командира и не посадили.

— На моих глазах была прибита первая доска „Ариеля“,—воскликнул боцман,—и после того, как отдерется последняя, не желаю больше и жить!

Товарищи с трудом расслышали его слова. Как только вельбот перестала удерживать веревка, он быстро помчался по волнам, потому что править рулем не позволяла нагруженность лодки. Том, оставаясь неподвижным, следил за ними глазами. Перед самым берегом лодка разбилась, и бывшие в ней люди бросились вплавь. Боцман с тревогой глядел, что будет. Когда, наконец, он увидел Барнстэбля на прибрежном песке вместе с Мерри,—бравый моряк громко закричал от радости, потом сел внизу бушприта и отвернулся от берега. Из матросов спаслись далеко не все.

На „Ариеле“ оставались теперь только Том и Диллон. Юрист с тупым отчаянием смотрел на происходившее. Но вот ему пришла в голову одна мысль. Он воодушевился и подошел к боцману.

— Мне кажется, что, когда будет отлив, нам можно будет переправиться отсюда на твердую землю,—проговорил он дрожащим голосом, но с видимой надеждой.

— Разве мы можем ходить по воде?—спросил серьезно боцман.

— Вы думаете, что мы в большой опасности?

— Это как для кого. Если кто очень боится смерти... Чу! Вы слышите шум внизу, у вас под ногами?

— Это ветер ударяет в борты корабля.

— Нет, это сам наш корабль стонет перед гибелью. Вода разламывает его киль, сейчас он весь разрушится.

— Так что же вы не спасаетесь?

— Я не желаю спасаться.

— Но я-то вовсе не желаю здесь погибать. Я умею плавать. Нет ли здесь каких-нибудь обломков?

ФЕНИМОР КУПЕР

— Ничего нет.

Под килем шкуны гудело все громче и громче. Ужас Диллона дошел до крайней степени. Он вдруг решился и кинулся в море.

Боцман стал следить за ним. Диллон плавал хорошо, но течение относило его от берега.

— Левее! Левее!—кричал ему старый моряк.—Старайтесь выбраться из течения! Поверните руль на юг!

Диллон слышал его голос, но слов не разобрал. Несколько минут он еще бился в волнах, потом убедился, что у него ничего не выйдет, и инстинктивно поплыл обратно на шкуну. Но силы его покинули, он не доплыл до „Ариеля“ и пошел ко дну.

В эту самую минуту бешеная волна ударилась об „Ариель“, и корабль не выдержал этого удара. Он весь распался, и волны понесли обломки к утесам вместе с телом храброго простака-боцмана.

ГЛАВА XXV

Бесконечно долгими казались Барнстэблю часы, пока море не отхлынуло от берега и не обнажило песок, на котором можно было отыскивать тела погибших товарищей. Как только находили чье-нибудь тело и убеждались, что человек действительно умер, его зарывали тут же, на берегу. Но кого больше всех любил капитан, кем больше всех дорожил, тело того не находили. Барнстэбль пересчитал спасшихся и насчитал двенадцать матросов. Выяснилось, что нехватает двоих: Тома Коффина и пленника Диллона.

— Не говорите мне, что он не может быть жив!—воскликнул в сильном возбуждении Барнстэбль, которого все время не покидал мичман.— Бывали случаи, когда моряки спасались среди обломков разбитого судна.

— Я не думаю, чтобы он спасся,—возразил Мерри,—не имею на это ни малейшей надежды. Да он, видимо, и не желал спастись, потому что даже не принимал мер к этому.

Вдруг послышался крик нескольких матросов. Они нашли еще одно мертвое тело. Его только-что выбросила на песок волна.

— Это мой бедняга-боцман!—воскликнул Барнстэбль и побежал к телу. Но в трех шагах от тела он остановился и сказал:

— Это не он! Это тот негодяй!.. Взгляните, Мерри, у него даже лицо не переменялось, а руки раздвинуты так, как-будто он все еще плывет.

— Выбросите его опять в море, в добычу акулам!—яростно закричали матросы.

Барнстэбль отвернулся от мертвеца с отвращением, но когда он услышал слова матросов, то снова повернулся и сказал властным тоном:

— Это гадость! Это позор! Предайте его погребению.

Барнстэбль медленно отошел, отдав это распоряжение.

— Заройте его в песок,—сказал, Мерри.—Первым же приливом его вымоет вновь и унесет опять в море.

Мичман догнал Барнстэбля и пошел с ним рядом. Лейтенант прохаживался вдоль берега, с тревогой поглядывая на море. Так проходил он не меньше двух часов и, наконец, потерял всякую надежду увидеть своего боцмана.

— Вот уже и солнце садится,—сказал он,—пора бы выставить вахту. Но только что же мы будем охранять?

— Море выбросило на берег много очень полезных вещей,—отвечал Мерри.—Бочки с провизией, ящики с оружием.

— А для чего нам оружие? С кем мы будем сражаться? Со всей Англией разве?

— Не со всей Англией, но ведь нам придется же здесь дожидаться возвращения куттера, посланного искать фрегат. Я полагаю, что мы можем и не сдаваться в плен: наше положение не такое уж отчаянное.

— В плен! Конечно, нет, Мерри!—воскликнул лейтенант.—Англия отняла у нас только шкуну... Но что это за славное было суденышко! Легкое, ходкое, в полном смысле слова образцовое. Я любил его, знал на нем каждую доску, и каждая была мне дорога.

Барнстэбль стиснул руку мичмана и продолжал с волнением:

— Но корабль—что! Это все-таки дело наших рук, его нельзя любить, как любишь иногда человека. А вот мой Том, мой верный друг!.. Я с ним ходил в первое мое плавание, Мерри! Я был тогда ваших лет, все мне представлялось сплошным удовольствием и счастьем. Я ничего не знал и потому ничего не боялся. Я убежал из родного дома, и Том сделал для меня то, чего ни один родственник не мог бы для меня сделать при тех условиях. Он был мне на море отцом и матерью. Годы, месяцы, дни он усердно учил меня морскому делу. Мы вместе переходили с корабля на корабль, из моря в море, не расставаясь никогда!

Барнстэбль закрыл себе обеими руками лицо и заплакал. Мерри всегда любил и уважал Барнстэбля. Они сидели рядом на краю утеса и оба молчали.

Наконец Барнстэбль успокоился и встал. Лицо его несколько прояснилось. Он вдруг заговорил, и таким резким голосом, что мичман был бесконечно удивлен.

— Однако, сэр, мы тут с вами расселись, а наши матросы ждут наших распоряжений,—сказал он.— Нужно о них позаботиться. Будет вам чертить фигуры кортиком на песке. Сейчас начнется отлив, и нам нужно

ЛОЦМАН

отыскать себе где-нибудь пещеру, чтобы укрыться на ночь. Займемтесь этим, пока солнце еще не совсем село. Посмотримте, не найдется ли у нас чего-нибудь поесть, и не окажется ли какого-нибудь оружия для самозащиты.

Удивленный мичман покорно встал и пошел с Барнстэблем к матросам. Дорогой лейтенанта сейчас же покинула его напускная резкость, и он снова заговорил с Мерри обычным дружеским и сердечным тоном.

— Нам очень не повезло, Мерри,—сказал он,—но все-таки не следует приходить в отчаяние. Я вижу, что наши матросы нашли довольно много провизии, а с оружием мы можем захватить какую-нибудь неприятельскую шлюпку и отправиться навстречу фрегату... Бедный „Ариель"! Как разбился! Взгляните, Мерри: на берегу не наберется ни одной пары досок, соединенных вместе.

Мичман не стал поддерживать разговора на эту тему, а заговорил о другом.

— Я вижу, сэр,—сказал он,—в некотором расстоянии от нас, возле вот того ручья, проход в глубь страны. Не найдется ли там в лесу какого-нибудь убежища для нас? А потом мы могли бы поискать вдоль берега какую-нибудь лодку и завладеть ею.

— Я бы не прочь был дожждаться ночи и захватить эту проклятую батарею которая оторвала самую лучшую мачту у „Ариеля". Предприятие исполнимое Мери! Овладев батареей, мы можем на ней дожждаться куттера или фрегата.

— Если вы предпочитаете штурмовать крепости, а не захватывать корабли на abordаж, то здесь поблизости найдется одна каменная крепостца... и... и...

— Говорите, Мерри, все прямо, на чистоту.

— И гарнизон этой крепости не весь состоит из врагов. Можно будет освободить мистера Гриффиса и капитана Мануэля... и... и...

— И что еще, сэр?

— И повидаться с моими кузинами—Цецилией и Катериной. Слушая Мерри, Барнстэбль воодушевился и даже несколько повеселел.

— Ну, да, разумеется. Это будет настоящим военным предприятием,—согласился он.

— Я полагаю, что когда мы овладеем „аббатством", полковник Говард признает себя военнопленным,—прибавил Мерри.

— И он, и его воспитанницы... В вашем проекте, Мерри, есть здравый смысл, надобно только хорошенько его обдумать. Поговорите с матросами, подбодрите их, чтобы они согласились пойти на это дело.

Барнстэбль и Мерри присоединились к матросам и дружески побеседовали с ними. Матросы уже раскупили одну из найденных на берегу бочек с сухарями. Лейтенант велел всем вооружиться, взять с собой провизии на сутки, и маленький отряд отправился искать дорогу.

Когда они вошли в глубокий овраг, на дне которого протекал ручей, Барнстэбль велел остановиться, а сам с мичманом поднялся на утес и стал смотреть на море.

Вдруг мичман вскричал:

— Парус!.. Корабль на море!.. Это фрегат!

— Как вы можете видеть парус в такую бурю? Какой еще корабль, кроме нашего несчастного „Ариеля", отважится пуститься на такую опасность?

— Посмотрите сами. Конечно, парус! Вот его осветило солнце. Парус, сэр! Это уж верно.

— Я теперь вижу, про что вы говорите, Мерри, но только это не парус, а скорее чайка... Ах, нет, вот он вынырнул из воды. Действительно парус. Это судно. Дайте мне трубку, Мерри! Может-быть, это еще и друзья.

Мичман с нетерпением ждал, что скажет лейтенант, и не замедлил спросить:

— Ну, что? Как по-вашему? Фрегат или куттер?

— Трудно определить, но маленькая надежда у нас, кажется, есть. Судя по реям, как-будто фрегат. Это хорошо, Мерри! Теперь у нас будет куда поместить пленных, если мы овладеем „аббатством".

— Нужно будет дожждаться утра, потому что лодка не может теперь пристать к берегу.

— Теперь, конечно, не может, она разобьется, как наша. Но ветер утихает, и завтра к утру море успокоится. Двинемтесь в путь, надо же укрыть куда-нибудь наших матросов.

Офицеры спустились с утеса и снова встали во главе своего отряда. Некоторое время они шли оврагом и затем очутились в густом лесу.

— Если не ошибаюсь, здесь сейчас будут какие-то развалины,—сказал Барнстэбль.—У меня есть карта, на которой они значатся. Кстати, что это там впереди? Не они ли?

— Правда, я вижу какую-то грудку камней,—сказал мичман.—Ее, что ли, вы ищите?

— Тут развалин так много, что на их месте можно было бы построить целую деревню,—заметил Барнстэбль.

Отряд подошел к тем самым развалинам, которые так плохо защитили в свое время Гриффиса, Мануэля и их солдат.

Осмотрев местность, они заняли одно из менее разрушенных помещений и расположились поужинать.

Когда все матросы легли спать, Барнстэбль разбудил успевшего задремать мичмана и знаком пригласил его следовать за собой. Мичман сейчас же встал, и они оба тихо, бесшумно вышли из развалин.

ФЕНИМОР КУПЕР

ГЛАВА XXVI

Капитан Борроклифф за ужином так много ел и пил и так был весел, что никому бы и в голову не могло прийти, что он только-что держал у себя во рту в продолжение нескольких часов эфес собственной своей шпаги.

Визави с ним сидел Гриффис, занимавшийся не столько кушаньями, сколько своей молоденькой соседкой, со щек которой все время не сходил румянец.

Живая, немного резкая Катерина Плоуден сидела рядом с мисс Денскомб и порою посматривала не без насмешки на прямую и твердую осанку капитана Мануэля, который сидел напротив. Место, приготовленное для Диллона, было не занято.

— Итак, Борроклифф, морской волк сыграл с вами знатную штуку,— говорил, весело смеясь, полковник Говард.

— Да! Заставил меня глотать собственную шпагу!—невозмутимо отвечал капитан.—Но все-таки он молодец, и если бы такую штуку сделал какой-нибудь рядовой моей роты, я бы сейчас же произвел его в сержанты.

— Я одному удивляюсь,—продолжал полковник,—как это мой племянник позволил без шума увести себя из „аббатства“. Для меня это необъяснимая загадка.

Катерина рассмеялась.

— Наш кузен вообще мужчина таинственный и любит все делать под шумок, разве вы не знаете? —сказал капитан.—Впрочем, обратите внимание, как смеется мисс Плоуден. Мне сдается, что ей неизвестно, каким образом мистер Диллон покинул замок, и что она могла бы нам об этом кое-что рассказать.

Катерина не могла удержаться от хохота и прыснула опять.

— Что это значит?—воскликнул полковник —Позвольте вам сказать, мисс Плоуден, что ваша веселость чрезвычайно неуместна. Я надеюсь, что с моим родственником обращались почтительно. Мистер Гриффис, я полагаю, что обе стороны должны относиться друг к другу одинаково корректно.

— Если с мистером Диллоном случилось только то, что могло возбудить смех мисс Плоуден, и ничего хуже, то я полагаю, сэр, что он должен считать себя очень счастливым.

Катерина, едва сдерживая смех, подбежала в это время к кухне, которой лакей докладывал о приходе в замок коробейника. Так как обед уже кончился, то Цецилия распорядилась позвать разносчика в залу. Разносчика привели.

Он оказался очень молоденьким юношей, лет шестнадцати. Весь товар у него находился в коробе, которым сейчас же завладела Катерина и выложила часть товара на стол. Тут были духи, ленты, шнурки, кружево и разные маленькие вещицы женского обихода.

— Взгляните, дорогой опекун,—сказала Катерина.—Ваше сердце может порадоваться. Здесь, в лавочке, есть духи, которыми душатся два герцога; они и завернуты в бумажку с их гербами. Позвольте мне отложить коробочку лично для вас. Я вижу по вашему лицу, что вы согласны. А вот букварь—это как-раз для капитана Борроклиффа, а то он стал грамоту забывать. Как все хорошо подобрано! Послушайте, молодой человек, вы, должно-быть, имели в виду „аббатство“, когда подбирали свои товары?

— Это правда, миледи,—отвечал молодой человек, делая умышленно неловкий поклон.—Я слышал не раз, что в старом „аббатстве“ живут молодые леди, и нарочно сделал несколько миль крюку в надежде продать здесь что-нибудь.

— И вы не ошиблись,—сказала мисс Плоуден.—Цецилия, это прямой поход на ваш кошелек. Я не знаю, сможет ли и мисс Денскомб удержаться от непредвиденного расхода, несмотря на смутное время. Помогите мне, молодой человек! Показывайте, что у вас есть хорошенького для дам. Соблазняйте нас.

Разносчик подошел к столу, на который Катерина поставила его короб, перебрал весь товар и, не вынимая руки со дна короба, показал что-то Катерине, говоря:

— Вот, миледи!

Катерина вздрогнула и устремила на молодого торговца свои пронизательные глаза, потом робко и смущенно оглянулась на всю компанию. Цецилия молчала. Мисс Денскомб прислушивалась к спору, возникшему между полковником и капитаном Мануэлем о каких-то военных правилах. Гриффис сидел задумавшись. Но когда Катерина взглянула на капитана Борроклиффа, то заметила, что он не спускает с нес глаз.

— Однако, Цецилия, мы злоупотребляем терпением наших джентльменов,—сказала она после минутной паузы.—Мы не только засиделись за столом на целых десять минут после того, как сняли скатерть, но и разложились тут со своими духами, лентами и шпильками, когда мужчинам пора. пить мадеру и курить сигары.

— Сигару я никогда не позволю себе закурить в присутствии мисс Плоуден,—отвечал полковник.

— Пойдемте, кухня,—продолжала Катерина.—Полковник Говард сделался чрезвычайно учтив; это значит, что наше присутствие ему уже в тягость.

Цецилия встала и направилась к дверям. Катерина пошла за ней и на ходу обернулась, чтобы сказать разносчику:

— Юноша, идите за нами в гостиную. Мы пересмотрим ваши товары и отберем, что нам нужно.

— А как же мой букварь, мисс Плоуден?—сказал, также вставая, Борроклифф.—Впрочем, я, быть-может,

ЛОЦМАН

отыщу себе у разносчика какую-нибудь другую книгу, более подходящую для чтения молодого человека уже довольно зрелого возраста.

Он взял короб из рук разносчика. Цецилия вернулась на свое место. Катерина вынуждена была последовать ее примеру и сделала это не без досады.

— Подойдите сюда, молодой человек,—сказал Борроклифф,—и рассказывайте, что у вас тут. Вот мыло, ножницы, перочинный ножик, это я все знаю. А вот это что? Как называется?

— Это? Это полотняная лента,—отвечал торговец с заметным нетерпением и неудовольствием.

— А это?

— Это?—Торговец замялся.

— Знаете, капитан, с вашей стороны даже нелюбезно задерживать дам и мешать их покупкам, спрашивая о пустяках,—вмешалась Катерина.— Неужели вы никогда не видали тамбурного крючка?

— Правда, на этот вопрос было легко ответить,—сказал капитан.— Ну, я задам потруднее.

Он достал из короба что-то другое и, держа так, чтобы эту вещь, кроме разносчика, никто не видел, спросил его:

— А вот это что такое? Как называется?

— Это... отделка.

— Отделка?... Может-быть, подделка?

— Сэр, у меня подделок нет!—воскликнул разносчик, гордо подняв голову.

— О, может-быть, самая маленькая и найдется... Мисс Денскомб, у этой вещи есть какое-нибудь название?

— Это называется прошивкой,—отвечала она.

— Отделка, прошивка—все одно!—воскликнул торговец.

— Вы думаете?—с подчеркнутой иронией спросил капитан.—Мне все-таки кажется странным, что вы торгуете товаром, а названия знаете не твердо. Первый раз вижу такого торговца. Держу пари, что вы не знаете, как называется ни вот это, ни вот это, ни вот это.

С этими словами капитан достал из кармана и выложил на стол три сорта веревок, которыми в предыдущую ночь его связал боцман с „Ариеля“.

Желая восстановить свою репутацию, разносчик живо отрапортовал название всех трех сортов.

— Довольно, довольно!—сказал Борроклифф.—Свое ремесло, я вижу, вы знаете хорошо; вы только товара, которым взялись торговать, не знаете. Мистер Гриффис, этот молодой человек принадлежит к составу вашего экипажа.

— Не имею никакой возможности отрицать это, сэр,—ответил Гриффис, со вниманием прослушавший весь допрос.—С какой бы целью вы ни явились сюда, мистер Мерри, скрываться дольше бесполезно.

— Мерри!—воскликнула Цецилия.—Это вы, мой милый кузен! Вы тоже попали в руки врагов? С какой стати было это делать? Уж довольно, кажется, одного...

Мисс Говард во-время опомнилась и не договорила фразы, но благодарный взгляд, брошенный на нее Гриффисом, показал ей, что он понял недоговоренное.

— Что только делается!—воскликнул полковник, прерывая свой разговор с капитаном Мануэлем.—Мои воспитанницы обнимаются и целуются на моих глазах с каким-то бродягой, с разносчиком! Мистер Гриффис, тут опять какая-нибудь измена? Кто этот молодой человек? Что значит этот визит?

— Что же удивительного, сэр,—сказал мичман, бросая свою деланную застенчивость и становясь самим собой—развязным и откровенным,— что удивительного, что Андрей Мерри, у которого нет ни матери, ни сестер, захотел повидаться со своими двумя родственницами, которые у него одни только и есть на всем свете?

— Мерри! Для чего же этот маскарад? В нем не было никакой надобности, чтобы притти к старому Джорджу Говарду. Вам незачем было приходить сюда украдкой.

— В гостеприимстве полковника Говарда никто не может сомневаться,—отвечал Мерри,—но ведь известна также и его преданность Англии.

— Да, молодой человек, и я горжусь, что все обо мне так говорят.

— Мог ли я, в таком случае, не опасаться, что он сочтет своей обязанностью забрать меня в плен?

— Положим, это верно. Капитан Борроклифф, я думаю, что этот мальчик говорит искренно. Как жаль, что нет моего Кристовера Диллона: я бы с ним посоветовался, можно ли отпустить мичмана-разносчика с миром, не включая его в число пленных?

— Кстати, спросите-ка у него про юриста,—сказал Борроклифф, весьма довольный тем, что ему удалось разоблачить переодетого американского офицера.—Может-быть, джентльмену поручены какие-нибудь переговоры по поводу его пленного сиятельства.

— Да, сэр, правда!—сказал полковник.—Не можете ли вы сказать, что случилось с моим родственником Кристовером Диллоном?

Глаза всех уставились на Мерри, который сразу смутился и сделался мрачен. На его лице отразилось глубокое отвращение. Наконец, он проговорил глухим голосом:

— Он умер.

ФЕНИМОР КУПЕР

— Умер!—разом воскликнули все, кто только был в комнате.

— Да, умер,—повторил Мерри.

Несколько минут продолжалось смущенное молчание. Первый заговорил Гриффис.

— Объясните нам, сэр, при каких обстоятельствах он умер и что случилось с его телом?

Молодой человек ответил только на второй вопрос, не желая сообщать о крушении „Ариеля" и об опасном положении Барнстэбля с товарищами.

— Он похоронен в песке, на берегу моря,—сказал он.

— Как в песке?—воскликнули все присутствующие.

— Но как же он умер?—повторил вопрос Гриффис.

— Этого я объяснить не могу,—отвечал Мерри.

— Его убили!—воскликнул полковник Говард, в горе и гневе закрывая себе лицо руками.—Предательски убили!

— Его никто не убивал,—с твердостью сказал молодой американец.

— Но ведь он умер? И зарыт в песке? Вы так сказали?

— То и другое правда, сэр!

— И вы отказываетесь объяснить, каким образом он умер и почему его так бесславно похоронили?

— Его хоронили по моему распоряжению, сэр,—отвечал Мерри,— а если похороны вышли бесславными, то в этом виновато его собственное поведение. Что касается рода его смерти, то на этот вопрос я пока ответить не могу.

— Успокойтесь, кузен,—вмешалась Цецилия.—Вспомните лета моего дядюшки и подумайте, как он был привязан к Диллону.

Тем временем полковник успокоился настолько, что мог хладнокровнее продолжать разговор.

— Мистер Гриффис, я не хочу действовать торопливо,—сказал он.— Но я вас и капитана Мануэля попрошу удалиться пока в свои комнаты. Стражи я к вам не приставлю, верю вашему честному слову. Идите, джентльмены!

Пленники поклонились дамам и хозяину и пошли. В дверях Гриффис остановился и сказал:

— Полковник Говард, этого ребенка я поручаю вашей доброте и снисходительности. Я знаю, вы не забудете, что в его жилах течет одна кровь с вашей племянницей.

— Довольно, сэр, довольно!—остановил его полковник и знаком предложил ему уходить.—Молодые леди, я вас тоже попрошу уйти. Здесь вам не место.

— Я не уйду от этого мальчика, пока он находится под таким обвинением,—сказала Катерина.

— Во всем этом деле просто какое-то недоразумение,—сказал, вставая из-за стола, капитан Борроклифф.—Я убежден, что его можно выяснить, если отнестись к делу спокойно. Молодой человек, вы носили оружие и, следовательно, должны знать, что бывает с теми, кто попадает в руки неприятеля.

— Сэр, это со мной случается в первый раз.

— Но обычаи-то военные вы должны знать.

— Я знаю, что вы можете отправить меня в тюрьму, даже на виселицу, потому что я пришел к вам переодеться.

— И вы так спокойно к этому относитесь? Молоденький юноша, почти мальчик?

— Вы этого сделать не посмеете, капитан Борроклифф!—воскликнула Катерина, невольным жестом обнимая рукой своего кузена, как бы желая его защитить.—Полковник Говард, вам будет стыдно, если вы до чего-нибудь допустите.

— Если бы устранить все эти дамские чувства и нежности,—тихо сказал Борроклифф полковнику,—то мы допросили бы его спокойно и что-нибудь из него вытянули бы.

— Мисс Говард и вы, мисс Плоуден,—сказал властным тоном полковник,—ваш родственник ведь не попал к дикарям в руки. Вы можете поручить его мне. Простите, мисс Денскомб, что я так долго задержал вас на ногах. Вы можете отдохнуть на диване в гостиной Цецилии.

Он взял Цецилию и Катерину под руки и проводил их до дверей. В дверях он с ними учтиво раскланялся. Он бывал с ними всегда особенно учтив, когда причинял им какую-нибудь неприятность.

— Повидимому, вы сознаете опасность, которой вы подвергаетесь, мистер Мерри,—сказал Борроклифф, когда дамы вышли.—Надеюсь также, что вы понимаете и мой долг, как военного?

— Исполняйте его, сэр!

— Вероятно, вы не один предприняли такой шаг?

— Если бы я был не один, а с достаточной свитой, то капитану Борроклиффу пришлось бы не меня допрашивать, а отвечать самому на вопросы.

— Я очень рад, сэр, что ваша свита так немногочисленна, но все-таки нахожу, что на шкуне „Ариель" вам могли бы дать свиту и побольше. Однако, это не мешает мне предполагать, что ваши друзья где-нибудь не очень далеко отсюда.

— Эти враги здесь, господин капитан,—сказал незаметно вошедший сержант Дрилль.—Вот и молодой человек, которого они ограбили. Он говорит, что у него отняли верхний кафтан и короб с товарами.

ЛОЦМАН

Борроклифф знаком подождал молодого торговца подойти поближе. Тот подошел и с негодованием передал, что с ним было.

На него напали мужчина и мальчик (мальчика он узнал в Мерри) близ старых развалин на опушке леса. Он как-раз в это время собирался итти в „аббатство" и раскладывал товар для дам. У него отняли короб со всем, что в нем было, и даже кафтан. Этот кафтан оказался теперь на Мерри. После этого засадили торговца наверх старой башни, но он часто бывал тут и раньше, был хорошо знаком с расположением развалин и без труда успел убежать. Кончил парень просьбой о правосудии и о возвращении ему имущества.

Мерри слушал гневный и злобный рассказ торговца с презрительным спокойствием и, не дав ему кончить, презрительно швырнул ему его кафтан.

— Мы одурачены, обойдены, окружены и осаждены, мой дорогой хозяин, вот что!—воскликнул Борроклифф.—План составлен хитро, но мы старые солдаты и сумеем его разрушить. Дриль, уведите этого юношу, держите его под крепким караулом, но смотрите, чтобы он ни в чем не нуждался.

Капитан учтиво ответил на надменный поклон юного мичмана.

— В мальчишке есть огонек!—воскликнул капитан, когда сержант увел Мерри.—Если он доживет до усов, то из него выйдет мужчина, который будет внушать всем уважение.

— Но они убили моего родственника, ученого Кристовера Диллона!— воскликнул полковник.

— Если они его убили, они за это ответят,—сказал Борроклифф, садясь к столу с хладнокровием, которое могло служить ручательством за его беспристрастие.—Торопиться нам некуда. Расследуем все основательно и подробно.

Полковник не мог ничего возразить и тоже сел на свое место к столу. Капитан приступил к допросу разносчика.

Из допроса выяснилось, что „аббатству" угрожает очень серьезная опасность, но в то же время капитан получил такие сведения, которые давали ему полную возможность принять все необходимые оборонительные меры.

ГЛАВА XXVII

Мисс Денкомб удалилась к себе в спальню, а две кузины прошли в свою и оттуда в комнату, которая служила им будуаром. Обе они были сильно встревожены за Мерри, которого они сердечно любили, как единственного двоюродного брата и к тому же сироту. Впрочем, он находился в руках полковника Говарда, и они знали, что опасность грозит только свободе мальчика, а не его жизни. Катерина в волнении ходила по комнате. Цецилия сидела, опустив голову на руку...

— Барнстэбль должен находиться где-нибудь недалеко отсюда,—сказала Катерина после некоторой паузы.—Не может быть, чтобы он послал мальчика, а сам остался вдали. У него есть какой-нибудь план.

— Какой же план? Об обмене пленными теперь не может быть и речи, и, чего доброго, их еще сделают ответственными за смерть Диллона.

— Вы думаете, что этот негодяй умер? А мне сдается, что Мерри это просто выдумал для какой-нибудь цели. Он ведь большой проказник.

— Нет, он умер,—вздрыгнула Цецилия.—Нужно было видеть лицо Мерри, когда он говорил об его смерти... Я боюсь, не увлекся ли мистер Барнстэбль гневом и мстью...

— Вы? Вы можете это думать, Цецилия?—воскликнула Катерина.— Ручаюсь, что никогда Ричард Барнстэбль не прольет крови врага иначе, как в бою.

— А этот матрос...

— У этого матроса сердце такое же доброе, как у вас, мисс Говард.

— Пожалуйста, Катерина, не говорите со мной так. Нам и без того тяжело, а мы еще будем ссориться между собою.

— Я не ссорюсь. Я только защищаю отсутствующего, которого обвиняют напрасно.

Мисс Плууден снова прошлась по комнате и остановилась у окна. Ее внимание привлек какой-то отдаленный предмет.

— Кузина Катерина, на что это вы так смотрите?—спросила Цецилия.

Катерина обернулась, поманила рукой кузину к окну и показала ей на лес, приходившийся против окон.

— Взгляните туда, на верхушку вот этой башни среди развалин. Видите, как в воздухе треплется над стеной что-то красное и желтое.

— Вижу. Должно-быть, это старые листья, оставшиеся на деревьях. Но краски их здесь далеко не так яркие, как у нас в Америке.

— Это не листья, Цецилия! Это сигналы моего собственного изобретения—ради шутки. На башне стоит сам Барнстэбль, потому что этих сигналов никто, кроме него, не знает.

— Возьмите дядюшкину зрительную трубу и посмотрите,—сказала Цецилия.

Катерина открыла ящик, в котором лежала труба, и навела ее на башню.

ФЕНИМОР КУПЕР

— Это он, вот его голова над стеной,—сказала она.—Как можно быть таким неосторожным!

— Что же он говорит этими сигналами, Катерина? Они известны здесь только одной вам.

Мисс Плууден сходила за словариком, принесла его и принялась быстро его перелистывать.

— Этот сигнал дает мне знать, что Барнстэбль находится на своем посту. Я должна ответить, что тоже нахожусь на своем месте.

Когда Катерина изобретала свою сигнализацию, она, имея надежду применить свое игрушечное изобретение как-нибудь на практике, составила к ней словарь самых необходимых вопросов и ответов. Она сейчас же достала заготовленные флажки, посадила их на ленту, которую приколотла к оконной занавеске, и предоставила им развеиваться по ветру за окном.

— Он увидал!—воскликнула Цецилия.—Вот он снял свои флаги и, вероятно, готовит другой сигнал.

— Продолжайте смотреть в трубу, кухня, и описывайте мне порядок, в каком он размещает флаги, и их цвет, а я буду смотреть по словарю.

— Он так же ловко это делает, как и вы. Вот теперь над башней два флага: вверху белый, внизу черный.

— Черный под белым,—повторила Катерина, быстро перелистывая словарь.—Вот: „Видели ли моего гонца?“ Надобно сообщить ему печальную новость. Вот белый, желтый и красный. Это значит: „Он в плену“. Какое счастье, что у меня заготовлен такой ответ и такой вопрос! Ну, Цецилия, что он говорит на это?

— Он готовит новые флажки. Не трогайте меня, Катерина, вы так сильно дрожите, что я никак не могу установить трубу. Сигнал такой: желтый на черном.

— Это значит: „Гриффис или кто?“ Он нас не понял, а я хотела сказать про Мерри. Ну, вот ему желтый, зеленый и красный: „Мой кузен Мерри“. Теперь, наверное, поймет.

— Он снял сигнал, но это известие его, должно-быть, встревожило; он готовит другие флаги. Теперь белый, красный и черный.

— Вопрос: „В безопасности ли я?“ Только теперь спохватился! Что же я ему отвечу? Отвечу так: „Пока да, но остерегайтесь, примите меры“.

— Он понял и отвечает. Зеленый на белом. Вы молчите? Что он такое говорит? Отчего вы не переводите?

Катерина молчала. Цецилия опустила трубу и взглянула на кухню. Та, зардевшись, наклонилась над словарем.

— Надеюсь, что ничего дурного нет?—продолжала мисс Говард.— Что он говорит?

— Он говорит о пустяках, Цецилия! Но надо ему ответить прямо и откровенно. Вот какой я ему приготовила сигнал. Смотрите: „Когда часы на „аббатстве“ пробьют девять, приходите с оглядкой к садовой калитке, выходящей на дорогу с восточной стороны, и спрячьтесь хорошенько“. Я этот сигнал приготовила на случай, если бы понадобилось свидание.

Цецилия снова взяла трубу и стала смотреть.

— Ну, что ж, он, повидимому, понял, потому что я не вижу больше ни его самого, ни флагов.

Мисс Говард положила трубу и отошла, а Катерина встала на ее место и долго смотрела на башню с видимой тревогой. Вошедшая мисс Денскомб сказала кузинам, что их ждут пить чай. Все три отправились в залу. Полковник Говард и капитан Борроклифф встретили их с подчеркнутой учтивостью. Первый иногда хмурился, но офицер-вербовщик был невозмутимо спокоен и хладнокровен. Катерина вглядывалась в его лицо, стараясь прочесть на нем что-нибудь, но ничего не могла разобрать.

Пробило девять часов. Она встала и пошла к себе. Капитан Борроклифф встал, чтобы отворить ей дверь, и когда она кланялась ему, благодаря за любезность, их глаза встретились опять. Волнуясь при мысли, что Борроклифф узнал за это время что-нибудь, могущее повредить ее возлюбленному, она прошла к себе в комнату, накинула плащ и вышла из дома.

Ночь была темная, небо было облачно. Катерина слышала только мерные шаги часовых под окнами пленных и возле помещения, служившего казармой для солдат. Боязливо покосившись на эту казарму, она плотнее закуталась в свою накидку и легким, безшумным шагом пошла к тому месту, где назначила свидание Барнстэблю.

Он уже был на месте. Барнстэбль сообщил о крушении шкуны и об опасном положении тех, которые пережили катастрофу.

— Мерри сообщил нам ужасную новость, будто погиб Диллон,—сказала она.—Правда ли это?

— Бедный Мерри! Попался!.. Но вы спрашиваете про Диллона? Да, он умер. Туда ему и дорога!

— Правда, он был плохой человек, но не следовало отнимать у него жизнь, хотя бы даже из самого законного чувства мести.

— Неужели Катерина Плууден считает меня способным на убийство?

— Нет, Барнстэбль, я вас не считала и никогда не буду считать способным на это, но другие... Цецилия, например... Она почти убеждена.

— Очень благодарен мисс Говард за ее лестное мнение обо мне.

— Если бы Гриффис командовал шкуной, а вы были бы здесь в плену на его месте, я бы то же самое подумала, пожалуй, про Гриффиса. Вы представить себе не можете, как у нас за это время перепутались понятия со всеми этими репрессиями, пленами, заложниками, военными экспедициями... Но вы у меня сняли с плеч гору. Я так

ЛОЦМАН

рада! Теперь я могу вам сказать, что окончательно решила, как это говорится в поэзии, „пройти долину жизни об руку с вами“.

— Это мудрое решение, Катерина! Интересно знать, удастся ли Гриффису склонить к такому же шагу свою Цецилию?

— Вот в этом все дело, Барнстэбль! Цецилия едва ли согласится покинуть своего дядю, а я—я вам прямо говорю: ни за что не покину свою кухню.

— Тогда я вас не понимаю. Это какой-то лабиринт. Но об этом мы еще поговорим особо, а теперь послушайте, какой я составил план, чтобы завладеть „аббатством“.

Услышав Барнстэбля, Катерина вынуждена была согласиться, что составленный им план необыкновенно прост и легко исполним, поэтому должен непременно удасться.

Они пробывали вместе больше часа. Надо было расставаться. Барнстэбль проводил мисс Плууден в самую калитку. Когда она шла садом к дому, она почувствовала, что за ней в темноте кто-то идет по пятам. Она остановилась, и неизвестный человек остановился. Тогда она решила, что это, вероятно, был Барнстэбль, пожелавший посмотреть еще раз, как она пойдет через сад одна, и, успокоенная, вошла в дом.

ГЛАВА XXVIII

В темной галерее звонко гудел колокол к ужину, когда в нее входила мисс Плууден. Она поспешила поскорее к своим подругам, чтобы ее отсутствие как-нибудь не было замечено. Мисс Денкомб шла уже в столовую, но Цецилия была еще в гостиной, и Катерина застала ее одну.

— Как вы на это решились, Катерина!—воскликнула мисс Говард.

— Решилась, Цецилия,—ответила мисс Плууден, садясь в кресло, чтобы успокоиться.—Решилась и видела Барнстэбля. Через несколько времени он завладеет „аббатством“.

— У нас будет кровавая ночь!—воскликнула Цецилия.

— У нас будет ночь свободы, мисс Говард! Свободу получим мы все: вы, я, Мерри, Гриффис и все их товарищи.

— Неужели вы думаете, что я стану молчать, когда моего дядю предадут и когда, быть может, его жизнь подвергается опасности?

— Его жизнь в безопасности не меньше, чем ваша собственная, мисс Цецилия. Если же вам хочется отправить Гриффиса в тюрьму или на виселицу, погубить Мерри, предать Барнстэбля, как вы грозите сделать, то нет ничего легче: вам представится весьма удобный случай за ужином. А так как хозяйка, кажется, позабыла, что ее ждут за столом, то я пойду вместо нее в столовую.

Катерина встала, прошла галерею и появилась в столовой, где уже находились полковник, капитан и мисс Денкомб. Цецилия молча прошла туда же, и все заняли свои места за столом.

Полковник Говард овладел собой настолько, что мог с успехом скрывать свою озабоченность, но Катерина подметила в нем еще, кроме того, какую-то уверенность и решимость. Борроклифф был спокоен, учтив и, по обыкновению, весьма исправно ел, но Катерина не без тревоги обратила внимание, что он пьет почему-то меньше обыкновенного.

Ужин проходил вяло, невесело. Сняли скатерть, но дамы остались, не покидая обычных собутыльников.

— Что это такое?—воскликнул вдруг, вздрагивая, полковник.—Слышите, Борроклифф, точно к нам кто-то ломится?

— Вероятно, это кто-нибудь из моих солдат: я ведь их велел сегодня хорошенько угостить по случаю победы,—беззаботно ответил капитан.—Упал откуда-нибудь или двери не нашел и стукнулся лбом в стену.

Полковник встал и смотрел то на дверь, то на капитана. Ему, видимо, было не до шуток.

— Да, нет же, Борроклифф,—возразил он,—уверю вас, это очень тревожный шум. К нам идут. Если это друзья—милости просим, а если враги—я их встречу так, как должен встречать врагов старый солдат.

— Нет, дядя, не подвергайте себя опасности!—вне себя воскликнула Цецилия, бросаясь к старику и обнимая его.—Вы достаточно повоевали, когда были молоды; теперь вы имеете полное право оставаться в покое.

— Бедняжка! Она от страха начала бредить!—сказал полковник.— Однако, Борроклифф, что же вы не встаете?

— А зачем же я буду вставать? Мисс Плууден продолжает сидеть за столом, и ее улыбка приковывает меня к моему месту.

— Я потому не испугалась, капитан Борроклифф, что привыкла к нашему „аббатству“. Я знаю, что здесь почти постоянно ходит ветер по всем комнатам и воеет во всех трубах и на чердаке.

Она говорила спокойно, невозмутимо. Капитан смотрел на нее с нескрываемым восторгом.

— Я опять повторяю, что пока мисс Плууден сидит, я не встану тоже.

В словах и тоне капитана Катерине показалось что-то двусмысленное. Она встала и сказала:

— Вы заставляете меня уйти отсюда. Вовсе неприятно быть предметом такого слишком явного поклонения. Кухина, вы, кажется, успокоились? Проходите вперед, а мы с мисс Денкомб за вами.

ФЕНИМОР КУПЕР

— Куда же вы, мисс Плоуден?—воскликнул Борроклифф.—Или вы, может-быть, в сад хотите пройти? Дверь в галерею напротив, а эта ведет в сени.

Катерина улыбнулась, как-будто только теперь заметила свою рассеянность, и сказала:

— Страх напал не на одну мисс Говард, только другие пытаются это скрыть.

— А вы чего же боитесь?—спросил капитан.—Наступившей уже опасности или только будущей?

— Так опасность, значит, все-таки есть?—воскликнула Цецилия.— Капитан, я это вижу по вашим глазам, и моя кухня побледнела!

Капитан встал, наконец, из-за стола и оставил свой шутливый тон.

— Солдату всегда грозит опасность,—сказал он,—раз враги находятся под боком, а мисс Плоуден может засвидетельствовать сама, что это именно так и есть. Вам, миледи, я советую уйти к себе и там ожидать событий.

— Почему вы так говорите, капитан?—спросила мисс Денскомб.— Вы разве что-нибудь знаете?

— Я знаю все,—отвечал Борроклифф без малейшего волнения.

— Все!—воскликнула Катерина.

— Все!—с ужасом повторила мисс Денскомб.—Но если вы знаете все, то вы должны знать, что у него несокрушимая рука. Он кроток, если ему не противятся, но когда он видит перед собой врага, он ярый лев.

— Мы не женщины, и львов не боимся,—отвечал Борроклифф, слегка хмурия брови.—Лев уже поставил свою лапу на порог этого дома и, если мои приказания исполнены точно, скоро войдет сюда.

— Послушайтесь ее!—сказала Цецилия.—Не проливайте крови. В соседней комнате раздался ужасный шум: как-будто окно разбили и выломали и как-будто с подоконника на пол стали прыгать один за другим несколько человек. Борроклифф вынул шпагу и хладнокровно отступил на другой конец комнаты.

В столовую вошел Барнстэбл один, но прекрасно вооруженный.

— Вы мои пленные, господа,—сказал он.—Сдайтесь без сопротивления, вам не будет сделано ничего дурного. Мисс Плоуден, я ведь вам говорил, чтобы вас не было при этой сцене.

— Нам изменили, Барнстэбл,—вскричала в страшном волнении Катерина,—но еще не поздно! Кровь еще не пролита, вы можете удалиться с честью. Уходите немедленно. Если сюда явятся солдаты капитана Борроклиффа, то „аббатство" делается сценой кровавых событий.

— Уходите вы сами, Катерина! Уходите!—с нетерпением сказал молодой человек.—А вы, капитан Борроклифф (если это вы), должны понять, что сопротивление бесполезно. Со мной в этой комнате десять пик и двадцать рук, чтобы ими действовать. Бесполезно сопротивляться.

— Разверните ваши силы,—отвечал Борроклифф,— я должен их видеть все, иначе я рискую обесчестить себя, если сдамся.

— Ваша честь несколько не задета, капитан, вы держитесь сейчас, безусловно, храбро, я считаю долгом это засвидетельствовать. Товарищи, вперед, но на абордаж пока не надо. Ждите команды.

В комнату вбежало десять здоровенных матросов. Вид их был страшен, но они не тронули никого. Испуганные дамы забились в угол, и даже сам Борроклифф отошел за стол.

В это время раздался снова шум. Несколько человек быстро шли по галерее, приближаясь к столовой.

Вслед за тем сейчас же распахнулась дверь, и в столовую вбежали два солдата из гарнизона „аббатства", за ними гнались четыре матроса с Гриффисом, Мануэлем и Мерри во главе, вооружившимися чем попало. Среди матросов, находившихся в зале, произошло движение. Они уже хотели приколоть беглецов, но Барнстэбл шпагой остановил их пики. Солдаты подбежали к своему капитану, ища защиты. Освобожденные пленники присоединились к Барнстэблу и матросам. Восстановилось относительное спокойствие.

— Вы видите, сэр,—заговорил Барнстэбл, дружески пожав руку Гриффису, Мануэлю и Мерри,—все мои планы удалась. Ваши солдаты заперты сонные в их казарме, и к ним приставлен караул. Вот здесь и ваши двое часовых. Весь центр „аббатства" занят мною, и вы должны сознаться, что я теперь господин положения. Вы в моей власти. Не оказывайте бесполезного сопротивления. Трудных условий вам не будет предложено, и ваш плен будет очень непродолжителен.

Во время всей этой сцены английский капитан выказывал просто изумительное хладнокровие. Не будь победители так взволнованы, им это сверхъестественное спокойствие бросилось бы в глаза. Но теперь на его лице стала отражаться тревога. Он часто оглядывался назад и с нетерпением прислушивался. Однако, он ответил Барнстэблу прежним спокойным голосом:

— Вы говорите, как победитель, но мы еще, сэр, не побеждены. Мы с почтенным полковником не совсем еще лишены средств к защите: вот не угодно ли вам?

С этими словами капитан приподнял скатерть на том небольшом столе, за которым он стоял. Под скатертью оказались две пары пистолетов, которыми полковник и он сейчас же вооружились.

— Вот и смерть четверым из вас, да два моих солдата убьют еще двоих, итого шестеро убитых. А у вас и огнестрельного оружия нет, одно только дреколье какое-то.

— Это правда, что у нас нет огнестрельного оружия, одни абордажные пики, но это нас не остановит, и ваших пистолетов мы не испугаемся. Что скажете, ребята? Пистолеты помешают вам пойти на абордаж или нет?

Матросы отвечали презрительным смехом. Борроклифф обратил внимание на их дерзкую отвагу и с силой

ЛОЦМАН

дернул несколько раз за сонетку, находившуюся около него. Почти в тот же момент послышался мерный шаг целого отряда. Разом открылись двое дверей, и в комнату с другой стороны вошли двадцать человек солдат в английских мундирах, с мушкетами в руках. Они заняли все выходы.

— Пистолеты наши вы презираете,—сказал Борроклифф,—но я надеюсь, что вы отнесетесь с достаточным уважением к нашим ружьям. Теперь, джентльмены, я развернул перед вами свои силы. Полагаю, что вы не замедлите сдаться в плен.

Мануэль успел тем временем построить матросов в карре, так что со всех сторон неприятель встречал ошестинившиеся пики.

— Тут произошла какая-то ошибка,—сказал Гриффис, оглядывая вошедших солдат.—Капитан Борроклифф, я принимаю старшинство над лейтенантом Барнстэблем и сделаю вам сейчас предложение, имеющее целью избавить дом полковника Говарда от могущих последовать роковых сцен.

— Капитан Борроклифф,—воскликнул ветеран,—из-за меня не щадите никого.

Барнстэбль в это время стоял, скрестив на груди руки.

— Какой бы договор ни заключил с вами мистер Гриффис,—сказал он,—но я его отвергну и своим матросам не позволю его принять.

— Здесь только два начальника, мистер Барнстэбль,—возразил Гриффис,—я—от Америки и капитан Борроклифф—от Англии. Я и обращаюсь поэтому к капитану Борроклиффу. Капитан, вам ведь известно, что если произойдет здесь бой, то он может повлечь за собой непоправимые несчастья?

— Потому-то я и предлагаю вам сдаться. Я сильнее вас. Вы не можете защищаться. Спросите хоть капитана Мануэля. Он настоящий военный и может сделать должную оценку нашего обоюдного положения.

— Я требую свободного пропуска для всех нас из „аббатства“.

— Я требую безусловной сдачи и обещаю вам за это стол и квартиру.

— В таком случае, мы решим спор силой!—воскликнул Гриффис.

— Хорошо!

— Прочь, негодяи!—крикнул Гриффис солдатам, загораживавшим дверь в галерею.—Дорогу, или мы вас примем в пики!

— Целься!—крикнул Борроклифф.—Но не стрелять, жди команды!

Солдаты стали целиться, переругиваясь с противниками. Цецилия и Катерина закрыли лица руками, но мисс Денскомб выбежала на середину комнаты и смело встала между пиками и штыками.

— Остановитесь, безумные!

Солдаты были в недоумении. В эту самую минуту в дверях залы появился человек в простой матросской одежде, но с кинжалом за поясом, саблей на боку и с пистолетом в каждой руке. Это был лоцман. Он постоял несколько секунд на месте, молча смотря на происходящую сцену, потом спокойно и бесстрашно выступил на середину комнаты.

ГЛАВА XXIX

— Англичане, положите оружие!—крикнул смельчак-лоцман.—А вы, борцы за свободу, не проливайте даром кровь. Гордые британцы, сдайтесь тринадцати республикам!

— Ах, вот как! — решительно сказал Борроклифф, беря в руку пистолет. — Дело осложняется. Этого человека я не считал. Сами вы кладите оружие, старый переодетый приятель, или вас сейчас расстреляют.

— Как бы вас не расстреляли самих!—возразил лоцман и, обернувшись к дверям, крикнул в галерею:— Входите сюда, ребята!

Раздался пронзительный боцманский свисток. Отбросив часовых у дверей, в залу ввалилась многочисленная толпа. Все не поместилось в комнате, большая часть осталась в галерее.

— Он не может видеть вас всех,—сказал лоцман,—так вы крикните погромче, чтобы он услышал. „Аббатство“ наше.

Люди гаркнули так, что казалось, будто крыша валится от урагана. Несколько минут продолжался этот оглушительный крик. Через дверь видно было множество голов в матросских фуражках и в шляпах морской пехоты. Капитан Мануэль узнал свою команду и сейчас же построил ее как следует и расставил своих часовых на всех тех пунктах, где раньше стояли английские.

До сих пор полковник Говард не вмешивался в переговоры, но теперь он счел себя в праве осведомиться—по какому случаю сделано вооруженное нападение?

— Позвольте узнать, сэр,—обратился он к лоцману,—у вас есть поручение от лорда-лейтенанта здешнего графства? У вас есть полномочие, подписанное статс-секретарем по департаменту внутренних дел?

— Никакого полномочия у меня нет ни от кого,—ответил лоцман.— Я простой гражданин, сражающийся за свободу Америки. Этих джентльменов я завлек в опасное положение и счел своей обязанностью их выручить. Теперь они вне опасности, я свое дело сделал. Обращайтесь за всем к мистеру Гриффису,—он здесь является уполномоченным от конгресса Соединенных Штатов.

ФЕНИМОР КУПЕР

С этими словами лоцман, стоявший до сих пор посредине комнаты, молча отошел в угол и прислонился к деревянной панели у стены.

— Значит, это я к вам должен обратиться со своим вопросом?—сказал полковник, адресуясь к Гриффису.— По какому праву вы напали на мое жилище?

— Я бы мог вам ответить: по праву войны, потому что мы ведем войну с Англией,—ответил Гриффис.—Но мы намерены пользоваться достигнутым нами преимуществом очень умеренно. Мы освободили всех наших пленных и теперь уйдем; ваш замок вы получите в целости обратно. Капитан Мануэль, заберите пленников и примите меры к тому, чтобы мы немедленно могли вернуться на наши лодки.

Солдаты и матросы вышли. В комнате остались только офицеры обеих сторон и семья полковника Говарда.

Барнстэбль молчал, пока распоряжался старший в чине начальник, но теперь спросил Гриффиса:

— Если мы так поспешно выходим в море, сэр, то нужно будет все устроить как следует для того, чтобы принять дам. Не поручите ли вы это мне?

Это неожиданное предложение изумило всех, и только на лице Катерины Плууден появилось хитрое выражение, как-будто она уже кое-что знала заранее. Наступила долгая пауза, которую прервал полковник Говард.

— Вы здесь хозяева положения, джентльмены,—сказал он,—пожалуйста, не стесняйтесь! Мой дом, мое имущество, все мои вещи и мои воспитанницы—к вашим услугам.

— Сэр, я вам уже сказал, что мы не грабители,—отвечал Гриффис,— но если кто-нибудь из находящихся здесь дам пожелает нам довериться, то мы с удовольствием примем их на свое попечение.

— Некогда нам разводить церемонии!—воскликнул нетерпеливый Барнстэбль.—Мерри поможет дамам уложить их багаж. Что вы на это скажете, юноша? Могли бы вы при случае исполнить роль горничной?

— О, да, сэр, и я думаю, что справлюсь с ней гораздо лучше, чем с ролью разносчика. Ради моих кузин, чтоб путешествовать с ними вместе, я готов сделать что угодно. Пойдемте, кузиночки, пойдемте! Показывайте мне, что нужно делать. Только уж не очень взыскивайте с меня за неловкость.

Он попытался фамильярно взять Цецилию за руку, но та его оттолкнула.

— Отойдите,—сказала она и подошла к дяде.—Мне неизвестно,—прибавила она,—какой уговор существует между мисс Плууден и мистером Барнстэблем, но дочери вашего покойного брата, полковник Говард, вы, я надеюсь, поверите, если она вам даст слово, что она ничего не знала и что все случившееся является для нее полной неожиданностью.

Полковник взглядел на нее взглядом, в котором как-будто засветилась былая нежность, но сомнения пересилили, он покачал головой и гордо отвернулся.

Вдруг на середину комнаты выступил лоцман.

— Этот английский офицер и этот беглый американец взяты нами в плен по всем правилам войны,— решительно проговорил он.—Их следует отвести на наш корабль.

Спокойный голос лоцмана заставил Гриффиса вздрогнуть.

— Кто вы?—воскликнул Барнстэбль,—Как вы смеете мне приказывать?

Глаза лоцмана загорелись грозным огнем, он весь покраснел и задрожал, но сделал над собой усилие и сдержался. Подавляя в себе волнение, лоцман сказал:

— Я—тот, которому дано право здесь приказывать, и требую повиновения.

Это решительное утверждение лоцмана поразило всех.

— А как же главная цель нашей экспедиции?—спросил Гриффис.

— Она оказалась в стороне,—с горечью возразил лоцман.—Она принесена в жертву личным чувствам, как это бывает сплошь и рядом. Этот полковник Говард пленник довольно крупный, и когда придется торговаться с королевскими любимчиками, он будет для нас хорошим залогом. На него можно будет выменять какого-нибудь нашего патриота, томящегося в цепях. Полковник Говард должен отправиться немедленно на фрегат.

Полковник в это время стоял и холодно смотрел на говорившего. К нему подошла Цецилия и сказала:

— В таком случае, я тоже поеду с дядей. Я не оставлю его одного в руках врагов.

— Было бы лучше, достойнее дочери моего брата Герри откровенно признаться в истинном мотиве такого решения и не придумывать ложный,—сказал полковник, не глядя на уничтоженную таким ответом Цецилию.

Он подошел к капитану Борроклиффу, который яростно грыз эфес своей шпаги в досаде на новое крушение своих надежд, и встал рядом с ним.

— Вы вольны,—сказал он,—поступать, как желаете. Вы—победители, мы должны покориться. Нас застали врасплох, мы не виноваты, но если когда-нибудь представится случай... Распоряжайтесь. Мы с капитаном Борроклиффом будем смиреннее ягнят.

Полковник Говард взглянул на своего товарища по несчастью и улыбнулся покорной, но грустной улыбкой. Капитан хотел улыбнуться тоже, но у него вместо улыбки получилась какая-то гримаса. Однако, обоим удалось сохранить полное хладнокровие и внешнее достоинство.

Цецилия вместе со своей кузиной принялась за приготовления к отъезду. Лоцман, сделав свое дело, снова отошел в сторону и прислонился к стене, а Гриффис принял на себя официальное командование и стал отдавать распоряжения матросам и солдатам.

ЛОЦМАН

Пронзительно заиграл рожок, забил барабан, и весь отряд вышел из «аббатства» под командой капитана Мануэля.

Лоцман так ловко и искусно завладел „аббатством“, что из него не спасся ни один солдат, ни один служитель. Так как было опасно оставлять возможность кому-нибудь поднять тревогу, то Гриффис велел всех, кто только находился в „аббатстве“, увести к скалам и держать там до тех пор, пока последняя из лодок с американцами и их пленниками не отойдет от берега.

Перед уходом пришлось осветить все комнаты „аббатства“. Уходя, забыли погасить освещение, и здание среди ночной темноты казалось иллюминированным. У порога Цецилия невольно обернулась. Стены „аббатства“ чернели в темноте, а окна ярко светились, позволяя видеть полную пустоту внутри. Все направились к берегу моря,

ГЛАВА XXX

На безоблачном с утра небе горели яркие звезды, но ночь была холодная. Глаза постепенно привыкали к темноте и все лучше и лучше начинали различать окружающие предметы. Впереди всего строя двигался мерным учебным шагом взвод морской пехоты. За ним шли матросы, вооруженные кто пикой, кто ружьем, кто ножом. Матросы шли беспорядочно, обнаруживая недостаток дисциплины, что бывает всегда с ними, когда они на берегу. В центре помещались солдаты капитана Борроклиффа и прислуга полковника Говарда, над которыми все время подшучивали американцы.

Полковник Говард шел под-руку с капитаном Борроклиффом. Оба они молчали и оба предавались грустным размышлениям. Мисс Говард шла за ними следом под-руку с мисс Денскомб. Около них находилась вся женская прислуга „аббатства“. В этой же группе была и Катерина Плоуден, но она шла отдельно, обычной своей легкой и быстрой походкой и, в сущности, очень довольная, хотя и старалась скрыть свое удовольствие под маской негодования и возмущения.

Барнстэбль шел недалеко от нее, любуясь всеми ее движениями, но не подходил ближе, уступая, как он это мысленно называл, капризу любимой женщины. Гриффис шел на фланге отряда, чтобы видеть перед собой все ряды и руководить всем движением. За первой группой матросов шла другая их группа, а все шествие замыкал второй отряд морской пехоты с самим капитаном Мануэлем во главе. Барабану и рожку приказано было молчать. Слышен был только мерный шаг солдат и по временам голоса офицеров, отдававших приказания, да смутный гул матросских разговоров.

Американцы и их пленники благополучно достигли утесов. Таинственный лоцман давно куда-то исчез, и Гриффис распоряжался один.

Барнстэбль поспешил к лодкам, чтобы приготовить места для дам. Лоцман привез с собой на берег много народа, так что на море были спущены все лодки с фрегата и куттера. Барнстэбль окликнул офицера, командовавшего этой флотилией, и ему ответили веселым откликом. Через несколько минут все лодки пристали к берегу.

Мануэль расставил своих солдат на утесах и принял все надлежащие меры для прикрытия посадки матросов на суда. Под его же надзором осталась прислуга „аббатства“ и солдаты Борроклиффа.

— Где же он сам?—спросила мисс Денскомб, оглядываясь кругом и как-будто кого-то ища глазами.

— Вы о ком говорите?—спросил Барнстэбль.—Мы все здесь, лодка готова.

— Сам ли он меня увозит?—воскликнула она.

— Я не понимаю, о ком вы говорите, мисс,—сказал Барнстэбль.— Если о мистере Гриффисе, то вот он здесь, в двух шагах, за этой кучкой матросов.

Гриффис услышал свое имя, подошел к трем дамам и заговорил с ними в первый раз по выходе из „аббатства“.

— Я надеюсь, что меня хорошо поняли,—сказал он.—Ни одна женщина не должна считать себя пленницей! Вы здесь все совершенно свободны.

— В таком случае, я не поеду,—сказала мисс Денскомб.

— Да вам и незачем ехать,—сказала Цецилия.—Вас ничто здесь не привязывает.

Мисс Денскомб оглянулась кругом.

— Вернитесь в „аббатство“,—продолжала Цецилия,—и будьте в нем хозяйкой до нашего возвращения... или до получения уведомления от полковника Говарда,—прибавила она, робко поглядев на дядю.

— Дитя мое, я охотно так и сделаю, как вы говорите, но у полковника Говарда есть поверенный; он, вероятно, и вступит в управление всем его имуществом.

Полковник так был сердит на племянницу, что охотно бы промолчал, но не ответить мисс Денскомб нельзя было.

— Отвечаю только из уважения к вам, мисс Денскомб,—сказал он.— Я хотел оставить „аббатство“ отпертым и растворенным, как оно есть, чтобы потом, когда американцев усмирят, потребовать за их счет вознаграждения за убытки, но для вас меняю намерение. Будьте любезны, напишите моему поверенному, чтобы он опечатал все мои бумаги. Мебель же почти вся принадлежит владельцу усадьбы, и он, конечно, о ней позаботится.

ФЕНИМОР КУПЕР

Мисс Денскомб пожалала полковнику руку и стала прощаться с подругами. Наконец Цецилия и Катерина пошли садиться в лодку. Полковник Говард с ними не пошел и даже не пожелал им помогать. Это сделал уже Барнстэбль. Усадив дам, он обратился к пленным.

— Джентльмены,—сказал он,—вас дожидается лодка.

— Мисс Денскомб,—сказал с горькой улыбкой Борроклифф,—полковник Говард дал вам поручение написать своему поверенному. Я тоже хочу попросить вас о подобном же одолжении. Составьте командиру войсками округа доклад о том, как некий капитан Борроклифф оказался во всем этом деле дураком, нет, хуже: настоящим ослом. Ну, мой почтенный хозяин или, вернее, товарищ по плену, идемте.

— Стойте!—закричал Гриффис.— Капитан Борроклифф не должен садиться в эту лодку.

— Как это?—воскликнул Борроклифф.—Это что же значит?

— Капитан Борроклифф, я ничего не забываю из того, что должен помнить порядочный человек. Я помню, как благородно вы обращались со мной, когда я был у вас в плену. Как только это будет возможным по условиям нашей безопасности, буду освобождены не только ваши солдаты, но и вы вместе с ними получите свободу.

Борроклифф даже вздрогнул от такого неожиданного сюрприза, но он был настолько расстроен и раздражен своими неудачами, что даже не поблагодарил. Чтобы справиться со своим волнением, он стал прогуливаться взад и вперед по берегу, насвистывая себе под нос какой то игривый мотив.

— Лодка готова!—крикнул Барнстэбль.— Ждут только офицеров!

Лодка поплыла среди бурунов, но волны не были теперь ни грозны, ни опасны. Матросы гребли, направляясь к тому месту, где, по предположению, должен был находиться ожидавший своих товарищей куттер „Проворный“.

ГЛАВА XXXI

Мисс Денскомб стояла на песке и смотрела вслед черной точке, которую волны и ночь скоро совсем скрыли из ее глаз. Но плеск весел еще долго был слышен в темноте. Когда и он умолк, мисс Денскомб поднялась из оврага и взошла на утесы, откуда в последний раз поглядела на море.

Солдаты Борроклиффа, стоявшие у выхода из оврага, почтительно ее пропустили. Часовые капитана Мануэля тоже не остановили ее. Она беспрепятственно дошла до того места, где находился сам капитан.

— Кто идет?—кликнул Мануэль, не узнавая ее в темноте.

— Женщина, которая не желает и не может вам вредить: Алиса Денскомб, возвращающаяся к себе домой с разрешения вашего командира.

— Так оно и есть. Уж этот Гриффис! Очень большая вежливость и полнейшее незнание воинского устава,—проворчал капитан Мануэль.— Как-будто у женщины нет языка!.. Сударыня, скажите пароль, если вы желаете, чтобы я вас пропустил.

— Я не знаю никакого пароля. Я знаю только, что мистер Гриффис разрешил мне удалиться отсюда.

— Этого достаточно,—сказал голос подошедшего мужчины.

— Кто идет?—крикнул опять Мануэль.—Подходите и сдавайтесь, или я прикажу стрелять.

— Вот как?—сказал лоцман, подходя с самым невозмутимым и бесстрастным видом.—Капитан хочет стрелять в человека, который его самого только-что выручил из плена! Поберегите пули для неприятеля.

— Какая опасная неосторожность, сэр! Разве можно так подкрадываться к месту расположения пехоты? Я вам удивляюсь. Сегодня ночью вы выказывали такие большие познания в тактике, так удачно захватили врасплох неприятеля, что от вас можно бы было ожидать лучшего знания устава.

— Теперь это не имеет значения: я сдал команду другому лицу, вероятно, больше меня сведущему в этом деле, но я желаю, сэр, поговорить с этой дамой наедине и провожу ее в „аббатство“.

— Это невозможно, господин лоцман, это против всех правил. Я не могу допустить, чтобы вы выходили за пределы района, обставленного моими часовыми. Если угодно, я могу выдвинуть свой пикет дальше, чтобы вас не было слышно, но только здесь самое удобное место для моего расположения: оба фланга прикрыты, один вот этим самым дубом, а второй утесами, и путь отступления обеспечен через овраг.

— Довольно, капитан, я не буду настаивать, чтобы вы меняли такую прекрасную позицию. Мисс Денскомб, я думаю, согласится пройти со мной несколько шагов назад.

Алиса Денскомб молча пошла за ним, куда он ее повел, и они дошли до того места, где лежал старый дуб, поваленный вчерашним ураганом. Она села на опрокинутый ствол этого дерева и ждала, что скажет ее собеседник. Лоцман в глубокой задумчивости прошелся несколько раз мимо места, где она сидела, потом подошел и сел рядом с ней.

— Наступил час нашей разлуки, Алиса,—сказал он.—Решайте: навсегда это будет или нет.

— Пусть это будет, Джон, навсегда,—отвечала она дрогнувшим голосом.

— Слово жестокое, но его я должен был ожидать. В самом деле, что я могу предложить женщине?

— Если вы намекаете на то, что ваша жизнь полна всевозможных опасностей и превратностей, то вы, значит, совершенно не знаете женщин. Любящая женщина не побоится все это разделить с вами.

ЛОЦМАН

— От вас ли я это слышу, Алиса? Значит, я не так понял предыдущие ваши слова. Значит, я не совсем одинок?

Он остановился, ожидая ответа, но мисс Денскомб молчала. Тогда лоцман снова заговорил:

— Я не знаю, Алиса, должен ли я стараться разбудить в вас некоторые прежние чувства. Ведь, в самом деле, стоит ли предлагать вам соединить свою участь с участью человека, который ведет такую бурную, бродячую жизнь, которого все называют Дон-Кихотом свободы?

— Что я к вам чувствовала прежде, то чувствую и теперь, без малейшей перемены,—отвечала Алиса с самой простодушной откровенностью.

— Договаривайте, Алиса,—сказал лоцман.—Объясните мне: прав ли я теперь, полагая, что вы решили остаться в Англии, или я ошибался раньше, ошибался в ваших тогдашних чувствах?

— Джон, вы не ошиблись тогда, не ошибаетесь и теперь. Впрочем, Джон, я желаю не о себе говорить, а о вас. У вас есть только один фрегат, чтобы спастись.

— Как это: спастись? Не мы, а неприятель должен от нас спастись. Вы не так выражаетесь.

— Ах, до выражений ли в такие минуты!—воскликнула Алиса, и на ее лице отразилась тревога.—Я совершенно случайно подслушала часть составленного плана, имеющего целью внезапное истребление всех американских кораблей, находящихся здесь в море.

— Едва ли такой план исполним, Алиса! В чем он состоит?

— В „аббатстве“ был молодой человек, Диллон, который таинственно исчез оттуда. Вы о нем слышали, Джон?

— Слышал об одном негодяе, носившем эту фамилию, но сам его никогда не видал. Алиса, если это наше свидание будет последним...

— Он был пленником на шкуне „Ариель“,—продолжала Алиса, не заботясь о том, что лоцман почти не слушает ее слов,—и когда его отпустили на честное слово, он его нарушил самым бессовестным образом и сделал подлость...

— Знаю, это был гнусный мерзавец. Но, Алиса...

— Джон, вы выслушайте меня; то, что я вам говорю, очень для вас важно. Он собирался потопить шкуну „Ариель“ и захватить в плен молодого Барнстэбля.

— Шкуну „Ариель“ потопил не он; она потерпела крушение во время бури, а Барнстэбля я, как вам известно, освободил.

— Да, у вас теперь имеется только фрегат, больше нет никакого судна? Не принимайте такого гордого вида, Джон! Послушайте. Вторая часть плана Диллона заключалась в том, чтобы дать знать в ближайший военный порт о появлении ваших кораблей, и чтобы оттуда выслали эскадру для преграждения вам дороги.

Лоцман утратил свой равнодушный вид. Его глаза заблестели в темноте.

— Откуда вы все это знаете, Алиса?—спросил он живо.—А какие предполагались корабли, вы не помните?

— Упоминались их названия, но я не запомнила. Мне было не до того. Вот все, что я хотела вам сказать. А теперь нам пора расстаться.

— Так скоро?—воскликнул он, вздрагивая и беря ее за руку.—Для свидания перед долгой разлукой этого мало.

— Мало или нет, но расстаться нам пора. Вашим товарищам нужно отправляться, вы их задерживаете, да и самим вам всего менее хочется, я полагаю, оставаться на английском берегу. Прощайте, Джон!

— Алиса, ночь очень темная. Я вас провожу до „аббатства“.

— Не надо, Джон! Никакой опасности нет, и я ничего не боюсь. Я пройду такой дорогой, где никого не встречу.

— Но как же, в самом деле, вы пойдете одна? Я не могу этого допустить.

— Проститесь, Джон, здесь. Прощайте навсегда!

Голос ее был почти не слышен. Она повернулась и пошла по дороге в „аббатство“.

Лоцман хотел было последовать за ней, но в это время на утесах загремел барабан морской пехоты, а на берегу пронзительно засвистал боцманский свисток. Это был сигнал к отходу последней лодки. Лоцман задумчиво пошел к берегу. Пройдя несколько шагов, он встретил солдат Борроклиффа. Они были, правда, без оружия, но свободны и шли домой. Немного погодя кто-то тронул его за плечо. Он поднял глаза и увидел Борроклиффа.

— Судя по всему, что случилось нынешней ночью, сэр,—сказал капитан,—вы совсем не то, чем кажется. Вы у них вроде начальника, не то генерала, не то адмирала. Поэтому я скажу вам на-ушко одну вещь: со мной поступили недостойно, неблагородно все ваши вообще и вы лично.

Лоцман чрезвычайно изумился этим словам человека, с горечью убедившегося в крушении всех своих надежд. Он ничего не сказал, сделал только капитану знак рукой, чтобы тот шел своей дорогой, а сам пошел дальше.

— Сэр, я вижу, вы меня не понимаете,—продолжал Борроклифф.— Я нарочно говорю это вам, чтобы вас рассердить. Надеюсь, вы человек порядочный?

Лоцман бросил на него презрительный взгляд и заметил, что у капитана в каждой руке по пистолету. Один

ФЕНИМОР КУПЕР

пистолет он держал за ручку, другой за дуло. Однако, лоцман не стал останавливаться и прошел дальше.

— Ну, разумеется, он всего только лоцман!—прошептал про себя Борроклифф.—Мое намерение было вполне ясно. Будь он порядочный человек, он сейчас же бы ответил на вызов... Ах, вот и мой собутыльник по мадерной части! Посмотрим, как он примет тонкий намек на толстые обстоятельства.

Борроклифф посторонился, чтобы пропустить солдат морской пехоты, шедших садиться в лодку, и стал с нетерпением дожидаться появления их начальника. Вскоре показался и капитан Мануэль.

— Нижайшее вам почтение, сэр,—сказал Борроклифф.—Вы сегодня сделали хороший фураж, капитан Мануэль!

Мануэль был совершенно не расположен ссориться, но тон английского капитана ему не понравился.

— Он был бы еще лучше, если бы мне представился случай отплатить вам хотя отчасти за множество любезностей, которые я от вас видел,—отвечал он.

— Ах, сэр, пощадите мою скромность!—воскликнул капитан Борроклифф.—Вы, должно-быть, забыли, что мне за это заплачено, и хорошо, благородно заплачено. Четыре часа я пролежал с эфесом собственной шпаги во рту. Без церемонии был отброшен в угол. Солдата моего ушибли прикладом по спине. С моей стороны было бы большой неблагодарностью все это забыть.

— Чтобы свалить солдата, понадобилось ударить его прикладом. А вот офицера, у которого под жилетом было налито столько вина, что хватило бы на четверых, можно было бы повалить тогда на пол легонькой тросточкой.

— Во-первых, это с вашей стороны большая неблагодарность к чудному вину, которое вы сами же пили да похваливали, а во-вторых, это такое оскорбление мне лично, какого я перенести не могу. Наша ссора зашла слишком далеко, сэр, ее надобно кончить. Не угодно ли вам выбрать одну из этих двух игрушек? Они были заряжены для другой совсем цели, но могут послужить и для нашего дела...

— У меня у самого есть пара пистолетов, годных для всякой цели,—сказал Мануэль, доставая у себя из-за пояса пистолет и отступая на несколько шагов.

— Я знаю, что вы уезжаете в Америку,—сказал Борроклифф, невозмутимо оставаясь на месте,—и мне очень приятно, что вы ради меня задерживаете на минуту свой отъезд. Это с вашей стороны большая любезность!

— Защищайтесь и стреляйте!—вскричал рассерженный Мануэль, вытягивая руку с пистолетом и наступая на противника.

Одновременно раздались два выстрела, слившиеся как-будто в один. С двух противоположных сторон прибежали солдаты обоих капитанов, и будь у солдат Борроклиффа оружие, непременно бы произошла стычка. Мануэль лежал на спине, а Борроклифф тоже упал и приподымался на локте в полусидячем положении.

— Милейший капитан, вы меня ранили в ногу—сказал Борроклифф.—А с вами что?

— Ваша пуля проехала по моей голове,—отвечал Мануэль.

— По голове? Гм! Надеюсь, это не смертельно... Дайте мне вашу руку, Мануэль! Мы с вами вместе пьянствовали, потом подрались—все данные для того, чтобы нам стать закадычными друзьями.

— Что ж, я ровно ничего не имею против,—отвечал Мануэль, потирая себе голову.—Но вам нужна хирургическая помощь. Не могу ли я для вас что-нибудь сделать? Опять сигнал! Сержант, ведите команду ускоренным шагом. Со мной оставьте одного Дика. Больше мне никого не нужно.

— Друг мой, знаете, вы самый настоящий человек, как я это называю,—сказал Борроклифф.—Вам бы не ротой командовать, а целым корпусом. Тише, Дрилль, тише! Обращайтесь со мной так, как-будто я фарфоровый. Уходите, Мануэль, я слышу сигнал за сигналом. Ваша крепкая голова там, вероятно, нужна, чтобы навести порядок при отправке солдат.

В другое время Мануэль, вероятно, обиделся бы за этот намек на его крепкую голову, но теперь у него в голове стоял шум от полученной контузии. Он пожал руку капитану Борроклиффу, пожелал ему всего лучшего и опять спросил, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Благодарю вас, ничего не нужно,—отвечал тот.—Маленькое кровопускание, говорят, даже бывает полезно: предохраняет от удара, Дрилль сейчас пошлет за доктором, там все обо всем узнают и, чего доброго, пошлют за вами погоню. Поэтому уезжайте скорее. Прощайте! Если приедете когда-нибудь в Англию, то вспомните, что я буду очень рад с вами повидаться.

— Непременно. И вы меня не забудьте, если приедете в Америку.

— Тоже непременно! Мне ваша превосходная голова понадобится для прогулок по вашим лесам. Прощайте! Вспоминайте иногда обо мне.

— Я вас никогда не забуду, почтенный друг,—отвечал Мануэль, дотрагиваясь до головы, которая у него сильно болела.

Наконец, пожав еще раз друг другу руки, два капитана расстались, как настоящие друзья.

ЛОЦМАН

ГЛАВА XXXII

Со времени высадки на берег лоцмана с командой солдат и матросов „Проворный“, под начальством мистера Больтропа, боцмана с фрегата, непрерывно крейсеровал возле берегов в ожидании исхода экспедиции.

Больтроп уговорил фрегатского священника перейти с фрегата на „Проворный“. Капеллан охотно принял это предложение, отчасти ради разнообразия, отчасти из желания побыть хоть немного поближе к твердой земле, по которой скучала его сухопутная душа.

Когда лодки отплыли к берегу, на куттере остались только боцман и капеллан при команде из двенадцати матросов. Большую часть времени они проводили в маленькой общей каюте куттера, сидя за столом и потягивая горячий грог.

Когда лодки с возвращавшейся экспедиции встретили, наконец, куттер, Бальтроп распорядился принять всех на борт. Из лодок первым подъехал катер „Тигр“, больше всех нагруженный. Потом подъехал вельбот.

Общую каюту „Проворного“ предоставили полковнику Говарду и его воспитанницам.

Гриффис, когда все разместились, приказал итти в открытое море на поиски фрегата.

На рассвете показался, наконец, и фрегат. Он шел медленно, распустив только два паруса. На утреннем небе отчетливо рисовались его большие, стройные мачты, его тяжелые реи и веревки парусов. По мере того, как становилось светлее, обрисовывался и его корпус.

Всех матросов поднял на ноги боцманский свисток. Куттер несся к фрегату на всех парусах. Оба судна сближались. Расстояние между ними быстро уменьшалось. Наконец, они сблизились настолько, что стало возможно переговариваться.

— Очень рад вас видеть, мистер Гриффис!—сказал капитан Мэнсон, махая фуражкой.—И вас также, капитан Мануэль! Я вам рад, как ветру после штиля!

Он быстро окинул глазами палубу „Проворного“ и увидел Цецилию и Катерину. Его лицо сейчас же затуманилось.

— Господа, что это значит?—прибавил он.—Фрегат американского конгресса не бальный зал. Зачем здесь женщины? Гриффис густо покраснел.

— Сэр,—сказал он, наконец,—это сделано по распоряжению мистера Грэя.

— Мистера Грэя!—повторил капитан, и с его лица сейчас же исчезло выражение неудовольствия.—Хорошо, сэр! Идите рядом с фрегатом, я велю перебросить лестницу.

Бальтроп с изумлением обратил внимание на быструю перемену в тоне капитана Мэнсона при упоминании имени Грэя. Он два раза покачал головой, как человек, отказывающийся понимать.

— Сам черт не разберет, что только у нас делается,—сказал он, обращаясь к капеллану.—Трудно заранее предсказать, куда у нас ветер подует. Какому-нибудь пресноводному моряку... Нет, положим, он самый настоящий моряк, этого нельзя отрицать, но все же как-то странно: лоцману вдруг вздумалось сказать: возьмите этих женщин на корабль— и все делается по его слову. Помяните мое слово, капеллан, эта история обойдется конгрессу в копейчку. Вот увидите!

В это время мистера Больтропа позвали руководить маневрами куттера.

Ряд веселых сцен произошел на палубе фрегата, когда на нее перешли матросы с тесного куттера. На минуту забылась строгая дисциплина. Шутки, брань, заменяющая дружескую ласку, так и сыпались, так и висели в воздухе. Впрочем, это продолжалось лишь самое короткое время. Когда с „Проворного“ переходил на фрегат полковник Говард и его воспитанницы, там все уже успокоилось.

Капитан Мэнсон, после секретного разговора с Гриффисом и лоцманом, принял неожиданных гостей с грубоватым радушием моряка и с очевидным желанием обращаться с ними как можно учтивее. Он отвел им две небольшие каюты и предложил пользоваться кают-компанией во всякое время, когда им будет угодно.

ГЛАВА XXXIII

На фрегате не делалось никаких приготовлений для поднятия парусов, хотя младшие офицеры заметили, что капитан, первый лейтенант и таинственный лоцман долго между собой о чем-то совещались. Лоцман несколько раз кидал тревожные взгляды на восток и внимательно наводил на горизонт подзорную трубу, а потом с нетерпением переводил глаза на густой туман, скопленный на юге и совершенно мешавший наблюдениям.

На севере и со стороны берега воздух был совершенно чист, и на море здесь не видно было ни малейшей точки. Но на востоке замечалось что-то вроде паруса. Офицеры, толпясь, разглядывали его и старались определить, что бы это было за судно. Катерина Плууден и ее подруга с палубы любовались морем и также пробовали разглядеть в трубу неизвестный корабль.

— Вероятно, это какое-нибудь судно с углем,—сказал Гриффис.—Прошлым ураганом его отнесло в море, и оно теперь пытается пристать к берегу. Если ветер будет так же дуть с юга, и судно не войдет в эту полосу тумана, то мы можем его догнать и заставить углем.

— По-моему, корабль идет на север, по ветру,—задумчиво сказал лоцман.—Если посланный Диллоном

ФЕНИМОР КУПЕР

нарочный успел дойти куда нужно, то тревога поднята, и нам нужно быть начеку. Балтийская эскадра теперь находится в Северном море; к ней могли послать какой-нибудь береговой куттер с известием о нашем появлении. Желательно было бы пройти теперь к югу до Гельдерна.

— У нас есть куттер, который может служить нам сторожевым судном,—возразил Гриффис,—если же мы пойдем на юг, то войдем в туман и потеряем неприятеля из вида, если это действительно неприятель.

Лоцман некоторое время не отвечал, как бы стараясь собраться с мыслями.

— Если благоразумие потребует,—сказал он, наконец,—и если для пользы Соединенных Штатов это окажется нужным, то этот гордый фрегат должен будет отступить даже перед самым скромным судном. По-моему, капитан Мэнсон, нам следует поставить паруса и итти против ветра; а куттер выслать вперед, как советует мистер Гриффис, но с тем, чтобы он держался ближе к берегу.

Старый капитан, ожидавший только совета лоцмана, сейчас же приступил к делу. „Проворный“, которым командовал теперь младший из лейтенантов фрегата Сомерс, получил соответственные приказания, распустил паруса и, легко и свободно рассекая волны, скоро скрылся в тумане. На фрегате паруса разворачивались медленно, потому что капитан не нашел нужным вызывать всех матросов наверх и решил обойтись наличной вахтой. Через некоторое время и фрегат последовал за куттером, идя против ветра, правда, очень некрепкого.

Барнстэбль, снова вступивший в должность второго лейтенанта, ходил около кормы с рупором в руках, так как ему было поручено следить за курсом корабля. Это поручение ему очень не нравилось, потому что лишало его возможности быть около мисс Плоуден.

Вдруг среди тишины раздался выстрел из маленькой пушки, выстрелившей где-то в тумане.

— Это куттер!—сейчас же воскликнул Гриффис.

— Не может быть, чтобы Сомерс вздумал теперь продувать свои пушки, получив приказ соблюдать возможную тишину,—сказал капитан.

— Это он дает нам сигнал,—сказал лоцман, делая усилие, чтобы разглядеть что-нибудь сквозь туман.— Выстрел был сделан ядром. Мистер Барнстэбль, не видно ли чего-нибудь с ваших марсов?

Вахтенный лейтенант окликнул матроса с марса на грот-мачте и спросил, не видно ли чего-нибудь с наветренной стороны. Тот отвечал, что за туманом ровно ничего не видеть.

При этом известии лоцман покачал головой, но все-таки настаивал, чтобы плыть дальше к югу. Он отошел с капитаном в сторону, чтобы еще раз посоветоваться, и в это время раздался второй выстрел. Было ясно, что стреляет „Проворный“, чтобы обратить внимание фрегата.

— Может-быть, он это делает просто по случаю тумана, чтобы знать, где он, и самому узнать, где мы.

— Посмотрите!—воскликнула Катерина.—Мистер Барнстэбль, взгляните, пожалуйста! Какой чудный эффект водяных паров: над полосой тумана образовались целые гирлянды и поднимаются вверх в виде величественных пирамид!

— Пирамиды! Гирлянды!—повторил Барнстэбль.—Да это высокобортное судно, идущее по ветру на всех парусах. Оно мчится прямо на нас, и от него до нас уже не больше мили. Теперь мы знаем, о чем говорил нам Сомерс языком своих пушек...

— Да, да,—подтвердил Гриффис.—А вот и „Проворный“. Он вышел из тумана и идет к земле.

Лоцман внимательно посмотрел на неизвестное судно и сказал с обычным своим спокойствием:

— Капитан Мэнсон, это очень крупный корабль. Я полагаю, что надо переменить курс и итти по ветру.

— Ничего не узнавши, и уж бежать!—воскликнул Гриффис. Лоцман сурово поглядел на молодого лейтенанта, и тот умолк.

— Глаз, который разглядел парус поверх тумана, должен видеть также и вице-адмиральский флаг, который еще выше и виднее. Англичане делают много ошибок, но все же они не настолько глупы, чтобы офицеру такого чина дать под команду всего только один фрегат. Поверьте, капитан Мэнсон, эти многочисленные паруса и этот флаг означают не иначе, как линейный корабль.

— Увидим, сэр, увидим,—отвечал Мэнсон, при приближении опасности сделавшийся смелее и решительнее.—Мистер Гриффис, прикажите свистать всех наверх.

Гриффис сейчас же распорядился и потом сказал, уже значительно умерив свой пыл:

— Если мистер Грэй не ошибся, то нам остается только благодарить судьбу за легкость нашего фрегата на ходу.

Известие о том, что поблизости находится неприятельское судно, успело уже проникнуть вниз к матросам; как только матросы услышали сигнал, они быстро свернули свои койки и вышли все на палубу.

Гриффис отдал мичману Мерри под шумок секретное приказание. Тот сейчас же исчез и отвел своих кузин в безопасное место в трюм.

Пушки были приготовлены к бою, люки открыты, из большой каюты вынесли всю мебель и на палубе расставили непрерывный ряд орудий, образовавших грозную пловучую батарею, готовую извергнуть громы по первому сигналу. Раскрыли ящики и выложили на палубе в разных местах груды пик, ножей, пистолетов и всевозможного абордажного оружия. Одним словом, приготовились к самому серьезному бою. Все было исполнено в несколько минут. Во время приготовлений на судне была страшная суета и шум, но когда приготовления

ЛОЦМАН

кончились, наступила гробовая тишина.

Тем временем фрегат несколько изменил свой курс, пойдя по косвенной линии, удалившей его от неприятеля, хотя в то же время он всячески стремился не придавать этому вида бегства. Глаза всех были устремлены на огромные паруса, по временам видневшиеся поверх тумана и, видимо, направлявшиеся на север. Но вот раздвинулось густое облако, нависшее над поверхностью океана с юга, показались длинные реи передней мачты неприятельского корабля, а затем и весь он сам.

— Один, два, три ряда зубов!—произнес вполголоса Больтрон, разглядывая три ряда пушечных люков, пробитых в корабле.—Это трехдечный корабль.

— Руль под ветер, боцман! — крикнул капитан Мэнсон. — Когда такой неприятель в четверти мили, медлить нельзя. Свистать всех наверх! Мистер Гриффис, распорядитесь поставить все без исключения паруса. Живо!

Голос капитана подействовал на экипаж. Обычных сигналов боцмана и барабанщика не стали ждать, и даже артиллеристы приняли участие в общей работе. Мачты фрегата покрылись сверху теми легкими парусами, которые поднимаются над обыкновенными, а эти паруса отбросили на море тень по обеим сторонам судна.

Тем временем бриз, принесший сюда неприятельский корабль, дал себя почувствовать с большою силой в парусах фрегата. Фрегат пошел быстрее и начал заметно выигрывать расстояние у своего противника.

— Поднимается туман,—сказал Гриффис.—Если хоть в продолжение часа будет у нас благоприятный ветер, то от неприятеля мы уйдем.

— Выстрелы девяностопушечных кораблей бьют далеко,—сказал Мэнсон, но так тихо, что его расслышали только Гриффис и лоцман.—Нам все-таки придется круто.

Лоцман, следивший за всеми движениями неприятеля, вдруг вскричал:

— Он уже понял, что мы показали ему пятки, и принимает меры. Мы будем очень счастливы, если нам удастся избежать залпа всем бортом. Троньте немного руль, мистер Гриффис, поверните фрегат наискось. Если мы попадем под продольный залп, то мы погибли.

Гриффис прыгнул к рулю и убедился, что догадка лоцмана вполне обоснована.

В продолжение нескольких минут два корабля как-будто только и делали, что наблюдали взаимно за движениями друг друга, причем английский корабль делал небольшие отклонения от своего пути, а когда замечал, что его маневр подсмотрели, то сейчас же менял направление. Наконец, он произвел внезапный и решительный поворот, и американцам стало ясно, с какого борта хотят на них напасть.

Капитан сделал рукой выразительный жест своему первому лейтенанту, указывая ему, что следует сделать, чтобы избежать опасности. Гриффис отлично понял. Оба корабля одновременно сделали поворот, и трехдечный корабль с тройным рядом орудий, обращенных на неприятеля, всем своим громадным бортом изрыгнул огонь и дым, сопровождаемые таким грохотом, перед которым превратился в ничто самый рев океана. Самые храбрые моряки невольно вздрогнули, когда над их головами понесся ураган железа. Капитан Мэнсон крикнул:

— К рулю, лейтенант Гриффис! И возьмите...

Гриффис заранее знал, какой будет приказ, и уже сделал нужное движение, чтобы переменить направление фрегата, но он удивился, что его командир не кончил своей фразы, и поднял на него глаза. Тут он увидел, что старый капитан, сшибленный ядром, летит в море.

— Его сразило ядром!—вскричал молодой лейтенант, кидаясь к борту корабля. Он подбежал как-раз в тот момент, когда тело ветерана исчезло в волнах.—Живо шлюпку в море! Спускайте „Тигр“.

— Это бесполезно,—спокойным и твердым голосом проговорил лоцман.—Фрегат снова взял под ветер, а неприятель гонится за нами.

Эти слова напомнили Гриффису его долг. Он повернулся и принял на себя командование кораблем.

— Эти чортовы ядра перебили у нас некоторые веревки,— доложил ему боцман— откололи несколько щепок от грот-мачты и прорвали кое-где паруса, но больших аварий пока нет. А что капитан Мэнсон? Я слышал, он ранен.

— Он убит. Его выбросило через борт.

— Убит!—повторил изумленный Больтрон.— И погребен в море! Впрочем, могло случиться и хуже. По правде сказать, я так и думал, что на всем корабле не останется ни одной палочки, торчащей вверх.

Высказав такое утешительное суждение, он тут же принялся распорядиться починкой кое-каких повреждений.

Гриффис все еще никак не мог притти в себя после всего случившегося и вернуть себе спокойствие, необходимое для исполнения ответственных обязанностей, которые так неожиданно к нему перешли после несчастного случая. Вдруг он почувствовал, что его кто-то слегка трогает за локоть.

— Английский капитан, кажется, намерен довольствоваться первым залпом,—сказал лоцман.—А так как мы быстроходнее его, то он все больше и больше проигрывает в расстоянии.

— Между тем он должен понимать, что у него единственный шанс нас догнать, это— перебить у нас снасти,— отвечал Гриффис.— Поэтому я думаю, что он все-таки попробует достать нас залпами, а пушки у него

ФЕНИМОР КУПЕР

бьют далеко

— Он играет гораздо более верную игру. Помните вы тот корабль, который был нами замечен раньше линейного? Вот он, смотрите! Это, очевидно, фрегат из эскадры, посланный за нами в погоню. Адмирал сперва растянул боевую линию, а теперь ее суживает

— До сих пор Гриффис все свое внимание сосредоточивал на линейном корабле, теперь же взял трубу и навел ее на замеченный корабль. По маневрам того и другого можно было ясно понять, что адмирал флаг которого развеялся на трехдечном корабле, понял всю невыгоду положения неприятельского фрегата, за которым он гнался и намерен был снова угостить его залпом всего борта. Но при этом он стремился отрезать фрегату всякий путь к отступлению.

— На западе лежали берега Англии, мимо которых шел "Проворный", стараясь, в виду своей слабости, держаться подалеже от неприятеля. С юга за фрегатом гнался линейный корабль. На востоке находился первый замеченный корабль, а с северо-запада приближалось еще какое-то судно; оно было еще чуть видно, но по его маневрам можно было заключить, что оно также военное.

— Я вижу, что мы заперты, — сказал Гриффис, опуская трубу, — и мне кажется, что нам бы лучше всего подойти ближе к берегу и проскользнуть при всей своей осторожности, забыв на минуту о двух других кораблях и обменялся с Гриффисом улыбкой гордости и удовольствия.

— Теперь нам ничего не стоит разнести их палубу! — воскликнул Гриффис. — Привяжите нашу мачту к их мачте!

— Корабль наш! — воскликнул боцман Больтроп, когда приказание было исполнено.

Между тем полковник Говард, возбужденный видом ворвавшихся на палубу фрегата англичан, громко звал их вперед.

— Замолчи, старая ворона! — крикнул Больтроп, хватая его за шиворот, — Убирайся в трюм, а не то я привяжу тебя к жерлу пушки.

— Долой оружие! — крикнул полковник, позволяя себе увлечься боевым пылом больше, чем допускало благоразумие.

Больтроп не выпускал его из рук. Старик отчаянно боролся с ним, но вдруг они оба упали. В суматохе боя на них никто не обратил внимания.

Набежала огромная волна и подняла американский фрегат. Веревки, привязывавшие к нему английский корабль, оборвались, и корабли отделились друг от друга. Мачта у английского корабля обломилась и упала в море со всеми реями. Корабли помчались в разные стороны, а английский, благодаря полученным авариям, сделался игрушкой ветра. Когда американский фрегат вышел из дымного облака, Гриффис вспомнил, что неприятельский корабль не один, и не без некоторой тревоги оглядел горизонт.

— От тридцатидвухпушечного мы отделались удачно, — сказал он лоцману, — но вот другой фрегат, такого же размера, как мы, и он, повидимому, желает взглянуть на нас поближе. С другой стороны приближается девяностопушечный линейный корабль, и я боюсь, как бы он не пожаловал к нам слишком рано.

— Надобно уходить, не дожидаясь абордажного боя с фрегатом, — отвечал лоцман, — и постараться побить его двояким образом: и пушками, и парусами.

— Так надо готовиться, а то он уже зарифливает свои паруса и быстро подходит к нам. Через несколько минут мы получим от него известия. Как вы полагаете, сэр?

— Пусть он зарифливает паруса, а когда он будет думать, что уже добрался до нас, мы распустим все свои паруса в одну минуту, выслав на реи двести рук сразу. Мы возьмем над ним верх неожиданностью. Но нужно для этого подождать, чтобы он подошел совсем близко...

— Возможно, что это приведет к успеху! — воскликнул Гриффис. — Ну, ребята, очищайте палубу; переносите раненых в трюм, а мертвых бросайте в море.

Все это было быстро исполнено, и Гриффис занялся уже другими делами и заботами, которых у него были полны руки. Среди своих занятий он услышал голос Барнстэбля, нетерпеливо звавшего Мерри. Гриффис оглянулся на голос и увидел Барнстэбля, до половины высунувшегося из большого люка, без верхнего платья, с почерневшим от дыма лицом и в окровавленной сорочке.

— Как я рад, Гриффис, что вы невредимы! — воскликнул Барнстэбль. — А бедного Больтропа отнесли вниз. Как жаль, что мачта неприятельского фрегата не продержалась еще десять минут, за это время я бы им столько всыпал!

— Может быть, все к лучшему, — возразил Гриффис. — А где ваши дамы?

Барнстэбль выразительным жестом указал на трюм и прибавил:

— В канатной камере, в такой безопасности, какая только возможна между деревом, железом и водой.

В это время Гриффиса знаком подозвал к себе лоцман, и молодые люди вынуждены были прекратить свой разговор.

Корабль, предлагавший бой, был тоже фрегат и приблизительно такого же размера, как американский, с таким же количеством пушек и таким же числом матросов. Гриффис поглядел на него внимательно и убедился, что на нем приняты все меры для сравнения шансов. Битва должна была скоро начаться.

ЛОЦМАН

— Вот теперь развертывайте все паруса,—посоветовал лоцман.

Гриффис приложил рупор ко рту и скомандовал:

— Все наверх! Все паруса по ветру!

Пятьдесят матросов бросились по реям, и паруса в одну минуту расправились, точно крылья у птиц. Английский капитан сразу не понял, что его обманули, и распорядился дать залп. Гриффис услышал полет ядер у себя над головой и с тревогой следил за их действием. Он вскрикнул от радости, когда увидел, что ими только перерезаны кое-какие канаты. Его крик подхватил весь экипаж. Ни одна мачта, ни одна рея не были задеты, но несколько раненых матросов упало с рей в воду. Фрегат прошел дальше, предоставив их на волю судьбы. В следующий момент мачты и рей неприятельского корабля тоже покрылись матросами, развертывавшими паруса, и Гриффис снова закричал в рупор, что есть силы:

— Картечью! Сбивайте их с рей!

Американский крейсер загремел, но англичане не испугались и с быстротой и точностью выполнили маневр. Гриффис и лоцман с тревогой убедились, что их план не удался. Корабли шли параллельно, осыпая друг друга залпами. Причиненные американскому фрегату аварии значительно замедлили его ход.

— Нам здесь есть с кем поговорить,—сказал Гриффис.—Вот и девяностопушечный опять показался. Стоит среди волн, точно гора. Если мы будем и дальше идти также медленно, он нас догонит.

— Это верно,—отвечал задумчиво лоцман. — Адмирал и мужествен, и сообразителен. Но...

Его перебил Мерри, прибежавший с блестящими глазами. Юноша понимал, что несет очень важное известие.

— Буруны!—крикнул он среди стоявшего шума.—Нас подхватило течение. Все море за двести сажений покрыто пеной!

Лоцман вскочил на пушку и поглядел во все стороны. Громким голосом он крикнул:

— Лево руль! Это Дивильс-Грип. Передайте мне рупор, мистер Гриффис! Лево руль, и палите в этих гордецов-англичан!

Гриффис передал ему знак своей власти и по лицу лоцмана догадался, что есть надежда. Матросы были слишком заняты своими орудиями и в пылу боя не заметили, что фрегат вошел в узкий и опасный проход между подводными скалами. Вдруг гул пушечных выстрелов покрылся ревом бешеных волн, ударявшихся о подводные камни, и фрегат, выйдя из окутывавших его облаков порохового дыма, смело пошел среди лабиринта подводных скал. В течение десяти минут лоцман непрерывно командовал, направляя корабль узкими, извилистыми ходами, среди множества бурунов, из которых достаточно было одного, чтобы погубить любое судно.

— Эти гибельные буруны—для нас спасение,—сказал лоцман, передавая обратно Гриффису рупор.—Берите курс на ост-норд-ост. Англичане ни за что не рискнут за нами туда пойти. Таким образом, мы опередим их на пять миль, потому что им придется огибать весь этот мыс с бурунами.

Он спрыгнул с пушки и сразу принял вид постороннего человека, как-будто даже не интересующегося тем, что кругом него делается.

Когда тревога и беспокойство несколько улеглись, все офицеры фрегата собрались группами на разных пунктах корабля, с которых можно было удобнее наблюдать за движениями неприятеля. Адмиральский корабль продолжал подвигаться вперед и остановился возле тридцатидвухпушечного фрегата, который был совершенно раснашен и превратился в игрушку волн. Американцы несколько времени любовались этим зрелищем своего торжества и кричали от радости. Но у них и своих забот было много: починка повреждений, помощь раненым. Они скоро перестали обращать внимание на неприятельские корабли.

Как и обещал лоцман, американский фрегат через час вышел удачно и благополучно из архипелага подводных скал. День склонялся к вечеру. Гриффис, весь день не покидавший палубы, с удовольствием видел, что корабль снова приведен в полный порядок и готов, если нужно, встретить нового неприятеля. В эту минуту корабельный капеллан прислал его просить, чтобы он сошел вниз в каюту. Поручив корабль Барнстэблю, Гриффис переменял верхнее платье, забрызганное кровью, и пошел туда, куда его настойчиво звал священник, присылавший за ним посла за послом.

ГЛАВА XXXIV

Когда молодой моряк, сделавшийся командиром фрегата, спустился с капитанского мостика, он с удовольствием убедился, что на фрегате все приведено в полный порядок. Палуба была старательно вымыта, все лужи крови с нее исчезли; из пушечных люков перестал выходить дым. Но когда он проходил мимо батарей, то, несмотря на свою торопливость, все-таки успел заметить на бортах корабля ужасные следы неприятельских ядер.

Дверь в общую каюту ему отворил старший хирург фрегата. Пропуская Гриффиса в комнату, врач покачал головой с видом специалиста, потерявшего всякую надежду, и ушел к другим раненым, которым он мог еще быть полезен.

В хорошо меблированной большой каюте, из которой еще не успели убрать двух больших пушек, придававших ей довольно странный вид, лежал на широком диване полковник Говард, раненый, как мы видели,

ФЕНИМОР КУПЕР

вместе с Больтропом в тот момент, когда они боролись друг с другом. Рана полковника была, очевидно, смертельна. Катерина горько плакала, наклонившись над умирающим стариком.

На противоположном диване лежал Больтроп.

О ране боцмана Гриффис уже знал, но положение полковника ему стало известно только теперь, когда он увидел старика собственными глазами. Он не сразу оправился от удивления и несколько минут переждал, прежде чем подойти к дивану. Самым искренним образом выразил он полковнику свое огорчение и сожаление.

— Будет, не надо, Эдуард Гриффис,—сказал полковник, знаком показывая ему, чтобы он замолчал.— Повидимому, на вашей стороне успех. Я велел вас позвать для одного дела, которое хочу кончить прежде, чем умру. Пусть никто не будет в праве сказать, что старик Джордж Говард забыл о своем долге, хотя бы даже в последнюю минуту. Вы видите ту плачущую молодую девушку? Скажите, вы ее очень любите?

— Неужели мне нужно отвечать на этот вопрос?—скачал Гриффис.

— Всегда ли вы будете ее любить? Всегда ли вы будете для нее отцом, матерью, опекуном, дядей? Всегда ли вы будете опорой ее?

Гриффис в ответ только пожал руку полковника, которую взял в свои.

— Я вам верю, Эдуард! Я был, пожалуй, неправ, собираясь выдать свою племянницу за Кристовера Диллона, моего несчастного родственника. Теперь я узнал, что он поступил бесчестно и вероломно, так что даже если бы он был жив, я бы не выдал за него Цецилию. Но он умер! Еще одно слово: знаете ли вы этого американского офицера, мистера Барнстэбля? Что он за человек?

— Мы много лет вместе плавали, и я могу ручаться за него, как за самого себя.

Полковник сделал усилие, чтобы привстать, и отчасти это ему удалось. Опираясь на локоть, он устремил на лейтенанта пронизательный взгляд, придавший его чертам выражение необыкновенной торжественности.

— Я вас спрашиваю о нем, не как о товарище по увеселениям,—сказал полковник.— Забудьте на минуту о своей личной дружбе с ним. Вас спрашивает умирающий, которому нужно ваше искреннее мнение. Дочь Джона Плоудена поручена мне, я ее должен беречь. Мне было бы страшно тяжело умереть с сознанием, что я отдал Катерину человеку недостойному

— Барнстэбль человек в высокой степени честный и порядочный. Он настолько же добр, насколько храбр. Вашу воспитанницу он любит... Подобно мне он отдал предпочтение стране, в которой он родился, перед землей своих предков, но...

— Об этом я больше уж не думаю — сказал полковник, перебивая Гриффиса.— После того, что я сегодня видел, я пришел к убеждению, что вы в этой борьбе одержите победу.

Гриффис велел позвать Барнстэбля, и это было исполнено так быстро, что тот уже успел войти, а Гриффис еще не возобновлял разговора с полковником, который лежал и о чем-то думал. При входе Барнстэбля умирающий старик еще раз привстал с усилием и, к удивлению молодого человека, первый заговорил с ним, но далеко не тем дружеским и доверчивым тоном, каким он говорил с Гриффисом:

— Из сделанных вами заявлений моей воспитаннице, дочери покойного капитана Плоудена, сэр, я совершенно ясно понял ваши желания и намерения. Дженгльмены, вы оба достигли ваших целей.

Умирающий умолк, а потом добавил:

— Господа, все документы, касающиеся состояния моих воспитанниц, вы найдете у моего лондонского банкира. У него же вы найдете и мое завещание, Эдуард, и из него вы увидите, что женитесь не на бесприданнице.

— Не говорите об этом! Ради бога, не говорите!—рыдая, воскликнула Катерина.— О себе говорите! Думайте только о вас самих!

Умирающий протянул ей руку и снова заговорил заметно слабеющим голосом:

— О себе я скажу только то, что желаю быть похороненным на суше, как все мои предки.

— Ваша воля будет исполнена,—сказал Гриффис.

— Благодарю вас, сын мой! Вы теперь мой сын, раз вы будете мужем Цецилии.

Последовала длинная пауза. Наконец, он заговорил опять прерывистым и слабым голосом:

— Поцелуй меня, Цецилия, и ты также, Катерина! Ты похожа, Катерина, на своего отца, на честного Джона. У меня темнеет в глазах. Где ваша рука, Эдуард? Молодой человек, вы получили от меня все, чем я дорожил на старости лет. Любите же ее! Мы с вами плохо понимали друг друга. Я в вас ошибался, как и в мистере Кристовере Диллоне. Может-быть, я ошибался и в своем долге относительно Америки, но... я был уж слишком стар, чтобы менять политические убеждения...

Это были последние слова полковника Говарда.

Его тело перенесли в так называемую большую камеру.

Больтроп с блестящими глазами следил за всей этой сценой. Вернувшись в каюту, молодые офицеры сейчас же подошли к нему, и Гриффис сказал, дружески пожимая ему руку;

— Я знал, Больтроп, что вы тоже ранены, но ведь вас уже не в первый раз задевает картечь, и я надеюсь, что вы выздоровеете.

— Это верно, что пуля не в первый раз пробивает мой старый кузов,—ответил боцман,—но на этот раз она угодила в хлебную камеру, и я чувствую, что мое крейсерство кончилось.

ЛОЦМАН

— Нет, Дэвид, нет! Зачем отчаиваться?—сказал Барнстэбль.—Вы и не такие раны переносили благополучно.

— Нет, на этот раз мне не выжить. Даже и хирург это понял, я видел по его лицу. Капитан Мэнсон счастливее меня: он умер разом. Вы, кажется, говорили, мистер Гриффис, что ядро сшибло его прямо в море! Значит, убило и похоронило одним ударом.

— Это верно, что его смерть была мгновенная. Но ведь этого мы все, моряки, должны ожидать.

Боцман с минуту пристально глядел на него и на остальных собеседников, потом ответил слабеющим голосом:

— Меня в эту минуту всего больше заботит то, что у нас до сих пор не исправлен как следует главный передний канат. Его перерезало ядро с линейного корабля. Надобно его пересмотреть весь и перевязать все узлы.

— Не беспокойтесь ни о чем, Больтроп, все будет сделано. Думайте только о себе. Нет ли у вас какой-нибудь личной заботы? Можете-быть, вы хотели бы распорядиться своим имуществом, если оно у вас есть, или передать что-нибудь вашим близким?

— У него, я знаю, есть мать,—сказал Барнстэбль,—Мы с ним часто говорили о ней, когда бывали вместе на вахте.

Боцман услышал. С минуту он молча жевал свой табак, заметно волнуясь, потом поднял одну руку и сказал:

— Да, старуха еще держится на своих якорях, не то, что ее сын Дэвид! Мой отец тоже умер в море, погиб при крушении „Сусанны" и „Доротеи". Вы помните это крушение, мистер Барнстэбль? Вы тогда молоденьким были... Это для старухи явилось тяжелым ударом. С тех пор у нее никого не оставалось, кроме меня, чтобы поддерживать ее на воде.

— Вы хотели бы послать ей какую-нибудь весточку от себя?—спросил Гриффис.

— Ну, весточку, зачем же?—отвечал слабеющим голосом боцман.— Мы между собой нежности разводить не привыкли. А вот прикажите подвести мой итог в казначейской книге, и, что будет следовать в мою пользу, пошлите ей. Я вам и адрес ее скажу: Бостон, Корнгиль, номер десять. Там она дрейфует под ветром. Ей уж восемьдесят лет. Я для нее позаботился устроить удобную якорную стоянку, соответственно ее летам.

— Хорошо, Дэвид!—воскликнул Барнстэбль, стараясь скрыть свое волнение.—Я беру это на себя, и как только мы придем в Бостон, сейчас же ее навещу, а так как ваш остаток едва ли окажется очень велик, то я поделюсь с ней из своего кошелька.

— Я знаю, что вы это сделаете. Дик,—сказал тронутый боцман, пожимая руку молодого человека,—я знаю, что вы последним поделитесь с матерью товарища, но только ведь ваш отец не очень вас балует, и у вас в кошельке часто у самих бывает отлив.

Больтроп задышался. Он попытался привстать, но не мог и бессильно откинулся на диван. Несколько секунд он боролся со смертью, сиюсь произнести несколько слов, и проговорил, наконец, хриплым и слабым голосом:

— Не забудьте про второй якорь и осмотрите хорошенько подставки у нижних рей...

У него отнялся язык, лицо приняло выражение спокойствия.

Гриффис, глубоко потрясенный, вышел на палубу.

На „Проворный" давно перестали обращать внимание. Но он, пользуясь своим небольшим водоизмещением, сумел издать следовать за фрегатом среди лабиринта бурунов и благополучно вышел из них. Его подозвали сигналом и дали ему инструкцию, как идти. Английские корабли виднелись только в виде чуть заметных точек. Американцы, зная, что между ними лежит широкий барьер из отмелей, не считали уже для себя опасным присутствие неприятеля.

Когда корабли были готовы, и все налажено, оба судна пошли в Голландию, и скоро берега Англии скрылись из вида.

Всю ночь фрегат шел, а на утро лег в дрейф, и боцманский свисток созвал весь экипаж на палубу для отдачи последнего долга усопшим.

Тело Больтропа, тела двух офицеров, умерших за ночь от ран, и несколько матросов были выброшены в море с обычной церемонией, после чего паруса снова поставили, и корабль ушел от водяной могилы.

Когда солнце вступило на меридиан, оба корабля опять легли в дрейф и приготовились расстаться. Тело полковника Говарда перенесли на „Проворный", куда перешли также и Гриффис с Цецилией. Когда все было готово, Гриффис жестом руки простился с Барнстэблем, которому он отдал команду над фрегатом, и корабль, распустив паруса, помчался в Америку мимо Дувра и Калэ среди многочисленных английских кораблей, покрывавших Ламанш. Задача была трудная, но она раньше того удалась фрегату „Союз" под тем же звездным флагом.

Тем временем „Проворный" быстро шел в Голландию и через час был уже в виду ее берегов. Куттер снова лег в дрейф. В море спустили маленькую лодку. Гриффис и лоцман, совершенно незаметно перебравшийся тоже на куттер, вышли из каюты и поднялись на палубу. Посмотрев кругом на море и на небо, как бы для того, чтобы определить будущую погоду, лоцман обвел глазами весь берег и дружески протянул руку Гриффису.

— Здесь мы с вами расстанемся, сэр,—сказал он.—Наше знакомство не привело к тем результатам, которых мы с вами ждали, и потому будет всего лучше, если вы забудете, что мы с вами когда-нибудь виделись.

Гриффис почтительно ему поклонился.

ФЕНИМОР КУПЕР

Не обращая внимания на устремленные на него любопытные взгляды, лоцман прыгнул в лодку и сам поставил парус с ловкостью и опытом бывалого человека. Четыре гребца взмахнули веслами, и лодка помчалась. Лоцман еще раз махнул Гриффису рукой на прощанье, и Гриффис заметил на его губах печальную улыбку. Когда лодка скрылась из вида, лейтенант отдал приказ итти в дружественный порт.

Среди экипажа было много разговоров о таинственном лоцмане, но Гриффис сделал вид, что даже не слушал их. Наконец, ему доложили о возвращении лодки, которая и вошла в порт одновременно с куттером, неся треугольный парус. Гриффис облегченно вздохнул, когда узнал, что лоцман благополучно прибыл к месту назначения.

ГЛАВА XXXV

Фрегат, которым командовал Барнстэбл, смело проложил себе дорогу сквозь целый рой неприятельских кораблей и пришел в Бостон, где Барнстэбля наградили производством в капитаны и утвердили командиром того же фрегата.

Капитан Мануэль, возвратившись на родину, хлопотал об обратном поступлении в сухопутное войско. Это ему удалось без особенного труда. Он принял участие в войне, а по ее окончании остался на службе в постоянной армии.

Когда англичане сняли, наконец, линию военных постов вдоль границы, Мануэля с его ротой поставили в небольшой крепости на берегу из одной пограничных рек на севере Соединенных Штатов. Британский флаг развевался над английской крепостью как-раз напротив американской, по ту сторону границы с Канадой. Мануэль был человек, строго соблюдавший все правила военного этикета. Узнав, что английским флотом командует какой-то майор, он сейчас же отправился к нему с визитом. В краснолицем, веселом майоре Мануэль сразу узнал своего старого знакомого по „аббатству“ капитана Борроклиффа, хотя тот и ходил на деревянной ноге.

Оба чрезвычайно обрадовались друг другу и охотно возобновили старинное знакомство. Стали они видаться почти каждый день и для своих свиданий построили на одном острове посредине реки досчатую хижину, в которой и задавали друг другу, на нейтральной почве, регулярные попойки. Расходы велись пополам обоими комендантами. Борроклифф доставлял портвейн, а Мануэль—мадеру.

Молодые офицеры обоих гарнизонов нередко заводили разговор между собой о том, в какой битве был ранен майор и как он лишился ноги. Английские офицеры объясняли американцам, что этот случай произошел в настоящей битве на северо-восточном берегу Англии, где капитан Борроклифф командовал отрядом. За отличие и ранение его тогда же произвели в майоры без взятия платы за патент. В этих разговорах оба ветерана, обыкновенно, не принимали участия из деликатности, но если такой разговор заходил под конец обеда, то Борроклифф делал другу сочувственную гримасу и жестом показывал, что он помнит встречу на утесах, а Мануэль дотрагивался до своей макушки, давая этим знать, что он тоже не забыл ее.

Гриффис служил во флоте до конца войны, командуя большим кораблем, потом вышел в отставку и занялся своими делами.

Прошло лет двенадцать. Однажды Гриффис небрежно прочитывал пачку газет. Вдруг его жена заметила, что он бросил газеты на стол, облокотился на него и подпер голову руками, как человек, прочитавший неприятное известие.

— Что тебя так взволновало?—спросила Цецилия.

— Помнишь ли ты, Цецилия, человека, который был с нами в „аббатстве“, когда мы оказались пленниками твоего дяди? Этот человек потом привел с собой большой отряд и освободил нас?

— Помню. Это был, как говорили, лоцман вашего фрегата, но английский капитан, живший у моего дяди, подозревал, что он вовсе не то, чем хотел казаться.

— Капитан Борроклифф угадал совершенно верно. Но если бы ты только видела этого лоцмана в ту ночь, когда он нас в страшную бурю вел через подводные скалы Дивильс-Грипа, или когда через те же буруны он опять благополучно нас провел, спасая фрегат от гнавшегося за нами девьяноступечного корабля!

— Я тогда ничего не видала, я только слышала гром сражения. Но почему ты заговорил об этом человеке? Ты прочел его имя в газетах/ Это, кажется, английские. Ведь его фамилия была Грэй, насколько я помню?

— Да, под этой фамилией он был известен у нас. Это был талантливый человек, но страшно честолюбивый. Я дал ему обещание не открывать никому его настоящей фамилии. Теперь он умер. Он сражался с нами за свободу, но кончил свои дни на службе у деспотического правительства.

— Кто же он такой был?

— Он был человек, которому я дал слово, что сохраню навек его тайну,—отвечал Гриффис.—Я не считаю, что его смерть освободила меня от обязанности держать данное слово. Достаточно тебе знать, что он был главным устроителем нашего брака, и что наше счастье рисковало потерпеть полное крушение, если бы нам в Немецком море не встретился этот „лоцман“.

Ключевые слова: шкуна “Ариэль”, куттер “Проворный”, капитан Мануэль Гриффис, капитан Барнстэбл, капитан Борроклиф, Цецилия.